

Анатолий Анатольевич Логинов
«Попаданец» Сталин. Вождь танкистов из будущего

Три танкиста из будущего – 3

ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКАЯ ФАНТАСТИКА

Анатолий Логинов «ПОПАДАНЕЦ» СТАЛИН

Вождь танкистов из будущего

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=4583004

««Попаданец» Сталин. Вождь танкистов из будущего / Анатолий Логинов»: Яуза, Эксмо; Москва; 2012
ISBN 978-5-699-58927-2

Аннотация

Новый роман от автора бестселлера «Три танкиста из будущего»! Если уж переигрывать историю Второй Мировой – ходить следует с высшей масти, со старшего козыря! Чье имя носил самый мощный советский танк Великой Отечественной войны? Кто должен был «послать машины в яростный поход»? Как проще всего изменить историю СССР? Правильно – завладев телесной оболочкой И.В. Сталина!

Казалось бы, став всесильным Вождем, «попаданец» из будущего должен исправить все былые ошибки, подготовить Красную Армию к нападению Гитлера, предотвратить разгром 1941 года. Почему же тогда и в альтернативной реальности Великая Отечественная начинается почти так же катастрофически, как в нашем прошлом? Виновата ли в этом пресловутая «инерция истории»? Или слабость самого «попаданца», чья личность постепенно теряет контроль над разумом Сталина, подавленная могучей волей Вождя? Или проклятый генерал Павлов, погубивший Западный фронт, подставил наши войска не по глупости и бездарности, а вполне сознательно, намеренно, специально? Но кто тогда контролирует его разум? И каких еще дров способен наломать убежденный «либераст», заброшенный в Сталинскую эпоху?..

Анатолий Логинов «Попаданец» Сталин. Вождь танкистов из будущего

*Выражаю глубочайшую признательность:
Алексею Махрову, без которого это й книги не было бы.
Всем коллегам с форума «В вихре времен»
(<http://forum.amahrov.ru>) – за помощь в написании книги, особенно
Сергею Кокорину, Сергею Акимову, Игорю Черепанову и Александру
Кулькину.*

*Всем своим друзьям и знакомым – за те знания и навыки,
которые я передал героям.*

Моей жене и детям – за моральную поддержку.

Пролог

– Подъем!

– Есть контакт подъема!

Эти слова звучали уже много раз и теперь, в отличие от первых пусков, произносились усталым, даже, если вслушаться, слегка унылым голосом. Конечно, уже совсем привычная картина – впереди, в отдалении, ярко полыхнуло, заливая окрестности белым светом, и через полсекунды бункер содрогнулся от первой, заставившей вздрогнуть всю конструкцию, волны. Томительно медленно тяжеловесная конструкция, что-то вроде пятиглавого собора, или, учитывая острые очертания оголовков, скорее – мечети, под оглушающий даже за толстенными стенами бункера грохот оторвалась от стартового стола и начала карабкаться в небо. Многие из присутствующих уже привычно начали готовиться к вспышке неминуемого, как им казалось, взрыва, но тяжеловесный исполин, опираясь на столб огня, все увереннее и увереннее рвался в небо. Через несколько секунд после удара второй воздушной волны, под непрерывную вибрацию стен, пола и всего оборудования, стоящего внутри бункера, ракета окончательно оторвалась от Земли. Под звучащие доклады «Крен, рысканье, вращенье в норме» она, все ускоряясь и ускоряясь, устремилась вверх, за облака, исчезая из поля зрения наблюдателей.

– Красиво, бл... так ее и разэтак! – От избытка чувств молодой генерал в форме ВВС не сдержал эмоций, выразив их кудрявым ругательством.

– Угумс, – собеседник, известный всей стране еще с тридцатых годов по фотографиям к газетным репортажам, тоже в генеральской форме, но с тремя звездочками в петлицах вместо двух, был более сдержан. Стоящий же рядом с ними Генеральный Конструктор лишь неодобрительно покосился на молодого генерала и поправил рукой с поврежденным, бросающимся в глаза, пальцем воротничок рубашки.

– Отсечка первой ступени... десять секунд... три, два, один, ноль... Есть отсечка первой ступени!

– Хорошо идет, поздравляю, – генерал-лейтенант авиации был спокоен. Генеральный явно успокоился тоже, но боялся спугнуть удачу. – Дождемся сигнала с полигона, – нейтральным тоном заметил он.

– И спрыснем успешный пуск шампанским! – молодой генерал был возбужден. Еще бы, первый пуск в его присутствии и сразу удачный. Есть о чем рассказать отцу, который, несмотря на болезнь, живо интересовался всем происходящим в Тюра-Таме.

Познать себя в бою

...а он, не открывая глаз, шипел сквозь стиснутые губы и бормотал:

«...Это Эксперимент надо мной, а не над ними».

А. и Б. Стругацкие. «Трудно быть богом»

Утро 9 сентября 20... года. Москва.

Где-то на Калужской ветке метро.

Алексей

Народу в метро, как всегда осенью, набилось, словно шпрот в банку. Да и воздух напоминал то самое масло, в котором эти самые шпроты плавают. Алексей втиснулся в вагон, вздохнул и тотчас почувствовал, как закружилась голова. Мало того, что не выпался, так, похоже, теперь всю дорогу придется стоять на ногах. Чертыхнувшись про себя, он достал из сумки наладонник и развернул All Reader. Если уж так не везет, то хотя бы почитать. Но и тут его ждала неудача. Несколько книг, закачанных вчера с Самиздата, оказались настолько нечитабельны, что он уже было собрался убрать наладонник. Но тут среди названий остальных файлов мелькнуло знакомое название книги о четырех Марти-Сью, то есть неvěе... хм... невероятно умных, удачливых и самых простых российских интеллигентах-суперменах. Получивших в свои руки сказочные возможности и использовавших их для того, чтобы самим жрать сладко, спать гладко и заботиться о своей драгоценной совести, сохранении дореволюционных порядков и трехстах сортах колбасы. Еще раз глубоко вздохнув, он открыл последнюю часть книги, весьма популярную в начале девяностых, и начал читать о славных приключениях двух основных героев, попавших в тела Сталина и его лучшего полководца, сидящего в лагере. Ну, а что в этом неправильного? Ведь в начале девяностых всем было известно, что лучшие полководцы СССР сидели в ГУЛАГе, а на свободе оставалось всякое отребье, лизавшее Сталину не будем уточнять что.

Тут как раз объявили остановку, на которой большинство пассажиров выходило, чтобы пересест на Кольцевую линию, и Алексей, облегченно вздохнув, сел на освободившееся место. Теперь читать не хотелось совершенно, и он прикрыл глаза, решив продремать оставшиеся пять перегонов. Закрыл глаза и незаметно для себя заснул...

Где-то, когда-то.

Пахнет деревом и свежим воздухом

Какое-то неприятное ощущение в левой руке заставило меня открыть глаза и сразу же снова закрыть их. Закрыть инстинктивно, ведь то, что я увидел, совсем не походило на вагон метро. «Больница? Не очень похоже, но что еще это может быть?» – мелькнула в голове

мысль. Хотелось громко закричать, вскочить, кого-нибудь позвать, но наработанные за двадцатипятилетний срок службы в армии инстинкты и опыт подсказывали, что прежде чем психовать, надо оценить обстановку. Да и вообще, какая может быть паника, если он спит в своей постели, у себя на даче, в своей комнате...

«На какой, вашу мать, даче?! У меня ее отродясь не было! Это что, последствия аварии? Неужели вагон взорвали, или поезда в метро столкнулись? Точно, с самолетом, заходящим на посадку, и столкнулись...» – шутка, конечно, не самая удачная, но в таких обстоятельствах. На безрыбье, как говорится, и сам раком станешь...

«Так, а все же непонятно, что случилось-то? Где я? Какая дача? Что с рукой? Ситуация как в анекдоте: «Что со мной? Что это за город? В каком веке я живу, доктор?» – А доктор внимательно посмотрел и отвечает: «А вы сами-то кто?»... Ну и кто он – я? И вообще, это реальность или сон? Вашу мать, может, просто пожар какой и я лежу, надышавшись угарного газа, и брежу? Как в той, прочитанной еще в восьмом классе книге. «Дом в тысячу этажей», точно. Лежу это я и сню себя Наполеоном... Или...»

Тут из глубины сознания всплывают имя, фамилия и отчество. «Да уж, попал так попал. Хорошо, что это только сон или бред. Ну не может в жизни такого быть», – раздумываю я, замерев и стараясь даже пореже дышать в смутной надежде, что сейчас этот дурацкий сон закончится, и я опять окажусь на скамейке вагона метро или, в самом неблагоприятном случае, на койке в больнице. Ничего не меняется, и я уже почти решаюсь позвать хотя бы кого-нибудь, но тут, перебив дальнейшие размышления, раздается легкий, деликатный стук в дверь.

– Да, – черт, а какой неприятный голос. И курить хочется. «Какой, вашу тещу, курить! Я же уже десять лет, как бросил!» Тем временем дверь еще деликатней, хотя, кажется, больше и так некуда, открывается, и в проеме возникает голова.

– Товарищ Сталин, вы просили вчера разбудить пораньше, – произносит лейтенант госбезопасности с небольшим, едва уловимым испугом.

– Спасибо. – «Имитирую, или на самом деле акцент прорезался? Не пойму» – Может быть свободни.

Голова исчезает, а я встаю, с непривычки чуть не упав. Все как-то странно изменилось, реакции тела совершенно непривычны. А уж одежда! Мысленно матеряюсь и повторяю про себя: «Это сон. Спокойно, это только сон, и он не страшнее аварии в Марах», начинаю одеваться. Немного повозившись с непривычными кальсонами на завязках, замечаю, что быстрее всего дело идет, когда я думаю о чем-то постороннем, предоставив телу самому разбираться с этими пуговицами и крючками. Наконец я вполне снаряжен, только вот организм настоятельно напоминает о своих потребностях. Черт возьми, и напоминает чрезвычайно реалистично! Неужели это все же не сон? Не, ерунда. Не может быть такого. Это бывает только в фантастических романах. Да и то, учитывая, в кого я попал – весьма определенного сорта. «Не читайте книг о попаданцах в душном вагоне. Но ведь других нет? Вот и не читайте никаких», – перефразирую мысленно разговор Борменталья и Преображенского, пытаюсь вспомнить, куда же идти. Но мысленные усилия остаются тщетными, ничего не вспоминается. Тогда я начинаю обдумывать возможность спросить у охраны. Представляю реакцию недавно увиденного лейтенанта, отвлекаюсь, и тут же ответ всплывает в голове сам собой. Ага, чтобы что-то узнать, надо сначала об этом подумать, а потом отвлечься от вопроса. Уже легче. Но, черт побери, сон какой натуралистический. Снились мне пару раз такие, но все равно какой-то частью сознания я ощущал, что это лишь сон. А сейчас такого ощущения нет. Только вот помнится мне, что в прочитанной мною книге контуженному фронтовику тоже казалось, что сон – это реальность, а настоящая жизнь, с ее госпитальной палатой – сон. Будем пока исходить из этого и не паниковать. «Да и вообще, я столько книг про ЭТО прочитал, неужели не справлюсь? Если вспомнить, на одном из форумов даже список встречал, что я в таком случае должен сделать в первую очередь, точно. Черт побери, что-то вдруг из головы вылетело. Башенку на Хрущева поставить, Гудериана отправить в ГУЛАГ без фуражки, кого-то перепить. Хе, вот последнее

будет труднее всего. Мой... как же его назвать, не помню... а, точно – «реципиент», практически не пьет ничего, кроме молодого вина. Ну, пару рюмок хорошего коньяка иногда, под настроение. Да уж, попробуем вспомнить, что же с кем надо сделать. Хрущев...» – все эти мысли отнюдь не мешают мне пройти в столовую, поздороваться и закусить чем бог послал. А еда вкусная! «Так, о чем я только что вспомнил?» – не успеваю припомнить, как из глубины сознания всплывает четкая, холодная как острие поднесенного к горлу ножа, мысль: «Хрущева пока не трогать. Съедят...» И вслед за ней – разложенный, как в лучших аналитических записках, расклад сил в руководстве Союза. Всегда подозревал, что все непонятки, которые возникают при чтении нашей истории, неспроста... Рад узнать, хотя бы и во сне, что я прав. Может, в Менделеевы записаться? Смех смехом, а ведь действительно, если считать, что Сталин один управлял всем, то становится непонятно, почему он многое не смог изменить и как после его ухода взяла власть кодла партократов. Зато, если принять, что в руководстве СССР, как и в любом другом руководстве, допустим, даже небольшой какой-нибудь фирмы, есть различные группировки, и управление производится с учетом баланса их интересов – все сразу становится на свои места. Конечно, в тридцать седьмом всяких Эйхе и Косиоров немного почистили, только ведь эта система, как гидра, и на месте срубленных голов уже снова отрасли новые. И одна из них... «Ха-ха, назовем его Белым. Почему? А потому что уж очень расписывал, как боролся против Темного Властелина, то есть... меня».

За этими размышлениями незаметно оказываюсь в машине. Заодно и вспоминаю, что сегодня необходимо утвердить план эвакуации промышленности на случай войны. Тем более что сегодня уже третье мая, а в донесениях разведчиков «день Д» – пятнадцатое. И хотя я помню, что в реальности ничего не произошло, во сне я волнуюсь. Чем черт не шутит, пока главный герой, то есть я, спит.

Вот тут на меня накатывает. «А вдруг это – на самом деле?» – опять хочется заорать, выскочить на полном ходу из машины или приказать остановиться и, подозревав охранника, застрелиться из его пистолета. Тело колотит мелкая дрожь, противная, липкая слабость медленно поднимается откуда-то снизу... Как ответ на это, вдруг вспыхивает удвоенная ярость, моя и реципиента. «Чтоб вас всех перевернуло да подбросило!» – ругаюсь и шипаю себя, шипя от боли. В конце концов, я офицер, и меня учили находить как минимум два выхода из любого безвыходного положения! Чтобы товарищ Сталин сдался – такого не будет! Дезертировать со своего поста накануне ТАКОЙ войны – это хуже, чем предательство.

Медленно успокаиваюсь. Что же, попал в кузовок – не говори, что не гриб. «Присягу помнишь? Ну вот, теперь и исполняй, сам Главнокомандующий приказ отдает: – Держаться.... Правда он – я пока еще... черт, запутаться можно. Ладно. Делай, что должно, и хрен с тем, что будет!»

Вот как раз и машина въехала в ворота башни.

5 мая 1941 г. Москва. Кремль.

Кабинет Сталина.

Алексей-Иосиф

Фантазмагория продолжается. Третий день... и у меня все меньше уверенности, что это сон. Не бывает таких четких и детальных снов. Разве что бред. Нет, даже для бреда все слишком реально. Смотрю на человека напротив, а реакция парадоксальная. В голове всплывают картинки из «Семнадцати мгновений весны», с документами и закадровым голосом. Черт возьми, осталось только ляпнуть вслух: «Характер нордический» – для полного счастья.

И так уже ближние время от времени с опаской поглядывают. Решили, кажется, что я приболел. Ну еще бы. Ходит товарищ Сталин неожиданно задумчивый, неторопливый, постоянно «тормозит», не всегда сразу вспоминая, как кого зовут или куда идти. Черт побери, еще и «врачей-отравителей» натравят. Не хватало только, чтобы эскулапы какие-нибудь изменения учуяли. Или залечат, или еще что-нибудь придумают.

Хорошо, что сегодня только он один и записан. И так в голове бардак полный. Ну не знаю я предвоенного времени, тем более всяких подробностей из жизни нашего руководства. Знания же самого реципиента не всегда вовремя всплывают. Вот и думай. Сделаешь что-нибудь, думая улучшить положение, а окажется еще хуже. Первую половину дня так и просидел, думая и вспоминая. Посмотрел материалы доклада, а потом взял книгу Макиавелли и делал вид, что ее читаю, образцы почерка изучал по заметкам на полях, да и сам для памяти заметки делал. Интересно, что потом историки про них выдумают? (Если конечно, опять Белый к власти не придет и не спрячет все эти книги в спецхран). Особенно заметки типа такой: «Павл... заг. еще попа...ук. лпб». Тут сам если забудешь, не поймешь, о чем написано. Это я свои мысли на ходу записывал, чтобы систематизировать потом. Генерал Павлов – это та проблема, что мне в первую очередь вспомнилась. Да еще его возможная причастность к заговору, о которой я где-то читал. А потом, по аналогии, вспомнились эти попаданцы у Звягинцева. Их же двое было, так, может, и я здесь не один? Надо указания Берии дать – пусть отслеживает все непонятное, связанное с изменением поведения людей, с появлением необычных шпионов и тому подобное. Глядишь, действительно еще гости из будущего появятся. А с Павловым – совсем непонятно. Старался ведь мужик, та же записка о тяжелых танках. Да и с танковыми корпусами он не совсем правильно был понят. Он ратовал за их разукрупнение, так как они слишком громоздкие. Наши же генералы поступили по Черномырдину, разогнав корпуса полностью. Но вина самого Павлова в этом минимальна. К тому же и сейчас к нему никаких претензий нет. А теперь вот еще этот адмирал... Трибуц. Не помню ничего такого особо хорошего про него, хоть убей. Подлодки не особо результативно действовали во время войны. Только Маринеско и отличился, один раз утопив несколько тысяч военных, в том числе и тысячу с чем-то подводников. Но это уже в конце войны было. Так что не блистал наш Балтфлот. С другой стороны, с детства помню, торпедные катера там неплохо дрались. Да и малые охотники отличились, подлодку с новейшими самонаводящимися торпедами утопили. Англичане потом ее у нас выпрашивали. Так что вот на основе этой скудной информашки и думай. Ну, я к нему неплохо отношусь, да и Кузнецов вроде считает, что он вполне на месте. Но в Финскую побед особых у флота тоже не было...

– Значит, товарищ Жданов, вы считаете, что Балтийский флот к военным действиям готов?

– Да, товарищ Сталин. Практически готов.

– Это хорошо, товарищ Жданов. А как настроения в Ленинград? Нэт необходимости помочь оборонным заводам?

Пока Андрей Александрович рассказывает мне последние новости Ленинграда и области, а также о необходимых, с его точки зрения, дополнительных поставках, я, слушая и запоминая, продолжаю обдумывать необходимые меры. Не забыть, шени деда, про Бадаевские склады.

– Ми вам поможем, товарищ Жданов, – перечисляю действительно необходимое, что можно поставить сверх фондов для Питера. – Но у меня ест одын вопрос. Ви увэрены, что сделано все для сохранения запаса продовольствия? Если не ошибаюс, основные запасы сосредоточены у вас в одном местэ?

На это следует небольшой доклад. Понятно, в таком случае лучше не спорить, а отдать приказ в свое время. И пусть попробует не выполнить. Закругляю разговор и прощаюсь. Нет, но у него явно с сердцем не в порядке. Рука холодная, полнота излишняя. Надо бы врачам подсказать.

Подведем итоги. Судя по всему – человек в целом преданный, но с неба звезд не хватает. Если еще припомнить довольно-таки бездарно проведенную послевоенную кампанию по защите социалистического реализма в литературе, да странную близость к Вознесенскому. Получается, в итоге, что использовать стоит, но воли много не давать. От идеологии понемногу отстранить. Впрочем, какая тут идеология, война на носу. Придется использовать всех, кого можно. «Других людэй у мэня для вас нэт».

Да, еще что-то во время раздумий о Павлове в голове мелькнуло. Вроде о том, что надо бы припомнить всех, кто отличился, и составить список. Нет, еще что-то... Ага, про попаданцев. Надо завтра с Берией встретиться и обсудить вопрос. Не прямо конечно, но так, чтобы выявляли. Может быть, не у одного меня странности в поведении появились. Потом, песни необычные, произношение... Как-то надо замотивировать это задание или нет? Лаврентий мужик умный, все равно ни слова не скажет. Будем полагать, что и не подумает лишнего, а если подумает – оставит при себе.

Опять всплывает мысль: «Нерационально мыслишь. Думай организованно». Ни фиги ж себе! Это реципиент меня строит! Но если подумать... признаю, в чем-то он прав. Действительно, растекся мыслию по древу. Все никак не привыкну.

Итак, на завтра – расширенная встреча с работниками авиапромышленности. А сегодня надо более тщательно проработать список перспективных генералов. Кого я помню? Так, Новиков, Голованов, Василевский, Ватутин, Конев, Рокоссовский. А Жуков? Жуков – несомненно, но надо будет после войны за ним присматривать. Помню, что у него головокружение от успехов началось. (Всплывает) Еременко? Не помню. Нет, вспомнил, обещал Гудериана разбить, но подвел. Кто еще? В ответ на этот вопрос всплывает множество незнакомых фамилий. Ничего себе, память у товарища, чуть ли ни всех генералов наизусть помнит. Но мне от этого не легче, ничего про большинство из них не помню. Ага, вот еще трое знакомых – Штеменко, он про Генеральный штаб писал, Антонов, тоже генштабист, и Говоров, артиллерист. Последний еще и фронтом покомандовал, по-моему. А вот Кирпонос погиб в Киевском котле. Что же делать, никого больше не помню. Вот ведь память проклятая. Даже о тех, кого вспомнил, подробностей вспомнить не могу.

Но за Павловым точно посмотреть надо. Помню, что он управление частями потерял, а в его округе больше всего самолетов немцы уничтожили. Надо ему хорошего начальника штаба послать, наверное. С Борисом Михайловичем и Тимошенко посоветоваться и послать. Да и по линии Особого Отдела поплотнее за ним пусть присмотрят. Менять пока не будем. Да и не на кого, по большому счету.

Надеюсь, что это все же сон. Иначе можно сойти с ума. А если не сон? Тогда будем жить, черт побери. Пусть эта сволочь, которая все это сотворила, не надеется... Не дождется. Будем жить, товарищ Сталин, будем жить. Машинально встаю, прохаживаюсь по кабинету и, подойдя к столу, достаю из него последовательно: трубку, пачку папирос «Герцеговина Флор», спички. Ломаю пару папирос, набиваю трубку, прикуриваю. Хорошо! Чего-о? Я ж не курил. Теперь, значит, курю...

Ладно, пора идти. Ждут.

5 мая 1941 г. Москва. Кремль.

Большой Кремлевский Дворец.

Алексей-Иосиф

Эх, а ведь сильно волнуюсь. Как бы чего не ляпнуть сгоряча-то. Аплодировали, кстати, не так уж и долго, дисциплинированно прекратили, как только я место в президиуме занял. Военные. Так, послушаем, что нам сегодня расскажут. Не, доклад и поинтереснее мог быть. Как его? Вспомнил – начальник военно-учебных заведений генерал Смирнов. Надо подумать, кем заменить. Явный бюрократ, мне кажется. А Калинин молодец – кратко и по существу выступил. Вот товарищ Тимошенко и меня объявил.

Перехвалил я, кажется, дисциплину наших командиров. Ну, хватит аплодировать, дайте же мне начать говорить:

– Товарищи командиры! – сразу наступает тишина. – ...Я буду говорить прямо, без дипломатических протоколов и политических умалчиваний. Мирная передышка, которою нам удалось отвоевать своей политикой, заканчивается. Мирная передышка, которая позволила нам развить оборонительную промышленность, отодвинуть наши границы на запад, усилить нашу армию, фактически закончилась. Национал-социалистическое руководство Германии, движимое классовой ненавистью к социализму, ненавистью к первому в мире государству рабочих и крестьян, готовится напасть на нас. – Зал замер от

неожиданности. Не ожидали такой откровенности? Бегло описываю обстановку, заметив попутно, что немцы сосредотачивают войска у наших границ. – Но и мы не теряли время, товарищи командиры. Товарищи, вы покинули ряды армии три-четыре года назад, теперь, вернувшись, вы не узнаете ее. Красная Армия уже не та, что была три-четыре года назад. Что представляла из себя Красная Армия три-четыре года тому назад? Основным родом войск была пехота. Она была вооружена винтовкой, которая после каждого выстрела перезаряжалась, ручными и станковыми пулеметами, гаубицей и пушкой, имевшей начальную скорость снаряда до девятисот метров в секунду. Самолеты имели скорость чуть больше четырехсот километров в час. Танки имели тонкую броню, защищающую только от снарядов тридцатисемимиллиметровых пушек и пуль. Наша дивизия насчитывала бойцов до восемнадцати тысяч человек, но это не было еще показателем ее силы. Теперь стало в дивизии пятнадцать тысяч человек.... Раньше в Красной Армии было сто двадцать дивизий. Теперь у нас в составе армии триста дивизий. Сами дивизии стали несколько меньше, стали более подвижными... Из общего числа дивизий треть – механизированные дивизии. Об этом не говорят, но вы должны это знать... – обобщенно описываю изменения в вооружении, расхваливая новую технику, заодно напоминая, что старую тоже надо использовать, пусть во второй линии, пусть для развития успеха, но использовать. От техники плавно перехожу к обучению как ее владением, так и вообще военному делу. Обе памяти, и моя, и реципиента прямо-таки вопиют о наших недостатках в этих вопросах. – Но, товарищи, нельзя научиться применять новую технику, не изучая ее. Здесь выступал докладчик товарищ Смирнов и говорил о выпускниках, об обучении их на новом военном опыте. Я с ним не согласен. Наши школы еще отстают от армии. Обучаются они еще на старой технике. Вот мне говорили, что в Артиллерийской академии обучают на трехдюймовой пушке. Так, товарищи артиллеристы? – спросил я и неожиданно услышал из первого ряда возражение начальника Артиллерийской академии Сивкова: «Нет, товарищ Сталин, мы изучаем новейшие пушки». Подобная дерзость вызвала у меня вспышку злости. – Прошу меня не перебивать. Я знаю, что говорю. Я сам читал конспекты слушателя вашей Академии. Обучать на старой технике нельзя, – продолжаю, пытаюсь уловить реакцию зала, – обучать на старой технике и на основании старого опыта – это значит выпускать отстающих людей. Этому отставанию способствуют также утвержденные программы обучения. Ведь чтобы обучать новому и новому, надо изменить программу, но для этого надо много работать. Куда легче учить по старым программам, меньше забот и хлопот. Наша школа должна и может перестроить свое обучение командных кадров на новой технике и использовать опыт современной войны. Наши школы отстают. Отставание это нужно ликвидировать, – тут меня прерывают, как писали в советские времена в протоколах, долгими, продолжительными аплодисментами, переходящими в овации. Немного продолжаю по обучению, прямо напоминая, что знания, данные в процессе обучения, требуется развивать самостоятельно. Однако этот абзац почему-то аплодисментов не вызывает. Странно.

– Вы приедете в части из столицы. Вам красноармейцы и командиры зададут вопросы, что происходит сейчас... Надо командиру не только командовать, приказывать, этого мало. Надо уметь беседовать с бойцами. Разъяснять им происходящие события, говорить с ними по душам. Наши великие полководцы всегда были тесно связаны с солдатами. Надо действовать по-суворовски... Вас спросят – где причины, почему Европа перевернулась, почему Франция потерпела поражение, почему Германия побеждает. Почему у Германии оказалась лучше армия? Это факт, что у Германии оказалась лучше армия и по технике и по организации. Чем объяснить? – Причины военных успехов Германии я объясняю для слушателей, напомнив им, что немцы сделали правильные выводы из поражения в Первой мировой войне. Что они перевооружили армию, разработали новые приемы ведения войны и обучили личный состав. Большое оживление в зале вызывает мой рассказ о пренебрежительном отношении французов к своей армии, о непрестижности военной службы: – Об армии не было заботы, и ей не было моральной поддержки. Появилась новая мораль, разлагающая армию. К военным относились пренебрежительно. На командиров стали смотреть как на неудачников, на

последних людей, которые, не имея фабрик, заводов, банков, магазинов, вынуждены были идти в армию. За военных даже девушки замуж не выходили, – последние слова встречены дружным смехом красных командиров, пользовавшихся большим уважением в народе и считавшихся лучшими женихами. А я с горечью вспоминаю, что в нашей стране, забывшей уроки истории, подобное отношение к военным возродилось в конце века. – Армия должна пользоваться исключительной заботой и любовью народа и правительства – в этом величайшая моральная сила армии. Армию нужно лелеять, – вот на эти слова все реагируют с восторгом. «Да, лелеять надо, но вожжи отпускать нельзя» – проскакивает в голове мысль, а я продолжаю:

– Так как к нынешнему году Гитлер легко разбил всех своих противников, многие политики и журналисты разных стран заговорили о непобедимости немецкой армии. Действительно ли германская армия непобедима? – ставлю вопрос и сам же на него и отвечаю. – Нет. В мире нет и не было непобедимых армий. Есть армии лучшие, хорошие и слабые... С точки зрения военной в германской армии ничего особенного нет и в танках, и в артиллерии, и в авиации, и в организации. Значительная часть германской армии теряет свой пыл, имевшийся в начале войны. Кроме того, в германской армии появилось хвастовство, самодовольство, зазнайство. Военная мысль германской армии не идет вперед, военная техника отстает... Но мы не должны на этом основании самоуспокаиваться, товарищи. Германский национал-социализм сумел, используя популярную в народе борьбу против Версальского мира, используя подкуп своего народа за счет ограбления народов оккупированных стран, используя тотальную пропаганду, одурманивание и тотальный контроль за населением, добиться поддержки большинства немецкого народа. Поэтому мы должны понимать, что грядущая война не будет легкой прогулкой. Это будет тяжелая, кровавая борьба, борьба, требующая напряжения всех сил. И вы, товарищи командиры, должны готовить к ней армию и быть готовы к ней сами.

Заканчиваю на этом, явно неожиданном для моих слушателей пассаже. Несколько секунд царит оглушительная тишина, сменяющаяся такими же оглушительными аплодисментами.

Заканчиваю день на банкете. Произношу пару тостов. Надеюсь, ни мое выступление, ни эти тосты историю сильно не изменят.

*«Спецообщение разведуправления
Красной Армии «О группировке немецких войск
на востоке и юго-востоке на 5 мая 1941 г.»¹
№ 660477сс
5 мая 1941 г.*

Сущность перегруппировок немецких войск, производившихся во второй половине апреля, после успешного завершения балканской кампании и до настоящего времени сводится:

1. К усилению группировки против СССР на протяжении всей западной и юго-западной границы, включая Румынию, а также в Финляндии.

2. К дальнейшему развитию операций против Англии через Ближний Восток (Турция и Ирак), Испанию и Сев. Африку.

3. К усилению немецких войск в Скандинавии, где они могут быть использованы с территории Норвегии против Англии, Швеции и СССР.

Для выполнения этих целей использованы силы, находившиеся в оккупированной части Франции, Бельгии, Голландии, и войска, освободившиеся после поражения Югославии и Греции.

Причем немецкие войска из Югославии шли:

а) через Венгрию и Австрию в районы Краков, в Прикарпатскую Украину и в Богемия;

¹ Подлинный документ, несколько сокращенный автором.

б) в Румынию, в том числе на территорию Молдавии ²и Сев[ерной] Добруджи.

Общее количество немецких войск против СССР на 5 мая достигает 103–107 дивизий, включая шесть дивизий, находящихся в районе Данциг и Познань. [...]

В самом составе сосредоточенных против СССР сил обращает на себя внимание усиление танковых в ойс с 9 дивизий на 25 апреля до 12 дивизий на 5 мая; моторизованных, включая и мотокавдивизию, – с 7 дивизий на 25 апреля до 8 дивизий на 5 мая; горных – с 2 дивизий на 25 апреля до 5 дивизий на 5 мая.

В подготовке театра военных действий усиленно осуществляется строительство всех видов. Стр оятся вторые железнодорожные линии стратегических путей [...]. Ведется усиленное строительство складов огнеприпасов, горючего и других видов военного обеспечения. Расширяется сеть аэродромов и посадочных площадок.

Кроме того, по всей границе, начиная от Балтийского моря до Венгрии, идет выселение с приг раничной зоны населения.

Румынское правительство отдало секретное распоряжение об эвакуации из Молдавии учреждений и ценностей, что фактически уже осуществляется. Нефтепромышленные компании получили приказ о сооружении бетонных стен вокруг резервуаров с горючим.

Проводятся усиленно учения по ПВО городов, строительство бомбоубежищ и опытные мобилизации.

Производятся усиленные рекогносцировки немецкими офицерами нашей границы.

Из Вены донесено о призыве запасных офицеров, знающих Галицию и Польшу.

За счет освобождающихся сил из Югославии созд ается резервная группа главного командования [...].

Использование против СССР венгерской и румы нской армий выражается в следующем:

1. Общая численность венгерской армии доведена до 600 000 человек. Из 10 корпусов венгерской армии три корпус а (6, 7, 8-й) целиком, часть 9-го корпуса и три отдельные бригады сосредоточены в Прикарпатской Украине.

2. Из всей румынской армии свыше половины ее состава сосредоточено в Молдавии и Добрудже, а именно: 11 пехотных дивизий, две кав[алерийские] дивизии, одна кав[алерийская] бригада, одна мех[анизированная] бригада, две горнострелковые бригады. Многие соединения выдвинуты непосредственно к границе.

3. В проводимой реорганизации румынской армии особое внимание высшим командованием уделено комплектованию авиации, танковых и инженерных частей за счет кадров пехоты.

[...]Наиболее сильная группировка немецких и румынских войск на территории Румынии фиксируется в Буковине и Сев[ерной] Молдавии.

В Финляндии, несмотря на опровержение Финского правительства, значительные высадки немецких войск являются бесспорными, а именно: 10 апреля с немецких пароходов в порту Або высажено 10 000 человек; 29 апреля в том же порту высажено 12 000 человек.

Кроме того, в течение всей зимы на территории Финляндии находилось около 4000 человек немецких войск.

Наблюдением целого ряда источников было выявлено, что немецкие воинские эшелоны, по мере выгрузки, направлялись и продолжают идти по железной дороге и автотранспортом на север через Рованиemi на Киркинес.

[...]В Норвегии, в результате апрельских перевозок, общая численность немецких войск увеличилась с 10 дивизий до 13 дивизий, и подвоз продолжается.

Выводы:

² Имеется в виду восточная территория Румынии, исторически носившая название Молдавия.

1. За два месяца количество немецких дивизий в приграничной зоне против СССР увеличилось на 37 дивизий (с 70 до 107). Из них число танковых дивизий возросло с 6 до 12 дивизий. С румынской и венгерской армиями это составит около 130 дивизий.

2. Необходимо считаться с дальнейшим усилением немецкого сосредоточения против СССР за счет освободившихся войск в Югославии с их группировкой в районе протектората и на территории Румынии.

3. Вероятно дальнейшее усиление немецких войск на территории Норвегии, северонорвежская группировка которых в перспективе может быть использована против СССР через Финляндию и морем.

4. Наличие силы немецких войск для действий на Ближнем Востоке к данному времени вы ражаются в 40 дивизиях, из которых 25 – в Греции и 15 в Болгарии. В этих же целях сосредоточено до двух парашютных дивизий с вероятным их использованием в Ираке.

Начальник Разведывательного управления
Генштаба Красной Армии
Голиков»

6 мая 1941 г. Аэродром Едлино.

162-й истребительный авиационный полк.

Николай Козлов

Аэродром. Это свой особенный мир, с его устоявшимися традициями и распорядком, меняющимся в зависимости от времени года и решений командира. Мир, где человека ценят по его умениям и где даже шутки профессиональны и непонятны для непричастных к авиации. Зато как хорошо на аэродроме ранним утром в день полетов. Свежий, прохладный, но уже точно весенний ветерок треплет обмундирование, стараясь забраться в любую щель, холодит лицо, выгоняя остатки сна. Вытянувшись в линейку, стоят расчехленные самолеты – маленькие, ладные, лобастые «ишачки», И-16, гениальное творение «короля истребителей» конструктора Поликарпова. Негромко урчат моторы пары топливозаправщиков и водомаслогрейки, переезжающих от самолета к самолету. О чем-то перекликаются техники и механики, возясь у самолетов. В один из готовых к полету самолетов забрался главный инженер полка и что-то рассматривает, разговаривая со стоящим рядом с кабиной, на крыле техником. Предполетная подготовка идет по плану.

Отчетливо пахнет бензином, начинающей пробиваться травой, горячими котлетами и какао. Повар привез полетный завтрак и сейчас раздает его исподтишка зевающим пилотам. Большинство уже торопливо доедает доставшееся, поглядывая на часы, висящие на стене одноэтажного, барачного типа домика. Скоро постановка задач на полеты, надо успеть до него не только позавтракать, но и сбежать в заведение типа «сортир». Иначе летать будет несколько затруднительно. Сегодня не просто полеты. После длительного перерыва наконец-то установилась хорошая погода, и дивизионное начальство дало «добро» на пилотаж в зоне. Конечно, после запретов Рычагова, так и не отмененных, кстати, после его отправки в Академию, упражнения стали намного проще. Но все же лучше переносить перегрузки, «отлив лишнюю жидкость», о чем помнят все летчики.

Николай, уже расправившийся со своей котлетой, отошел в сторонку, вдохнул бодрящего утреннего воздуха и осмотрелся. Техники и механики заканчивали работы и собирались в группы по звеньям, готовясь к своему построению. Скоро начнут собираться и летчики.

Наконец, строго в установленное время летчики идут на построение. Может быть, как шутят топчущие землю «сапоги», «когда бог раздавал дисциплину, авиация была в небе», но только не во время полетов и выполнения работ. Да, в повседневном общении строгой грани между начальниками и подчиненными, показной дисциплины у авиаторов не заметно. В воздухе и на технике все равны, и реальная иерархия в полку больше зависит от знаний и умений, чем от количества значков на петлицах. Но без дисциплины авиации не бывает. Люди, думающие иначе, обычно быстро ее покидают. Кто в другие рода войск, а самые

недисциплинированные нередко вперед ногами. Воздух ошибок не прощает.

Сегодня построение необычное – строятся не поэскадрильно, а в зависимости от уровня подготовки. В недавно сформированном полку очень много молодых летчиков, которых еще готовить и готовить. Для этого нужны двухместные «спарки» – учебно-тренировочные истребители УТИ. А их всего шесть штук, поэтому летают они вдвое чаще боевых самолетов.

Самые подготовленные, в том числе и Николай, строились отдельно, и предполетный инструктаж с ними проводил лично командир полка. Держа в руке папку с лежащей в ней плановой таблицей полетов, подполковник Резник напоминал летчикам о порядке взлета, расписании полетов, выполнении упражнений в зонах, мерах безопасности.

– Напоминаю, что каждое упражнение выполняется в строгом соответствии с наставлением по производству полетов, спокойно и методично, без нарушений...

Николай отвлекся, подобное он уже слышал сотни раз, и задумался: «Неужели в Испании, в бою тот же Павел Васильевич строго соблюдал все наставления? Не верится. Особенно если вспомнить пилотажа самого командира и его заместителя. Летают энергично, смело, явно не по последним указаниям. Какой пилотаж!»

Толчок в бок заставил его очнуться. Улыбающийся друг и соперник по воздушным боям, такой же лейтенант Вячеслав Коротин спросил, подначивая:

– Не выпался? Не надо было вчера в Могилеве допоздна задерживаться. Построение-то уже закончилось.

– Выспался, выпался. Просто задумался. Как считаешь, мы так и будем на «ишачках» летать? Самолет, конечно, хороший, но ведь уже устаревший. С тридцать третьего выпускается.

– Не прав ты, Коля. Комдив что рассказывал, не помнишь? Как они на И-16 немцев и итальянцев гоняли. Даже новейшие их сбивали, эти, как их...

– «Мессершмитты». Сбивали. Вот только после этого уже два года прошло. Техника развивается, а мы все на том же летаем.

– Да перестань ты, вон, говорят, в Оршу уже два самолета новой конструкции пригнали. С немцами у нас договор, да они и не полезут, пока с Англией не разделаются. Не дураки небось, в Империалистическую поняли, как на два фронта воевать тяжело. Успеем и мы перевооружиться к этому времени.

Разговор прерывает команда на опробование двигателей. Едва Николай занимает место в кабине, как к его истребителю подъезжает автостартер. Раскрутка, запуск, мотор работает как часы. Николай осматривается. Командир звена, капитан Владимир Иванов, и второй ведомый, лейтенант Иван Воинов, тоже готовы к вылету.

Механик дает отмашку, и самолет, плавно ускоряясь, бежит по укатанной взлетке. Ни с чем несравнимое чувство полета портит только необходимость крутить ручку. Двадцать девять оборотов, шасси убраны, шпеньки видны. Пристроившись за качнувшимся крылом ведущим справа, Николай дополнительно осматривается. Все в порядке, звено собрано, внизу видны взлетающие самолеты остальных летчиков. Первой, судя по виду, разбегается УТИшка. «Это сам комполка, вывозит нового комэска», – мелькает непрощенная мысль, а дальше все мысли крутятся только вокруг конкретных действий.

Звено приземляется. Николай, не снимая парашюта, подходит к командирской машине, у которой его уже ждут напарники. Короткий разбор полета, небольшая передышка в курилке напротив стоянки, пока механик дозаправляет самолет. Сидя на скамейке, Николай наблюдает, как бежит от одного приземлившегося самолета к другому командир полка. Раций на самолетах нет, и все замечания молодым он дает на земле, забираясь на крыло и разговаривая с сидящими в кабине летчиками.

– Вот она, польза физкультуры, – говорит, показывая на Резника, лейтенант Воинов. Но болтать некогда, самолеты готовы, и лейтенанты, дружно поднявшись, спешат занять места в кабинах.

Любимое время для авиаторов – полеты...

7 мая 1941 г. Москва. Кремль.

Кабинет Сталина.

Алексей-Иосиф

Ну, вот и первое изменение, которое я сделал. По планам, сегодня должны были собраться в шестнадцать часов и обсудить подготовку к войне на экономическом и политическом фронтах. А я вызвал Лаврентия на час раньше. Кажется, даже «напарник» удивился. Но никаких других мыслей или чувств я больше не заметил. Ладно, сейчас удивлю его еще больше.

– Здравствуйте, товарищ Сталин!

– Здравствуйте, товарищ Берия. Садитесь. Есть мнение, что в сложной международной обстановке необходимо объединить наркоматы внутренних дел и госбезопасности под единым управлением, – наблюдаю, как реагирует. Без восторга, но с пониманием. Еще бы, это только в будущем кресло министра – повод для радости. Только в наше, черт, в будущее время, начальник – это тот, кто раздает указания и ни черта не делает, и даже не думает. Здесь и сейчас начальник – тот, кто работает в соответствии со своей должностью, то есть больше всех подчиненных. Так что для Лаврентия мое сообщение не в радость. – Разработайте записку на мое имя как Председателя СНК по этому вопросу.

Пока Берия записывает в блокноте, встаю и прохожу на другой конец стола, к трубке, и не торопясь ее набиваю. Сейчас самая сложная часть разговора. Надо сыграть уверенно и без малейшего прокола. Иначе и меня заподозрят (подумав об этом, мысленно улыбаюсь в свои усы).

– Товарищ Берия, как вы считаете, в случае войны активизируется вся имеющаяся в стране оставшаяся не выявленной агентура различных, в том числе и союзных нам держав? – Лаврентий с удивлением смотрит на меня, явно не понимая, для чего этот риторический вопрос. – Но тогда возможна и засылка новой агентуры, не так ли? – Берия, уже ничему не удивляясь, подтверждает сказанное кивком.

– Имеются неподтвержденные, требующие дополнительной проверки сведения о наличии возможно дружественно настроенной к нам тайной организации, способной заслать своих людей с целью не только помощи нашему государству в борьбе против Германии, но и для воздействия на нашу политику в желательном им направлении. Возможно, такая агентура у них уже есть и внутри Советского Союза. Необходимо ориентировать органы на выявление и мягкое наблюдение за такими людьми. Согласно имеющимся сведениям, выявить их можно по необычным особенностям в поведении, разговорах, неизвестным песням, – чуть не прокололся, сказав «неизвестным в вашем времени песням». Хорошо, вовремя остановился. Затягиваюсь и прикрываю лицо клубом табачного дыма.

Лаврентий терпеливо ждет. Что ж, как в кино наш разведчик пояснял, запоминается последняя фраза. Сейчас он у меня ее запомнит.

– Есть еще один вопрос, товарищ Берия. Как проходит расследование дел об уничтожении белополяками пленных красноармейцев? Каковы результаты и сколько еще осталось нерасследованных случаев?

– По полякам могу ответить только примерно, товарищ Сталин. Всего выявлено почти три тысячи двести таких пленных, из них расследование закончено в отношении около двух тысяч человек. Приговор приведен в исполнение примерно для половины этого количества.

– Товарищ Берия, а у вас в наркоматэ много пистолэтов гэрманского производства?

Лаврентий удивленно смотрит на меня. Не дошло, значит.

– Ви мнэ не можете ответить так, сразу?

– Точную цифру дать не могу, товарищ Сталин. Примерно пять-семь процентов от общего количества.

– Это хорошо, что ви так основательно изучили дэла в вашэм ведомствэ, товарищ Берия, – и тут же перехожу на грузинский, что уже дается мне легко, словно я знал его с детства. – Уточни данные и доложи мне сегодня в двадцать ноль-ноль. Есть мнение, что они нам очень пригодятся. И не забудь справку по лагерям с пленными польскими офицерами.

Лаврентий ошарашенно кивает и делает пометки в своем блокноте.

– Можешь использовать телефон товарища Поскребышева. Готовь данные, а ему передай – пусть выпускает всех прибывших на совещание.

Берия уходит. Через минуту в дверях появляется голова Поскребышева. Увидев мой утвердительный кивок, он исчезает, а в кабинет один за другим входят Булганин, Вознесенский, Каганович, Молотов, Микоян, Шахурин. Пока они рассаживаются, вновь появляется Берия. Я открываю заседание фактически Совета Народных Комиссаров, то есть правительства. Обсуждаем подготовку к неминуемой, что, как мне казалось, ясно каждому присутствующему, войне. И тут оказывается, что Вознесенский в нее не верит и перестраивать промышленность на военные рельсы не рвется, мотивируя срывом выполнения пятилетнего плана и дополнительными расходами в бюджете. Судя по виду, кое-кто с ним согласен. Приходится вразумлять, причем почему-то речь напоминает мне недавно, всего чуть больше полвека вперед, прочитанное:

– Перестаньте думать по-мирному. Перестраивайтесь на военный лад. Учтите, что если сейчас мы начнем экономить и считать копейки, то потом будем платить много большую цену. Кровью наших людей будем платить, землей будем платить, разрушенными предприятиями и разоренными колхозами будем платить...

Не забыть бы после совещания подсказать Лаврентию, чтобы за ними проследили получше.

Наконец заседание заканчивается, и я останавливаю Берия классической фразой:

– А вас, товарищ Берия, я попрошу остаться...

«Возможной причиной отсутствия приемов со второго по пятое мая является болезнь диктатора, о которой упоминают в своих мемуарах некоторые участники событий. Но заболевание, очевидно, было не слишком тяжелым, поскольку уже пятого мая новый глава государства присутствовал на встрече с выпускниками военных академий, на которой и произнес речь, содержание которой тогда не было обнародовано. Советские газеты дали краткую информацию о прошедшем приеме и о выступлении на нем Сталина. Дипломаты и разведчики многих стран приложили немалые усилия, чтобы узнать, о чем говорил военной элите Советского Союза глава государства. Добытые ими сведения были крайне противоречивы и, как оказалось впоследствии, не верны. На прошедшем после встречи банкете запьяневший диктатор проговорился о скрытой подоплеке своей политики. Около полуночи, когда все уже находились в приподнятом настроении, один из генералов предложил тост за мирную политику и за творца этой политики – Сталина. Неожиданно для всех вождь протестующе замахал руками. Все растерялись. Как вспоминал позднее участник приема Энвер Муратов, Сталин был очень разгневан, немножко заикался и в его речи появился сильный грузинский акцент. Характерно именно то, что сказал обычно скрытный тиран в конце своей речи: «Спаси нашу Родину может только война с фашистской Германией и победа в этой войне. Я предлагаю выпить за войну, за наступление в войне, за нашу победу в этой войне».

А. Македонский (В. Грызун) «Дырокол», Нью-Йорк, 1977 г.

8 мая 1941 г. Аэродром Zubovo.

162-й истребительный авиационный полк.

Николай Козлов

Частые звонкие удары в рельс разносятся над аэродромом. Очередная тревога, с которых последнее время часто начинаются полеты. Все как обычно – полк взлетел и начал выстраиваться по звеньям и эскадрильям, кружась над аэродромом. Но вместо посадки командир первой эскадрильи, капитан Овчаров, подал сигнал «делай как я», покачав крыльями, и, словно гигантская стая птиц, устремились вслед за ним все пятьдесят взлетевших машин.

Посмотрев на планшет с картой и сориентировавшись на местности, Николай сразу

понял, что полк летит в сторону Балбасова. Умело выдерживая дистанцию и эшелон, он с удовольствием вспоминал о высших курсах в Кировобаде. После полученной на них подготовки такие полеты для него и его товарищей не представляли никаких трудностей. В Кировобаде они летали так, словно готовились к войне. Скорее всего, так и было, готовили их для отправки в Китай, но что-то изменилось, и вместо китайских аэродромов выпускники разлетелись по родным советским. Зато подготовка осталась и очень помогала, выделяя их из общей массы. Они даже имели немалый ночной налет, которого не имели и многие опытные летчики полка. Но, учитывая, что на подготовку стали обращать особое внимание, не жалея бензина, к концу лета весь полк должен был получить опыт полетов в сложных условиях.

В воздухе явно пахло близкой войной. Об этом старались не говорить, но множество мелочей, понятных любому военному, прямо-таки вопило – скоро в бой...

Размышления Николая прерывает появление внизу знакомых ориентиров. Как он и предполагал, полк садится в Балбасово. Посадочную глиссаду Козлов выдержал на пять баллов. Самолет притер к земле плавно, не закозлил. Всем хорош «ишачок», но уж очень в управлении строг. Из-за этого молодые неопытные летчики часто на нем попадали в аварийные ситуации. Но иногда казусы случались и с более опытными, стоило чуть-чуть ошибиться.

Параллельно сто шестьдесят второму полку садился сто шестидесятый полк, вернее, его лидирующая «спарка»³, УТИ-4. Летчики на спарке, не разобрав сигналов, зарулили как раз поперек посадочного курса садившегося «ишачка» Коротина. Все так и застыли – еще бы, столкновение уже не предотвратить. Такое совпадение бывает раз в жизни, но Вячеслав, обычно такой внимательный, сделал в этот раз неправильный расчет на посадку. Его самолет на это ответил вполне закономерно – скозлил. Причем дал такого козла, что истребитель прямо над рулящей «спаркой» пролетел в прыжке. Но сам Коротин этого даже и не заметил, вырулил на стоянку и на все подколки встречающих его летчиков только отшучивался, что его выдающийся козел заставил всех увидеть галлюцинации.

К месту посадки уже спешили командиры, явно ожидалось любимое армейское занятие в виде наказания невиновных и награждения непричастных, когда у КДП взлетела в воздух «тревожная» красная ракета. Сразу закончив разговоры, летчики побежали к своим самолетам.

Звено капитана Иванова, уже заправленное, было готово к полетам первым. Тем более, что и «пускачи»⁴ уже стояли у самолетов. Комдив приказал звену взлететь и перехватить гражданский самолет с немецкими опознавательными знаками, при этом оружие применять в крайнем случае. Моторы уже прогреты, все стрелки показывают норму, летчики почти одновременно показывают технарям поднятый большой палец. Те в ответ отдают честь и дают отмашку на взлет. Звено разбегается и взлетает. Сделав боевой разворот, все три самолета звена устремляются вслед поблескивающему в лучах солнца некрашенным дюралем фюзеляжа двухмоторному гражданскому самолету, стремительно удаляющемуся от аэродрома в сторону Смоленска. Но «ишачки» звена нагоняют его, не зря И-16 считался скоростным истребителем.

Самолет капитана Иванова, догнав транспортник, делает отмашку крыльями. Николай видит, как Владимир отчаянно жестикулирует в кабине, приказывая немецкому летчику посадить самолет. Видит он и улыбающиеся лица за плексигласом кабины двухмоторного самолета с паучьими значками на крыльях и хвосте. Наглость нарушителей раздражает Козлова, и он уже откидывает колпачок гашетки, готовясь срубить наглецов одной мощной очередью из двух пушек и двух пулеметов. В это время Иванов, маневрируя, дает

³ Двухместный учебно-боевой вариант одноместного истребителя, в данном случае: УТИ-4 – вариант И-16.

⁴ Аэродромные пусковые установки на базе автомобиля. Позволяли раскрутить винт самолета при запуске от мотора.

предупредительный залп из пулеметов по курсу транспортника. Испугавшись, что сразу заметили советские летчики по исчезновению ухмыляющихся рож, немцы послушно разворачиваются вслед за командирской машиной.

Тройка истребителей сопровождает немецкий самолет до самой посадки, некоторое время кружа «ножницами» над рулящей вслед аэродромному тягачу машиной, после чего уходит на стандартную «коробочку»⁵ перед посадкой. В это время нарушителя окружает отделение роты охраны аэродрома, а от КПП к стоянке немцев спешит «эмка» комдива.

Ближе к вечеру полк возвращается на свой аэродром. Летчиков собирают в классе предполетных указаний. Комполка рассказывает о случившемся.

— ...«Дуглас» ДиСи-два «Люфтваффе». Товарищ генерал доложил в Москву, товарищу наркому. Пришел приказ немца отпустить. — Многие переглядываются с недоуменно-недовольным видом, но помалкивают. — Товарищ Захаров подъехал к самолету лично, немцы открыли дверь и стоят, смотрят. Товарищ генерал у них спросил, понимает ли кто-нибудь из них по-русски, а они нагло так смотрят и ничего не говорят. Тогда комдив спокойно так сказал: «Ну что же, будете сидеть на аэродроме, пока язык не выучите». — Вячик, уже отошедший от происшествия, исподтишка показывает Николаю большой палец. — Тут сразу нашелся молодой лейтенант и на чистом русском ответил: «Господин генерал, мы вас поняли». Комдив в соответствии с указаниями из Москвы приказал им лететь в Минск. Разбираться с нарушителями будут там. Вот так, товарищи. С учетом этого случая ясно, что нам надо держать порох сухим, но не поддаваться на провокации. Вопросы есть? Нет? Завтра по распоряжку предварительной подготовки построение в восемь тридцать. Все свободны.

По дороге домой все недоуменно молчат, переваривая услышанное. Понятно, нельзя поддаваться на провокации. Но ведь и оставлять такие случаи безнаказанными нельзя!

9 мая 1941 г. Москва. Кремль.

Кабинет Сталина.

Алексей-Иосиф

Днем решил, невзирая на график, съездить в Кубинку, где стоит двенадцатый истребительный авиаполк. Они осваивают Яки, вот я и решил посмотреть на этот хваленый истребитель, созданный за полгода. Хотелось посмотреть, а по возможности и потрогать руками настоящую боевую машину. Своего рода ностальгия, наверное, я же в своем времени пятнадцать лет техником самолета отпахал. Захотелось снова услышать шум моторов, уловить висящий в воздухе запах керосина... тьфу ты, здесь же на бензине летают, забыл.

Неожиданно, чтобы заранее не готовились, поехал. Предупредил только Власика, и то приказал, чтобы никак не оповещал местные органы. Знаю я эту механику — предупредят своих, те по знакомству передадут военным, и все уже блистает чистотой, неисправные машины и нарушители дисциплины запрятаны подальше, и вообще «все хорошо, прекрасная маркиза». Только вот потом выясняется, что у песенки и у реальности есть очень нехорошее продолжение. А мне хочется посмотреть именно реальное положение дел. Помню же, как в одном журнале писали, что при испытаниях вместо снятия реальных характеристик самолета требовали подтверждения расчетных. В результате высоту набирали площадками, а максимальную скорость замерили на меньшем, чем положено, участке. Помню, что первый испытатель на опытном самолете разбился из-за недостаточной прочности конструкции. А ведь самолет уже выпускался серийно. Помню, как Яковлев уверял лично меня, что все устранил, и доказывал перспективность истребителя. Нет, то, что Яки были основными в наших ВВС во время войны, я тоже помню. Но ведь могло бы так быть, что стали поликарповский И-180 доводить, и он стал основным. Могло? Могло. Тем более, что Шахурин и Швецов клялись и пяткой в грудь себя били, что новый М-82М, он же — АИ-82ФН, форсированный, в ближайшее время на ресурсные испытания дадут. Посмотрим, насколько это правдой окажется, посмотрим. ТАМ я с авиационными двигателями дело

⁵ «Коробочка» — облет аэродрома по периметру перед посадкой, для более точной ориентации.

имел, да и потом читал про это много. Хобби у меня такое... было.

Съездил и посмотрел. Городок во многом похож на виденный мной в восьмидесятые, даже гостиница та же, во всяком случае, внешне. А вот аэродром, пусть и бетонированный, маловат. Надо указание дать, чтобы расширили. Командование и охрана были в полном ауте, а я напрямую с летчиками пообщался и даже в кабине посидел. Эх, хорошо! Молодость вспомнил. Да и летчикам понравилось, как мне кажется. Самое главное, они откровенно рассказали, что о Яках думают. Значит, запоминаем – в управлении прост, доступен летчику средней квалификации, но имеет множество недостатков, которые необходимо срочно устранить. Самый неприятный из них – перегрев масла. Это что же, летчик в бою должен тепловой режим мотора соблюдать, да? Это как же он тогда воевать будет? На втором месте – шасси. Тоже надо дорабатывать, иначе будем иметь небоевые потери больше боевых, начнут на посадках и при выполнении фигур пилотажа биться. Это нашему молодому гению надо будет по самые... указать, иначе придется его с заместителей наркома гнать поганой метлой. Надо же – на серийном самолете даже бензиномера нет. Это как, на ощупь в полете остаток топлива мерить прикажете? И привычной мне ручки управления двигателем тоже нет. Это ж сколько рычагов летчику крутить? В бою, когда совсем о другом думать надо. Что, простейший автомат поставить нельзя?⁶ Точно, завтра еще раз обоих вызову, и Шахурина, и Яковлева. Простимулирую ипатьевским методом, так сказать. Конечно, летчикам после И-15 и И-16 даже такие самолеты верхом совершенства кажутся. Но как на них воевать, а?

Эх, настроение и так ни к черту, а тут еще с Хрущевым встречаться. Успокоиться надо. Прохаживаюсь по кабинету, раскуривая трубку, и думаю, как быть с урожаем. Удастся нам его убрать или, как и в моем варианте, жечь придется. С предприятиями тоже думать надо. Начать сейчас эвакуацию – сорвать производство, да и перевозки воинские уже начались. Не уверен, что Каганович справится. Надо вообще продумать, кем его заменить...

Уф-ф, хорошо, что встреча такая короткая. Мне казалось, что он меня сейчас всего залижет с ног до головы. Но умеет приспособиться, умеет. Мигом уловил мое настроение, докладывал по-рабочему, конкретные сведения наизусть вспомнил. Ладно, пусть пока работает. Но зарубку я себе уже сделал. Не люблю кукурузу, черт побери. Время пока есть до прибытия Берии, так что задумаем про авиацию. Мне как бывшему авиатехнику она ближе всего остального. Проблем накопилось много, решать надо срочно, война на носу. Надо ли поддержать Поликарпова? Вроде его И-180 не хуже Яка первого был, к тому же по технологии одинаков с «ишаком». Нет, пожалуй, поздно. Да и умрет он скоро, если мне память не изменяет. А преемника у него не было. Так что будем исходить из того, что уже есть. Микоян пусть свою «тройку» дорабатывает, яковлевские истребители в сложившейся ситуации тоже вполне соответствуют требованиям. Единственная неразрешимая проблема – ЛаГГ. Не зря его летчики назовут «лакированным авиационным гарантированным гробом». Надо, я думаю, в это КБ Поликарпова и отправить как наставника. Пусть «мушкетерам» поможет адаптировать мотор воздушного охлаждения к их истребителю. А потом посмотрим. Может, и «сто восемьдесят пятый» в серию запустим позднее, если все нормально сложится. Думай голова, думай, шапку куплю, да!

– Товарищ Сталин, – прерывает мои размышления Поскребышев, – к вам товарищ Берия.

– Пусть заходит. – Отвлечемся на дела наши внутренние и внешние. Наверняка пограничники что-то новое откопали, да и по польским делам уже пора первым сведениям прийти. Интересно, а шпагат НКВД по какой статье покупает?

15 мая 1941 г. Аэродром Едлино.

162-й истребительный авиационный полк.

⁶ Подобный автомат, позволяющий управлять режимами винто-моторной группы от одной ручки, появился впервые, насколько помнит автор, только на самолете «Фокке-Вульф» серии Д во время войны.

Николай Козлов

Полк опять подняли по тревоге. Отрабатывается новый способ – повышение боеготовности скрытым способом. На этот раз ни в городке, ни на аэродроме никаких лишних звуков и минимум движения, просто вчера вечером позвонили комэскам два и один. У них телефоны есть, они трубку подняли, а там: «Туман один». Комэск известил соседей, те пошли по заранее согласованным маршрутам к другим летчикам. Причем бежать запрещено, надо идти не торопясь с чемоданчиком, мало ли куда. Конечно, если внезапно приводить полк в боеготовность придется – так не получится. Зато вот так, заранее, оказалось очень удобно. Никто, кроме жен, и не знает. А их предупредили, чтоб не болтали лишний раз.

Так что теперь все летчики полка сидели в готовых к вылету самолетах и ждали. Замполит прошел по всем стоянкам, объяснил, что разведка получила сведения о возможной массовой провокации фашистов. Немецкие генералы хотят спровоцировать наш ответ и начать уже полномасштабную войну вопреки желанию правительства Германии, поэтому полк и подняли так тихо, чтобы фашистам никаких поводов для протестов и провокаций не давать.

Звено капитана Иванова также сидело в полной готовности. Все четыре самолета звена, уже переформированного по новому приказу о переходе в истребительной авиации на пары и звенья из четырех машин. Теперь Иванов, Воинов, Козлов и Коротин были в одном звене и даже слетали таким составом пару вылетов.

Напряжение на стоянках понемногу спадало, часть механиков уже собралась кучками и начала разговоры, обычную болтовню для времяпровождения, когда пришла команда оставить на дежурстве по одному звену, остальному составу обедать и отдыхать.

Козлов и его коллеги с удовольствием вылезли из кабин, с помощью технарей освободились от парашютов и пошли к эскадрильскому домику.

– Вячик, слушай, совсем забыл тебе сказать, – вспомнил на ходу Козлов. – На позавчерашних полетах я заметил, что ты пилотируешь в замедленном темпе. Между фигурами пилотажа делаешь паузы. Поэтому при резких маневрах от меня и отстаешь. Так истребителю действовать нельзя. Ты же не только меня теряешь, ты даешь время противнику на атаку и прицеливание.

– Да я сам уже это понял. Трудно только переучиваться, в училище в нас правила пилотирования прямо-таки вбивали. Теперь вот меняться приходится, а привычка уже осталась.

– По-другому сейчас нельзя. Если хочешь победить – надо энергичнее фигуры делать, не боясь перегрузок, чтобы в глазах аж темнело.

– Понял я, понял. Будем с тобой тренироваться. Да, видел вчера в штабе новое описание специального тренажера для привыкания к перегрузкам? Говорят, сам Василий Сталин придумал.

– Не видел. Надо будет посмотреть.

Тут в разговор вступает Владимир:

– Кроме резких маневров учтите еще одно. Я это еще в училище заметил, да и потом наши «испанцы» подтвердили. Я своим уже говорил, а вот Вячеслав может и не знать. Летчики обычно пилотируют, как во время учебных полетов, так и в бою, с левым разворотом. Удобнее, кроме того и инструктора так учат. Вот и привыкают все только влево поворачивать. Зато правые повороты большинство летчиков выполняет намного хуже, причем избегает их в бою. Вот на этом и надо противника подлавливать. За прошедшие дни мы уже немного слетались, в воздухе друг друга понимать начали. Поэтому будем учиться резко маневрировать именно вправо... О, обед привезли. Пойдем сейчас или позже?

После обеда летчики идут отдохнуть в классе на специально привезенных койках. Коротин сразу начинает дремать, а Козлов лежит без сна, вспоминая накопившиеся по дому дела и то, что обещал дочке съездить в парк культуры и отдыха, покатать ее на карусели. «Чертовы империалисты, ни дна им, ни покрывашки. Нет бы между собой разбираться, кто сильнее, так и нам покоя не дают. Ну ничего, если сунутся, мы им покажем. Если уж в

Гражданскую от четырнадцати держав голодные и босые отбились, то теперь, с нашей современной техникой, победим обязательно. Правда, сам товарищ Сталин заметил, что большой кровью воевать придется. Но ведь война без крови не бывает» – мысли в голове засыпающего Николая мелькают, путаются и постепенно замирают. С соседних коек доносится умиротворяющее сопение. Класс предполетных указаний напоминает сейчас детский сад в «тихий час», и только гудение моторов за окном нарушает идиллию.

Ночь с 16 на 17 мая 1941 г. Подмосковье. «Ближняя дача».

Иосиф-Алексей

Не спится. Вторую неделю... Сплю плоховато. С чего-то бессонница привязалась.

Подумав, решил прогуляться на улице. Охранники слегка удивлены, как мне кажется. Ладно, переживу. Брожу среди деревьев, ночь великолепная, тихо, звезды на небе горят, видимость «миллион на миллион». Эх, хорошо. Настроение поднялось, и я, неожиданно для себя, замурлыкал:

*– Элкаши варди шевнише
Блад ром амо сулико.
Гулис панцаклит вкитхавди
Шен хом ара хар Сулико? ⁷*

Немцы, как я и ожидал, пятнадцатого не напали, но несколько дней мы все равно волновались. Второе лицо в фашистском государстве, Гесс, все же перелетел в Англию. Реакция англичан была столь неоднозначной, что ожидать можно было все что угодно, вплоть до союза нацистской Германии и Великобритании. Кстати, понемногу начал менять риторику, напоминая, что не все фашисты одинаковы, что самые националистически озабоченные – именно нацисты, и что они считают все остальные народы недочеловеками. Немного сложновато для неискушенного народа, но, думаю, даст свои плоды. Теперь, прежде чем перейти на сторону немцев, любому надо будет еще как-то забыть о том, что это не просто переход на сторону врага, но переход на сторону тех, кто его за человека не считает.

Жаль, проект реорганизации управления авиацией завис. Военные тихохонько так, но саботируют, то есть «обсуждают» мое решение о выделении всей авиации фронта под единое командование. Отговариваются изучением имеющегося материала и тем, что нынешний порядок вполне оправдал себя в прошедших конфликтах. Иногда даже жалко, что я не такой тиран и самодержец, как в будущем писать будут. Насколько бы легче было. Стукнул утром кулаком по столу, сказал, чтоб вечером все готово было – и все дружно бегут выполнять. А кто не побежит – того «кровавая гебня» в «лагерную пыль» сотрет. Идиотизм, но ведь многие так и будут думать в будущем. Ничего, у нас еще примерно месяц есть, надеюсь, что успеем. Не хочу, чтобы все, что сейчас делаем по авиации, никчемным оказалось.

С Поликарповым решили по-моему. Отправили его на завод вместо Лавочкина. Вместе с Гудковым. Оказалось, что знаменитый коллектив «трех мушкетеров» уже распался, и Лавочкин с Горбуновым каждый на своем заводе сидят, внедряя ЛаГГи в серию. Вот мы Лавочкина в КБ и вернули, пусть над усовершенствованием своего ЛаГГа думает. А Поликарпов Гудкову поможет новый вариант истребителя запустить. На том заводе, который И-180 должен был выпускать. Мы тем временем решим, что с Вороновым и Яковлевым делать. Реально ведь могли почти в два раза больше новых истребителей иметь, если бы не

позиция заместителей наркома. Шахурин больше производственник, организатор, а вот они могли более объективно на положение дел посмотреть. Но не захотели, что характерно. Надо думать, слишком много воли им дали. Виноват, видимо, я в этом случае. Успеть исправить, что еще можно. Надо еще раз проверить, как этот поликарповский И-185 себя поведет. Может, стоит запустить в серию, свернув часть производства ЛаГГов...

Вторая головная боль – Павлов. Хорошо ведь справляется, к пятнадцатому скрытно все войска сумел незаметно от немцев в боевую готовность привести. А почему тогда двадцать второго все наоборот было, то есть должно... будет. Опять запутался, сисхли гашра. Нет, непонятно что-то. Настолько непонятно, что даже никак не решу, под каким предлогом предложить его снять.

С Жуковым проще. Вчера продавил решение заменить его на посту начальника Генштаба Борисом Михайловичем. Шапошников как генштабист на голову выше. Жаль, здоровье у него не то. А Жукова – в замнаркомы. Будет контролировать выполнение решений Наркомата и Генштаба. Характер у него как раз подходящий, жесткий. Главное – следить, чтоб не зарывался... Но с Павловым все равно неясно, даже по линии Меркулова и Берии ничего накопать не удалось. Были у меня подозрения, что с «испанским делом» связь найти удастся. Не нашли. Ладно, наблюдение оставим, но и самого пока трогать не будем. Вдруг ошибка, а он не хуже Жукова воевать будет? Тем более, что Гудерианов у меня нет. И не будет...

Вспомнил, про Гудериана думая, про диверсантов. В книгах ТАМ они его регулярно убивают, зачем-то забирая фуражку. Конечно, одни части особого назначения никогда войну не выиграют. Поэтому их армейское командование сейчас и не развивает. Мне же кажется – зря. Надо протолкнуть мысль, что широкое применение осназа в тылу противника приводит к дезорганизации его снабжения и управления, к увеличению потерь и снижению возможностей к наступлению. Так что надо большую часть парашютистов именно в части особого назначения. Нет, лучше назвать эти новые части именно специального назначения. С учетом того, что они именно для чисто диверсионных действий предназначены, а при необходимости и как обычные парашютные или стрелковые части будут действовать. В качестве примера – «партизаны» времен войны с Наполеоном и действия «охотников» в Империалистическую войну. Должны принять. А на подготовку у нас целый месяц есть. Получим пять корпусов диверсантов. Конечно народу там не так и много, всего тысяч сорок бойцов. Время есть. Хватило бы снабжения, особенно мин и взрывчатки. Надо будет собрать военных и обсудить. Сначала лучше всего с Борисом Михайловичем.

Вот и погулял. Теперь можно и поспать.

21 мая 1941 г. Москва. Кремль.

Кабинет Сталина.

Иосиф-Алексей

Обстановка по-прежнему неясная. Похоже, немцы с англичанами договориться не сумели. Во всяком случае, на Крите немцы высадились. Сообщают об ожесточенных боях между высаженным десантом и англо-греческими войсками.

Сегодня часть дня потратил на углубленное изучение книги «Мозг армии». Готовлюсь, пока теоретически.

– Товарищ Сталин. Прибыл товарищ Молотов, – Поскребышев. Вячеслав пунктуален, прибыл минута в минуту. «Маладец».

– Пусть входит, – посмотрим, что новенького принес нам нарком очень иностранных дел. Пока все, что он докладывает, мне известно. Зато вот этого я не помню. Все-таки переговоры между нацистами и англичанами идут. Может, дипломаты ошибаются? Ничего, позднее подойдут Берия и Меркулов – уточним по их сведениям.

– Все ясно, Вячеслав. Англичане опять планируют загребать жар чужими руками. Они могут формально даже не договариваться с нацистами, формально оставаясь в состоянии войны с ними, формально продолжая воевать, но фактически не предпринимать никаких действий.

– Ты так считаешь, Коба?

– Да, Вячеслав, считаю. Но нам надо даже такую ситуацию использовать в своих интересах. Лучше невоюющий союзник, чем воюющий враг. Поэтому передай Майскому, чтобы он предпринимал все возможные шаги в этом плане. Пусть англичане думают, что хотят. Но формально они должны быть на нашей стороне. Понимаешь, Вячеслав?

– Понимаю, Коба, но...

Приходится инструктировать подробнее. Да, это не Литвинов, тот мог и самостоятельно такие вопросы решать. Но уж слишком самостоятельным оказался. И доверчивым, да. Англичанам доверял больше, чем своим кадрам. Они на этом и сыграли во время чехословацкого кризиса. Еще бы немного – и поссорили бы нас с немцами окончательно. Пришлось бы в тридцать девятом либо как поляки, с невоюющими якобы союзниками, либо вообще один на один со всей Европой воевать. Вовремя мы его остановили. Ведь, по сути, отдав фашистам Австрию, Испанию, Чехословакию, провоцируя немцев к продвижению на Восток, Англия и Франция были неформальными членами Антикоминтерновского пакта.

– Нам, можно сказать, повезло, что поляки не смогли с немцами договориться, а мы с ними договорились. Иначе мы могли бы иметь против себя объединенную Европу без единого союзника. Теперь же ситуация несколько иная. Англо-немецкий союз возможен, но маловероятен. Слишком много они пролили крови, чтоб так просто про нее забыть. Ну, а мы со своей стороны все усилия приложим, все дипломатические каналы задействуем, чтобы Англия на нашей стороне оказалась. А это автоматически будет означать и наш союз с Северо-Американскими Штатами...

Поговорили, да. Вячеслав все записал, все осознал. Выполнит, я его знаю.

Отвлекаясь немного на мирные вопросы, почти полчаса переговорив с замнаркома строительства Юдиным. Впрочем, особо мирными их не назовешь – подготовка площадок для заводов-дублеров на Востоке страны, подготовка жилого фонда, в том числе подготовка строительства дополнительных общежитий барачного типа для приема эвакуируемых. А что ты думал, в сказку попал, что ли? Это только в пост-хрущевских сказках эвакуация на сплошной импровизации держалась. На самом деле все решалось заранее.

А вот и наша разведка. НКВД и НКГБ. Пока бюрократически отдельно, но фактически уже вместе работают.

– Что нам скажут товарищи Берия и Меркулов относительно переговоров Гесса?

Докладывает Берия, хотя большая часть сведений явно добыта кадрами Меркулова. «Вот почему Вячеслав в восьмидесятые вспомнит, что сведения добыла разведка НКВД» – мелькает в голове посторонняя мысль. По сведениям, добытым разведкой, получается, что переговоры все же идут. Идут, несмотря на бои на Крите, несмотря на Иракскую войну, несмотря на предыдущие противоречия. Неужели я ошибаюсь, и ЗДЕСЬ ненависть Черчилля к Советскому Союзу превалирует над здравым смыслом? Или он надеется, что Германия все же удовлетворится полученным и станет надежным союзником Англии? И что стоят в такой неясной обстановке мои знания будущего? ТАМ Англия стала нашим союзником. Что мешает ей стать союзником Германии ЗДЕСЬ? Ничего! Особенно вспоминая их привычки. Как во время Семилетней войны их министры с врагами за спиной своих войск договаривались, я хорошо помню.

Так что торопиться тут нельзя. Остается только осторожно «давить на психику» англов и не делать резких движений.

А вот теперь опять немного передохнем от всех этих непоняток. Займемся конкретными делами.

– Товарищ Микоян нам сейчас доложит о выпуске его истребителя. А потом будем решать, как и что в его машине можно усовершенствовать и чем мы можем помочь. Правильно, товарищ Маленков?

22 мая 1941 г. Могилев.

Николай Козлов

Погода радует гуляющих по парку прохожих. Тепло по-летнему, от реки тянет прохладный ветерок, из репродуктора на столбе веселый песенный мотив, прямо под настроение, звучит:

*– Легко на сердце от песни веселой,
Она скучать не дает никогда,
И любят песню деревни и села,
И любят песню большие города...*

– Жить хорошо, а хорошо жить еще лучше! – улыбаясь, говорит смеющейся жене Николай. – Эх, если бы не империалисты, как бы мы хорошо жили. Я точно в ГВФ бы ушел. Вozил бы сейчас людей из города в город, в командировку или в отпуск, а то с геологами на северах полезные ископаемые искал. А сколько народу вместо того чтобы в армии с оружием возиться, полезным делом могло бы заняться. Тот же Коротин мне признался как-то, что если бы не в летчики, то в подводные земледельцы пошел, как в книге Беляева. Ого, пиво свеженькое подвезли! – замечает Николай машину у палатки с надписью «Пиво-Воды», у которой стоит всего пара любителей пива, что вполне понятно – день у большинства рабочих.

Николай берет кружку свежего, вкусного, с пенкой, пива, а для жены и дочки – по стакану газировки с сиропом. С наслаждением отпивая из кружки, он с улыбкой наблюдает, как весело щебечущая дочка сначала пробует воду из маминого стакана, с грушевым сиропом, потом выпивает половину своего, с вишневым, и, так и не допив, отдает остатки маме. Настроение у Козлова блаженно-расслабленное, ему не хочется вспоминать ни о войне, бушующей в Европе, ни о вчерашних лекциях и полетах. Но такое состояние моментально проходит, когда гуляющая компания подходит к тиру. Улыбающийся средних лет мужчина, с характерной внешностью, которому явно скучно стоять без дела, предлагает Николаю пострелять. Мишени в тире сразу и очень понравились Николаю – толстый капиталист, «поджигатель войны», империалистические солдаты в касках с рожками, самолеты такого характерного вида, словно их с новой книги по определению типов техники вероятного противника срисовали. Разве что без опознавательных знаков, вместо них какие-то черные круги намалеваны, а так – один в один. Мальчишки, а их несколько вокруг вертелось, аж засвистели восторженно, когда он с первого выстрела капиталиста пришиб. После того, как Николай всадил в мишени восемь из десяти выстрелов, хозяин, улыбаясь, вручил ему приз – плюшевого медвежонка, заметив попутно:

– Вы так хорошо стреляете, молодой человек, это что-то. Таки я надеюсь, что вы не так часто будете стрелять и не разорите бедного Мойшу на одних призах.

– Рад бы и почаще пострелять, чтобы дочку обрадовать, – улыбается Козлов, – да работа не позволяет.

Теперь уже смеясь, Мойша крепко пожимает ему руку и отвечает:

– Так заходите, когда сможете. Приятно посмотреть на грамотную стрельбу. Военный, таки да?

Кивнув и попрощавшись, Николай поспешил за ушедшими вперед женой и дочкой. Оказывается, Юлька увидела карусели и теперь тянет маму туда, не забывая, однако, плотно прижимать к себе новенькую игрушку.

– Папа, ты мне карусель обещал! – заметив Николая, кричит девочка.

– Раз обещал – выполню, – отвечает Козлов и идет к кассе. Пока жена с дочкой катаются, он успевает еще раз пройтись до киоска и обратно. Пиво приятно плещется в желудке, заставляя оптимистично смотреть на мир. После небольшой прогулки по аллеям семейство решает зайти в кино. В кинотеатре «Родина» словно по заказу идет отличный фильм «Дети капитана Гранта». Сеанс заканчивается, когда воздух начинает терять дневную прозрачность, намекая на наступление вечера. Козловы направляются к почте, к зданию которой должен подъехать дежурный тягач из гарнизона. Пока Николай отправлял

телеграмму родным, жена с дочкой решили прогуляться по аллее. И тут же наткнулись на неприятности...

Вышедший из дверей Николай свернул за угол, на аллею и увидел весьма неприглядную картину. Два мужичка в характерных кепках-восьмиклинках, кургузых пиджаках и грязных сапогах, в которые были заправлены не менее грязные брюки, очень невежливо наступают на побелевшую, испуганную и лихорадочно оглядывающуюся вокруг жену. Из-за ее спины выглядывает не менее испуганная дочка. Ну, хулиганье, погодите!

– В чем дело, Настя?! – спрашивает Козлов нарочито громко, командирским голосом.

Один из них, который постарше, поворачивается к подошедшему, но, не увидев в нем особой опасности, выплюнув изо рта чинарик, хрипит:

– Шо, фраер, тебя тоже пощипать? Так гони лопатник и котлы снимай. Не видишь, мы люди бедные, а еще Ленин завещал с такими делиться. – Тело разозлившегося Николая само вспоминает уроки рукопашного боя, только недавно повторенные на введенных занятиях по выживанию. Удар ногой под коленную чашечку, второй удар, следом – по боку. Жена испуганно кричит. Мужик, схватившись обеими руками за коленку, с воем падает, второй выхватывает нож... и тут же пытается кинуть его в сторону, но не успевает. Суровый милиционер, в белой, заметной в темноте, гимнастерке споро крутит ему руки, заставляя выронить нож и тут же связывает их у бандюги за спиной витым шнурком. «И откуда он только появился?» – успевает подумать Николай.

– Вставай и не притворяйся, – бьет милиционер второго урку в другой, не успевший пострадать от удара летчика бок, сапогом, одновременно свистя в свисток. Дочка, глядя на доброго «дядю милиционера», перестает плакать и начинает улыбаться. Еще бы, старшина милиции не просто сигналил свистком, он насвистывает что-то вроде «Чижика-пыжика».

Получив еще пинок, второй мужик со стоном поднимается, глядя на Козлова с откровенной злостью, но даже не дергается в сторону, потому что по аллеям уже несутся, придерживая фуражки, еще двое в таких же белых гимнастерках.

– Ну вот, испортили такой день, скоты бандитские! – садясь в поджидающий Козловых у отделения милиции автомобиль, зло говорит Николай. Он еще не знает, что это был последний мирный выходной на долгие три года...

23 мая 1941 г. Москва. Кремль.

Кабинет Сталина.

Тов. Сталин

Дни пролетают просто незаметно. Понемногу начинаю распределять повседневные дела на заместителей, все больше и больше сосредотачиваясь на военных вопросах. Большая проверка готовности пятнадцатого мая выявила столько недочетов, что, не будь у меня послезнания о большинстве из них, инфаркт бы получил, точно. Поэтому сейчас сидим с Молотовым и обсуждаем подготовку к войне на дипломатическом фронте. Англичане, кажется, прореагировали на наш зондаж вполне дружелюбно. Но о переговорах с Гессом молчат, как будто их и нет. Неужели пытаются нас банально надуть? Черчилль, конечно, с Гитлером бился до последнего, но вдруг ему предложили что-то настолько привлекательное, что он не сможет отказаться?

Заодно поговорили о московских делах, подготовили планы на все случаи жизни, в том числе и использование метро как бомбогазоубежища. По местной противовоздушной обороне, оказывается, многое не решено было, не верили Щербаков и Пронин, что Москве что-то может угрожать. Но эти вопросы решали быстро, так же как перевод промышленности на выпуск военной продукции. Будет сюрприз в этот раз Гитлеру, «Компрессор» над своей продукцией начнет работать раньше. Жаль, шасси повышенной проходимости пока маловато. Дал указание попробовать разработать и буксируемую за танком установку, а также партизанский вариант на одну и несколько направляющих. Щербаков обещал лично проследить и стимулировать конструкторов. Во время беседы вспомнил о Королеве. Придет Берия – надо будет указание дать его из лагерей извлечь, объявить о возможности реабилитации – и пусть начнет своими ракетами заниматься. Только

теперь уже планоно, а не тратя деньги, отпущенные на другие проекты.

Вот и военные подошли. Жуков, Кулик, Тимошенко, Шапошников. Жуков с удивлением поглядывает на представителей завода номер восемь. Точно, он же только вечером вернулся из КОВО. Не довели ему, похоже, в чем дело. Ну ладно, разберется, заодно еще раз проверим его способности к быстрому анализу обстановки.

Начинаем с Тимошенко.

– Товарищи. Проведенная нами проверка боевой готовности армии выявила ряд недостатков. Одним из них является слабая готовность противовоздушной обороны к борьбе с авиацией противника... Особенно недостаточно в армии средств борьбы со штурмовой и пикирующей авиацией вероятного противника. Основным средством борьбы с авиацией на малых высотах остаются счетверенные пулеметы «Максима» винтовочного калибра, имеющие недостаточную эффективность действия по новейшим цельнометаллическим самолетам... Нам катастрофически не хватает зенитной артиллерии малого калибра...

Как только он заканчивает, я поднимаюсь и, проходя за спинами сидящих, задаю классический вопрос, запомнившийся по множеству просмотренных фильмов:

– А что скажет товарищ Жуков? – жестом показав, чтобы он не вставал.

– Товарищ Сталин, товарищи. Во время инспекционной поездки мною были проведены совместные учения, – тут я еще раз сигналю, намекая: «Без подробностей» и Жуков продолжает. – Выяснилось, что имеющиеся таблицы стрельбы зенитной артиллерии не позволяют стрелять по пикирующим самолетам. Зенитная артиллерия малых калибров в войсках практически отсутствует, ввиду некомплекта до восьмидесяти процентов от штата. Таким образом, войска остаются беззащитными от атак низколетящих самолетов. Пулеметы «Максим» недостаточно эффективны, но и их не хватает. Необходимо потребовать от промышленности увеличения поставок тридцатисемимиллиметровых и двадцатипятимиллиметровых зенитных орудий. Кроме того, считаю необходимым изыскать дополнительные резервы для оснащения войск хотя бы пулеметными зенитными установками.

– Как вы думаете, товарищ Жуков, а могут ли быть полезными спаренные установки авиационных пулеметов винтовочного калибра? – спрашиваю, а сам наблюдаю за реакцией Комарицкого. Он же как раз конструктор авиационного вооружения. Должен высказать свое мнение, «за» или «против». В принципе, я и сам знаю, что в полевых условиях те же ШКАСы особо не постреляют – все же это не аэродром и не самолет, да и обслуживание в пехоте от авиационного... гм... сильно отличается. Но ведь зерно здоровое в этом есть. Было же где-то, что использовали какие-то авиационные пулеметы в ПВО.

– Разрешите мне, товарищ Сталин, – вот молодец, не побоялся. Ну, давай, предлагай.

– Да, товарищ Комарицкий, говорите.

– Лично я полагаю нецелесообразным использование всех имеющихся типов авиационных пулеметов в противосамолетной обороне войск. Но в ней вполне можно использовать такие типы, как ДА-2 и ПВ-1, снимаемые с вооружения ввиду малой скорострельности. Поскольку они конструктивно не отличаются от армейских образцов, полагаю, что они будут нормально работать и в полевых условиях. Имеющиеся же пулеметы ШКАС нужны для вооружения самолетов.

– Неужели у нас нет запаса таких пулеметов? Нельзя ли, если он есть, использовать эти пулеметы для обороны аэродромов? – я и не знал, что дело настолько запущено. Начинаю хмуриться, вижу, что директор «восьмерки» сидит еле дыша и принуждаю себя успокоиться. Чтобы присутствующие тоже успокоились, подхожу к столу, неторопливо набиваю и раскуриваю трубку.

– Полагаю, возможно, товарищ Сталин, – отвечает конструктор, а Тимошенко подтверждает, что небольшой запас пулеметов есть.

– Вот и хорошо. Вам и товарищу Чарнко надо будет продумать конструкцию зенитных станков для авиационных пулеметов и, по возможности, пушек ШВАК. А теперь давайте обсудим положение с зенитными пушками. Товарищ Авцин, объясните товарищам, как

получилось, что, имея готовую конструкцию тридцатисемимиллиметровых орудий особой доставки, ваш завод так и не смог выпустить их в достаточном количестве. А вы, товарищ Кулик, пока подумайте и потом доложите, чем мог помочь ГАУ этому заводу и почему этого не произошло.

Пока директор довольно-таки бодро оправдывается, приводя множество объективных причин провала программы производства зениток, Кулик сидит с видом человека, нечаянно проглотившего жабу. Что, не ожидал? Конечно, кое в чем ты, товарищ маршал, прав, но в целом твои идеи завыральные. Не помогают они улучшить оборону, скорее наоборот, отрицательно действуют. Тем более, что ты так и не нашел времени подписать приказ об изъятии некачественных бронебойных снарядов для «сорокапятков». И не подумал ничего делать по решению этого вопроса. Поэтому придется тебя отправить куда-нибудь на другую должность. Главное Артиллерийское Управление и без тебя обойдется.

– Ви закончили, товарищ Авцин? Типер доложите нам, что ви сделали для решения этих проблем?

«Из опыта мировой войны можно сделать два основных вывода в части производства орудий и боеприпасов.

Запасы мирного времени должны быть достаточны, во избежание кризиса, пока не будет полностью развернута производственная мощь мобилизованной промышленности.

Питание войны не может быть построено на запасах мирного времени, сколь бы не были велики эти запасы; война будет вестись в основном за счет продукции военного времени; подготовка промышленности в мирное время должна обеспечивать быстрое развертывание ее для массового производства во время войны».

«Артиллерия в основных видах боя»⁸. М.: Госвоениздат, 1940.

24 мая 1941 г. Москва. Кремль.

Кабинет Сталина.

Тов. Сталин

Суббота получается весьма напряженной. Собираю сегодня большое военное совещание у меня в кабинете. Немцы в первой половине мая так и не напали, поэтому у многих появилось расслабленное настроение. Пошли разговоры, что и не нападут совсем, пока с Англией не покончат. Голиков недавно эту гипотезу у меня в кабинете целых полчаса защищал. Расслабляются военные. Это плохо, совсем плохо.

Зато наша попытка тайного приведения войск в боеготовность (одно утешает, что мы подстраховались и Деканозов после начала подъема войск оповестил Риббентропа о больших учениях Красной Армии) оказалась весьма поучительной, но в целом – провальной. Как ни странно, лучше всех справился товарищ Павлов – у Западного Особого приведение в боевую готовность получилось намного лучше, чем у остальных четырех особых округов. Да и новинок у него в частях побольше внедрились, чем у других. Например, летчиков вместо строевых занятий начали обучать навыкам выживания во вражеском тылу. Во всех ли частях – не знаю, но в дивизии Захарова, где проверяющие были, точно занятия проводились. Нашли даже инструкторов из НКВД, а также энтузиастов – самбистов и туристов. Так что занятия очень полезными должны были получиться. Эх, съездить бы, самому посмотреть. Но некогда, некогда, время поджимает.

Недавно, сисхли гашра, второпях пару промашек допустил. Оказывается, Королев уже давно в Москве, в шарашке ЦКБ-29, у Туполева работает. А я Лаврентию уже приказал при необходимости самолетом его доставить. Обидно, да.

Тут еще выяснилось, что наземные пусковые установки, те самые «катюши», сейчас

⁸ Реальный документ.

есть только в паре опытных экземпляров. Причем военные вообще не торопились их заказывать! Всего на весь год сорок штук планировали, с началом производства со второй половины года и то только для испытаний! Татрэбис набичврэби! Щербаков мне доложил, так я чуть было не сорвался и не приказал Кулика арестовать и расстрелять. Чатлахо! Услужливый дурак опаснее врага оказался. Сейчас срочно конструкторскую документацию готовят, так что за месяц как раз должны штук сорок-пятьдесят успеть сделать. Для диверсантов тоже «заплечную артиллерию» разрабатывают – упрощенные сдвоенные пусковые для восьмидесятидвухмиллиметровых эрэсов. Такой ящик своеобразный, носимый на ремнях за спиной. Прибегает отделение десантников, человек десять, к складу в тылу врага, выставляет где-нибудь неподалеку своеобразную батарею и пускает двадцать снарядов разом. Если еще и с помощью какого-нибудь временного устройства, чтобы запуск после их ухода произошел – совсем замечательно. Задача выполнена и ловить некого. Вот такие вот дела...

Вот и Поскребышев. Пора начинать.

Все поздоровались и расселись. Поднимаюсь, прохожу за спиной собравшихся и, повернувшись, еще раз осматриваю замерших командующих особых округов, членов военных советов и командующих авиацией. Все смотрят в мою сторону, так что я хорошо вижу подсвеченные солнечными лучами лица сидящих. Кузнецов, Павлов, Кирпонос, Черевиченко, Захаров, Дубровина, а этот – молодой, подтянутый, смотрящий с обожанием – Копец. Герои Испании, просто хорошие, по мнению нашего военного ведомства, военачальники, опытные «инженеры человеческих душ» в рангах корпусных комиссаров, как же так получилось, что ТАМ вы не смогли сдержать первый натиск нацистских войск и сдали почти треть страны?

Смотрю на Павлова и говорю неожиданно севшим, отчего приходится прокашляться, голосом. Все делают вид, что ничего не замечают.

– Начнем, товарищи командиры, с центра нашего построения. Докладывайте, товарищ Павлов.

Пока Павлов на военно-штабном канцелярите рассказывает об успехах, как говорится, «боевой и политической», я, продолжая неторопливо ходить вдоль кабинета, анализирую его выступление и реакцию слушающих. Молотову явно скучно, Жуков что-то записывает себе в блокнот, Борис Михайлович⁹ изредка морщится. Болеет или не верит? Скорее, опять обострение. Эх, сюда бы хорошего доктора оттуда, да с запасом лекарств, чтобы он его подлечил. Честно говоря и мне не помешало бы, хотя последнее время получше себя чувствую. Так, это как же это они ухитрились девяносто пять процентов исправных танков получить? Врет, явно. Или не врёт? Если те пять процентов под шумок разобрали... Да к тому же сколько они прошли? До районов сосредоточения по десятку километров максимум. Молодец, конечно, Дмитрий Григорьевич, но надо уточнить, как дела реально обстоят, чтоб не зазнался окончательно. Нет, то, что его округ в полную боеготовность привелся, да еще полностью незаметно для немцев – достижение великолепное. Но вот что у него исправность танков и самолетов почти сто процентов – не верю. Ну, вот сейчас и уточним.

– Товарищ Павлов, как вы сумели получить столь высокую исправность техники?

– В течение предыдущей недели, товарищ Сталин, мы восстановили большую часть неисправной техники второй категории, используя детали, снятые с техники, восстановление которой невозможно. Кроме того, мы, – ну вот, что-то он замялся, – мы израсходовали часть неприкосновенных запасов.

«Что? Кто ему разрешил? Точно использовал свои знакомства в ГАБТУ» – мысли, промелькнувшие в голове, видимо, никак на моем лице не отразились, все по-прежнему смотрят вопросительно. Хотел инициативу поощрять? Вот она, во весь рост.

– Это хорошо, товарищ Павлов, что вы проявили инициативу, – откуда он узнал о дате

⁹ Б. М. Шапошников, маршал, был единственным человеком, которого Сталин называл по имени-отчеству.

приведения войск и прочие подробности, поручим раскопать Лаврентию. – Но если судить по вашему докладу, никаких накладок ни в одной части округа не было. Это так?

– Почему же не было, были, товарищ Сталин, – не тушется, молодец, – просто не стал их специально выделять. В целом округ сработал как надо, а отдельные недостатки мы способны устранить своими силами. Я полагал, что полезнее будет поделиться положительным опытом.

– Это вы не совсем правильно решили, товарищ Павлов. Но не будем сейчас об этом, давайте послушаем и остальных товарищей. Они нам как раз про недостатки расскажут. Прошу, товарищ Черевиченко.

Признаюсь, выступление командующего Одесским округом я слушал не слишком внимательно. Особых косяков у них не было, в основном – неисправная техника, которую из ангаров вывести не удалось. Но в целом процент неисправных танков ничуть не выше, чем в остальных округах, с автомобилями те же проблемы, что и у всех. Более внимательно я слушаю доклады Кирпоноса и Кузнецова. Те, многословно и путано, но все же докладывают обо всем происшедшем довольно правдиво. Тут и неисправная техника, и поздно поступающие из народного хозяйства или вообще отсутствующие в природе автомобили, недостаточно скрытный подъем войск по тревоге и даже, черт побери, срыв развертывания частей из-за того, что никак не могли собрать командиров! Маймуно виришвили, мы за что такие деньги платим этим бездельникам? Они, видимо, думают, что это им сойдет с рук? Нет уж. По уставу, не по уставу, а на ступень звание долой и должность тоже. И не в тыл, а в передовые приграничные части, чтоб не пересидели войну за чужими спинами.

– Так, дорогие товарищи военные, как мы будем исправлять выявленные недостатки?

– Иосиф Виссарионович, Генеральным Штабом совместно с Наркоматом разработана программа по устранению недостатков, – это Борис Михайлович пытается отвести от военных возможную угрозу, – разрешите доложить ее моему заместителю?

– Согласен, давайте послушаем доклад, – осматриваю застывших командиров, – а потом будем решать, принимать ваши предложения или нет.

Совещание заканчивается за полночь, а уже после ухода военных мы еще подводим итоги вдвоем с Молотовым. Тяжелый день. Многие мои предложения военные явно не воспринимают. Что же делать с недостающими автомобилями, с танками третьей и четвертой категорий, с недостатками бронебойных снарядов – вообще неясно. Придется дополнительно завтра собирать узкий круг на Ближней даче и думать, думать и думать. Полагаю, что Гитлер даст нам на раскачку не больше месяца. Нападет он, скорее всего, двадцать второго. Но не обязательно. Может и перенести срок. Допустим, неделей позже или раньше.

«При общей высокой боеспособности десантников их парашютная подготовка была весьма слабой. В нашей бригаде четверть бойцов не прыгали вообще ни разу, а шестьдесят пять процентов имели всего по одному прыжку.[...]»

В конце мая сорок первого года, почти за месяц до начала войны, в подготовке бойцов произошла резкая перемена. Весь личный состав был разделен на несколько категорий, полностью пересмотрено штатное расписание корпуса. Наиболее подготовленные парашютисты, имевшие по несколько успешных прыжков, продолжали подготовку почти в прежнем режиме. Но, продолжая заниматься парашютно-десантной подготовкой, они в первую очередь готовились к ведению партизанских, диверсионно-разведывательных действий в тылу вероятного противника. Меня перевели в такой батальон, получивший название «1-го батальона спецназначения». Под моим началом оказался взвод из трех стрелковых отделений и группы связи и управления. На вооружение батальона поступало разнообразное автоматическое оружие и средства минирования. Командир бригады, полковник Родимцев, сразу после доведения приказа собрал командный состав нашего батальона на совещание.

– Главное сейчас, – сказал полковник, – не выброска массовых десантов, к чему мы так готовились, а действия небольших групп парашютистов,

выполняющих особые задания.

Родимцев подробно говорил о характере таких заданий. Я уяснил, что это, прежде всего, переброска во вражеский тыл групп парашютистов-диверсантов, разведчиков, подрывников, а также засылка в районы, занятые врагом, наших инструкторов, партийных и советских работников, которые будут действовать в подполье и создавать партизанские отряды.

Вместе со своими товарищами – командиром роты старшим лейтенантом Николаем Гавриловым, взводными командирами лейтенантами Степаном Волковым и прибывшим несколько позже Кимом Ивановым – я взялся за дело.[...]

Конечно, десантники и раньше готовились к диверсионным действиям в тылу, но они рассматривались как вспомогательные.[...]

В качестве инструктора в наш батальон приезжал бывший участник войны в Испании. Он был представлен личному составу как Рудольфио. Но ни я, ни мои подчиненные не поверили в то, что это иностранец, учитывая его чистую, без акцента русскую речь. Он провел с нами несколько занятий по минно-взрывной подготовке. [...] Не раз во время войны я с благодарностью вспоминал его уроки.

К сожалению, полностью закончить подготовку до начала войны мы не успели. Но и уже полученные знания и умения неоднократно выручали нас в грозные дни войны, особенно в первое время, когда мы еще не накопили собственного опыта.[...]

Полковник П. Макаров. «В тылу врага», Глава 1. «Человек с мешком». (М.: Госвоениздат, 1955)

30 мая 1941 г. Аэродром Едлино.

162-й истребительный авиационный полк.

Николай Козлов

День командирской подготовки в полку проходит тоже по-новому. Строевая подготовка сразу после утреннего построения не затягивается, как раньше, на полдня. Всего лишь час, и все сидят по классам. Техники изучают новые инструкции по предполетной подготовке, а летчики... летчики сидят в классе и слушают лекцию приехавшего из дивизии летчика-инспектора Герослава Марченко. Он нудным голосом зачитывает тактико-технические данные самолетов «вероятного противника». Читает настолько скучно, что многие украдкой зевают, а кое-кто уже и спит, пользуясь приобретенными еще с училища навыками. Даже обычно дисциплинированный Вячеслав вместо того, чтобы слушать инструктора, что-то читает, пряча журнал под столом, не опасаясь, что приехавший из дивизии капитан может устроить по такому поводу нехилый скандал.

«Нудный он и какой-то не такой, как все. Бойтся как будто чего-то. В тридцать седьмом попадался, что ли?» – украдкой зевая, думает Козлов, поглядывая на развешанные по стенам класса плакаты и старые деревянные модели польских самолетов. Но вот, к большой радости присутствующих, наступает перерыв. Все разбегаются по курилкам и другим укромным местечкам, чтобы десять минут подышать свежим и не очень воздухом, прийти в себя и подготовиться к следующему занятию.

– Колись, Вячик, что это ты так увлеченно читаешь, не слушая столь важную речь товарища сверху? – перехватив в коридоре Коротина, спрашивает Козлов.

– А ты, Коля, в библиотеку давно заходил? – вопросом на вопрос отвечает Коротин.

– Не понял? Хочешь сказать, что-то новое пришло? Художественная литература? – удивляется Козлов, зная, что в пристрастии к художественной литературе его товарищ не замечен. Ну, а уж чтобы он стал на занятиях читать, что-то невероятное должно произойти.

– Пришел новый номер «Вестника Воздушного Флота». А там така-а-ая статья, мама дарагая! – интонация Вячеслава так напоминает Николаю позавчерашний рассказ жены о покупке нового платья, что он невольно улыбается. – Чего ржешь, почитай сам лучше, – снисходительно улыбаясь, он достает из планшетки толстую, толще обыкновенного, книжечку журнала в бело-голубой, цвета неба и облаков, обложке. Козлов с недоверием берет журнал, открывает страницу, отмеченную закладкой, и через секунду полностью

погружается в чтение. Оторвавшись, он смотрит на переставшего улыбаться Коротина.

– Это кто же такое разрешил? Но главное – зачем? Неужели не ясно, что это сразу наши источники и нашу осведомленность об авиации стран, описанных в статье, раскрывает до конца. Такие полные характеристики, да еще в сравнении друг с другом описать – это ж надо как минимум доступ на уровне наркомата, то есть как там у них – министерства иметь, – удивленно говорит Николай, понизив голос почти до шепота.

– Но если все, что здесь написано – правда, то летчикам легче продумать схему воздушного боя! – отвечает Вячеслав. – Смотри, например, написано, что горизонтальная маневренность у «Мессершмитта-109» даже последней модификации намного хуже, чем у истребителя «Москаса», при превосходстве в максимальной скорости и скороподъемности. То есть нашим «ишачкам» надо вести строго оборонительный бой и только на горизонталях, не лезть в высоту и не пытаться пикировать. Или вот – оборонительное вооружение и его размещение на бомбовозе «Хейнкель-111». Так это же готовое пособие для товарища инспектора!

– Да, пожалуй, даже цифры те же, что он нам диктовал. Я теперь понял, почему ты лекцию не слушал. Тут гораздо полнее, чем товарищ капитан рассказал. Да и нагляднее изложено.

– Понял? Здорово, да? – тут Вячеслав оглядывается и переходит на шепот: – Одно не пойму – как это разрешили напечатать в простом журнале? Не через секретку, а всем сообщили? Немцы, да и англичане, ведь тоже прочесть могут.

– Разрешили, я думаю, не зря. Ты представь, какой сейчас переполох у их контрразведчиков. Небось волосы рвут, пытаюсь утечку вычислить, – также шепотом отвечает Николай.

Вячеслав согласно кивает и добавляет:

– После занятий соберемся звеном и поговорим, лады?

– Да, придется к Иванову подойти и поговорить. Нет, ну кто такую статью разрешил напечатать, а? И английский «Ураган»¹⁰, и американский «Буйвол»¹¹ описаны. Но в основном немецкие, румынские и итальянские самолеты. Сразу ясно, кто у нас вероятный противник. Вот тебе и договор о ненападении, – констатирует Козлов, возвращая журнал.

2 июня 1941 г. Подмосковье. Близняя дача.

Тов. Сталин

До возможного нападения осталось двадцать дней. И ничего не ясно. Судя по донесениям разведки, темпы сосредоточения немецких войск настолько малы, что никак не позволяют им успеть к двадцать второму. Может быть, Гитлер решил перенести срок нападения, более тщательно подготовившись? Или ждет повода? Нет, можно, конечно, запустить механизм мобилизации, нажать, так сказать, «красную кнопку». Но!.. Для того чтобы нажать «красную кнопку» вовремя, нужны достаточно весомые основания. Начало всеобщей мобилизации в мае таило угрозу попадания в щекотливую ситуацию: войска собраны, армия мобилизована (допустим, скрытым порядком, тем более, что этот вариант мы проверили), а противник не нападает. Что здесь прикажете делать? Нападать первыми? Возвращать армию в места постоянной дислокации? Последнее опасно тем, что противник, во-первых, может-таки напасть согласно собственным планам, а во-вторых, может запустить процесс переговоров его с нашими возможными союзниками и образования единого антикоммунистического фронта. Да и срыв народнохозяйственных планов нам совсем не нужен. Жаль, что нельзя снова расстрелять кое-кого из тех, кто в тридцать седьмом упокоился. Как они нашей стране своей возней с мировой революцией подгадили, слов нет,

¹⁰ Реальный документ.

¹¹ Brewster «Buffalo», американский палубный и сухопутный истребитель, экспортировался в Великобританию и Финляндию.

одни междометия. Так подгадили, что теперь на воду дуть приходится.

Вот так и решайте, товарищи большевики. Вот и думай, товарищ Сталин. Помнится, арабы раз мобилизовались не вовремя. Да, собрали грандиозную армию, во много раз большую, чем у израильтян, и стали ждать, что они испугаются. В результате многократного изменения обстановки войска передвигались с места на место, потеряли бдительность, устали, выработали ресурс техники... и были разбиты внезапным нападением уступающих в численности израильтян. Но до чего же похоже, а? Такое же внезапное нападение на аэродромы, захват господства в воздухе, разгром сухопутных войск по частям... Надо подумать, как избежать хотя бы самых очевидных ошибок. Думай, товарищ Сталин, думай, шэн бозо, шапку куплю, да.

– Товарищ Сталин, к вам товарищ Берия с посетителем, – лейтенант госбезопасности, ага. Зовут его, кстати, Алексеем. Друзья за привязанность к пиву «пивным бочонком» прозвали, помнится. Хотя не такой уж он и толстый, да и «пивного брюха» не видно.

– Приглашайте, товарищ Доморацкий. – А сейчас поработаем на перспективу. К концу войны мы должны уже иметь задел для «большой дубинки» против всех, кому не понравится наше усиление. Должны и будем иметь.

Входят. Лаврентий сосредоточен, а вот его спутник явно ошарашен и даже, кажется, испуган. Непонятно, отчего. О чем с ним Лаврентий разговаривал или его костоломы, что так зашуганно Сергей Павлович смотрит? Придется исправлять содеянное.

– Проходите, проходите, товарищи. Устали, наверное, с дороги? Сейчас немного перекусим, а уж потом перейдем к делу.

Вызываю Алексея и прошу приготовить в столовой чай. Идем туда. Так, а гость понемногу осваивается.

– Товарищ Королев, присаживайтесь. Вы какой чай любите – черный, зеленый? У нас очень хороший чай и вкусные бутерброды. Угощайтесь.

Пока пьем чай с бутербродами, разговариваем о всяких посторонних предметах, и гость оттаивает. Настороженность уходит вглубь, но полностью не исчезает. Ничего, и так неплохо.

– Пройдемте в кабинет, – приглашаю, готовясь посмотреть, как они прореагируют на сюрприз. Берия, похоже, что-то знал, удивление слегка наигранное. Зато на Королева подействовало. Ага, не зря я три дня по часу личного времени тратил, объясняя и поправляя. Но надо признать, и художник хорош, быстро все понял. Конечно, такую картину посложнее написать, чем «Стахановцев». Но справился товарищ Дейнека, хорошо получилось. Прямо такая, как мне запомнилась с того времени картина: огромная, занимающая полнеба Земля в ореоле атмосферы, резкие двойные тени, черная пустота космоса, видимые на горизонте горы, окружающие кратер, и две человеческие фигуры в скафандрах, стоящие на пустынной равнине. Луна и Земля. Причем нарисовано так, что при беглом взгляде на фигурки ясно, что они с восхищением смотрят на открывшуюся панораму. Даже на охранников подействовало, знаю точно, несколько раз приходили смотреть. А уж на Королева тем более подействовало. Смотрит не отрываясь, как на чудотворную икону, даже мимо предложенного стула чуть было не сел.

– Товарищ Королев... – вздрогнув, он наконец-то отводит взгляд от картины. А Лаврентий все смотрит туда, но при этом успевает коснуться и на меня, и на Королева. Профессионал, однако. Продолжаю после небольшой паузы: – Вы фактически сорвали своевременное завершение проекта по реактивным снарядам. Однако новая информация позволяет считать, что ваша личная вина не столь велика. Советское Правительство решило освободить вас и дать вам возможность реабилитировать себя работой. Мы с товарищами проверили перспективность работ по ракетам с жидкостными двигателями и возможностям исследования космических пространств реактивными приборами. Есть мнение назначить вас руководителем специальной лаборатории при Управлении Специального Строительства Совнаркома СССР. Руководить Спецстроем будет товарищ Берия. Конечным результатом работы вашей лаборатории должно быть создание ракеты, способной доставить в космос не

менее трех тонн груза, – встаю. Прохаживаясь и неторопливо раскуривая трубку, наблюдаю за лицами собеседников. – Или доставить такое же количество взрывчатки на расстояние не менее одиннадцати тысяч километров. Есть мнение, что эти работы будут иметь большое военное и научное значение...

– Товарищ Сталин, – заговорил Королев. Послушаем, что скажет. Киваю разрешающе. – Кхм... товарищ Сталин, такая работа потребует миллиардов рублей вложений и не менее десятка лет работы. По сложности и стоимости такая ракета будет в сотни раз дороже бомбардировщика. А ведь вернуть ее назад после пуска будет невозможно. Да и освоение космоса в ближайшие годы...

– Ничего, товарищ Королев. Мы осознаем как встающие на пути трудности, так и то, что это работа не на один год, что это работа на будущее, что ваши исследования превратятся во что-то вещественное не сейчас, а десять-двенадцать лет спустя. Но мы понимаем, что такие исследования нам необходимы, мы понимаем, что начинать их нужно сейчас. Иначе мы можем оказаться отстающими, иначе нас могут опередить капиталисты. А их будут волновать именно военные возможности и военное применение этих открытий. Вы представляете себе, какое преимущество получит та страна, которая сможет запускать искусственные спутники Земли? Вы, наверное, читали «Звезду КЭЦ». Да, такая станция имеет большое научное значение, но еще больше она будет интересовать именно военных. Представьте себе наблюдение за перемещениями войск из космоса, фотографирование земной поверхности с орбиты – какие открываются возможности для разведки? Что же касается ракет как оружия. С какой примерно скоростью она будет падать на Землю из космоса? Представили? Чем ее можно перехватить и уничтожить? Ничем. Что она может уничтожить? Все. К тому же я не открою особой тайны, если скажу, что у нас и за рубежом идут исследования новых видов взрывчатки, которые будут в миллионы раз сильнее существующих. Заброска такой необычной взрывчатки ракетой уже становится не только экономически оправданной, но и позволит империалистам, сумевшим создать такое оружие, шантажировать не имеющие его страны наличием оружия страшной разрушительной силы, от которого к тому же нет никакой защиты. А мы, единственное в мире государство рабочих и крестьян, не можем позволить себя шантажировать, не можем позволить себе быть слабее своих противников, как нынешних, так и будущих.

Поддействовало. Даже на Лаврентия поддействовало. Так что можно приступать к конструктивному разговору и даже показать некоторые схемы, якобы добытые нашей разведкой. Какой? А это разве важно?

«[...]И снова на стрельбище. После минно-взрывного полигона больше всего учебного времени мы проводили на стрельбище. Полученное нами автоматическое оружие было настолько необычно, что первоначально мы даже подозревали вредительские действия. В моем взводе, например, часть десантников получила пистолеты-пулеметы «Фольмер-Эрма», часть – ППД, а некоторые, в том числе и я – даже немецкие «шмайссеры». Все это разнообразие надо было освоить, пристрелять, научиться действовать им в боевых условиях.

Довольно быстро все поняли, что выбор оружия был не случаен. Во вражеском тылу снабжение патронами могло происходить в основном за счет трофеев. Наше же вооружение и было подобрано с учетом этого фактора. [...]

Полковник П. Макаров. «В тылу врага», Глава 1. «Человек с мешком». (М.: Госвоениздат, 1955)

12 июня 1941 г. Берлин. Турпицуфер, 74/76. «Логово лиса» ¹²

– Что вы предлагаете доложить фюреру? Если верить этому переводу, здесь выложены такие данные, которые русские вполне могли получить, изучив закупленные образцы нашей

¹² Так прозвали штаб-квартиру абвера, от клички адмирала Канариса – «Старый лис».

техники. – Адмирал выглядел усталым, очень усталым, пусть и не растерявшим своего обычного флотского лоска. Нападение на СССР приближалось, и, хотя разведка Рейха работала практически в режиме военного времени, его-то, этого самого банального времени, руководителю одной из основных спецслужб Германии и не хватало. Новые и новые данные от всех возможных источников прямо-таки кричали, что русские что-то знают о подготовке войны. Но что конкретно им известно – установить пока никак не удавалось. Интуитивно Канарис чувствовал что-то неправильное в докладах аналитиков, которые доказывали, что все подозрения русских основаны скорее на их недоверчивости, а не на знаниях. Поэтому и работал на износ сам и подгонял своих подчиненных. Даже не приказы «гефрайтера» и его верных «лакейтелей» из ОКВ, а собственная офицерская честь не позволяли оставить этот вопрос в таком состоянии.

«Освещение» обстановки велось всеми подразделениями по всем возможным направлениям. И давало кое-какие результаты. Так, удалось выяснить, что сообщение о грандиозных учениях в части западных округов русских было частичной дезинформацией. На самом деле поднимались все так называемые «особые» округа, причем поднимались в полном секрете, так, чтобы подготовку войск к боевым действиям не заметили посторонние наблюдатели. И это им частично удалось. По крайней мере, в Белой Руси и частично на Украине выход войск в районы сосредоточения все наблюдатели проморгали. О чем фюрера с большим удовольствием известили «доброжелатели», спровоцировав очередную выволочку от темпераментного «вождя германской нации». Адмирал еле заметно поморщился.

– Хорошо, оставьте вашу записку и журнал, я обдумаю этот вопрос.

«Стоит ли докладывать это фюреру или нет? А если доложит Гейдрих? Посмотрим еще раз, внимательнее. Ого! Нет, обязательно надо доложить. Особенно учитывая вот это. Неужели я так устал, что уже начинаю ошибаться? Надо же, едва не упустил самое важное. Откуда русским может быть известно о новом «Мессершмитте»? Кстати, надо бы уточнить – насколько описание соответствует истине. Неплохая возможность воткнуть шпильку в афедрон Толстого Германа. Да, немедленно надо доложить. И подумать, откуда же была утечка... Кто с ними контактировал из люфтваффе? Удет? Надо бы как-то проверить. Было бы неплохо собрать доказательства его вины, даже, ха-ха, если их нет. Думаю, Мильх не откажется от сотрудничества в столь благородном, с его точки зрения, деле».

– Эрвин, запросите рейхсканцелярию о приеме со срочным докладом и передайте в Темпельхоф, пусть подготовят мой самолет. Пока пусть подадут «Хорьх». Как только все согласуете – доложите мне, я буду дома.

– Есть, герр адмирал!

Сообщение ТАСС от 14 июня 1941 г.¹³

«Еще до приезда английского посла в СССР г-на Криппса в Лондон, особенно же после его приезда, в английской и вообще в иностранной печати стали муссироваться слухи о «близости войны между СССР и Германией». По этим слухам:

1) Германия будто бы предъявила СССР претензии территориального и экономического характера, и теперь идут переговоры между Германией и СССР о заключении нового, более тесного соглашения между ними;

2) СССР будто бы отклонил эти претензии, в связи с чем Германия стала сосредоточивать свои войска у границ СССР с целью нападения на СССР;

3) Советский Союз, в свою очередь, стал будто бы усиленно готовиться к войне с Германией и сосредоточивает войска у границ последней.

Несмотря на очевидную бессмысленность этих слухов, ответственные круги в Москве все же сочли необходимыми, ввиду упорного муссирования этих

¹³ Подлинный документ.

слухов, уполномочить ТАСС заявить, что эти слухи являются неуклюже состряпанной пропагандой враждебных СССР и Германии сил, заинтересованных в дальнейшем расширении и развязывании войны.

ТАСС заявляет, что:

1) Германия не предъявляла СССР никаких претензий и не предлагает какого-либо нового, более тесного соглашения, ввиду чего и переговоры на этот предмет не могли иметь места;

2) по данным СССР, Германия так же неуклонно соблюдает условия советско-германского пакта о ненападении, как и Советский Союз, ввиду чего, по мнению советских кругов, слухи о намерении Германии порвать пакт и предпринять нападение на СССР лишены всякой почвы, а происходящая в последнее время переброска германских войск, освободившихся от операций на Балканах, в восточные и северо-восточные районы Германии связана, надо полагать, с другими мотивами, не имеющими касательства к советско-германским отношениям;

3) СССР, как это вытекает из его мирной политики, соблюдал и намерен соблюдать условия советско-германского пакта о ненападении, ввиду чего слухи о том, что СССР готовится к войне с Германией, являются лживыми и провокационными;

4) проводимые сейчас летние сборы запасных Красной Армии и предстоящие маневры имеют своей целью не что иное, как обучение запасных и проверку работы железнодорожного аппарата, осуществляемые, как известно, каждый год, ввиду чего изображать эти мероприятия Красной Армии как враждебные Германии по меньшей мере нелепо.

Газета «Известия». (Передано в Москве германскому послу Шуленбургу 13 июня 1941 г.)

13 июня 1941 г. «Вольфшанце»

— ...исходя из этого, мой фюрер, полагаю, что русские ожидают нашего нападения и даже вычислили дату начала боевых действий.

— Вы правильно сделали, господин адмирал, что сразу доложили мне. Ваша работа достойна всяческой похвалы. Утечка информации, как я полагаю, была неизбежна, несмотря на все принятые нами меры маскировки. Но никакое знание, никакие уловки не спасут большевиков! Наша армия разнесет вдребезги их картонные укрепления! — казалось, фюрер внезапно начнет одну из тех своих «гениальных» речей, которые могут длиться бесконечно долго. Но так же внезапно он успокоился и продолжил уже тихим, умиротворенным голосом, обращаясь к начальнику Генштаба. — Гальдер, мы можем перенести срок наступления на сутки вперед?

— Но, мой фюрер, тогда мы не успеем развернуть все части второго эшелона, что может привести...

— Вздор, Гальдер, вздор. Сосредоточенные для первого удара войска и так превосходят силы первого эшелона большевиков. Не так ли, Кейтель?

— Так точно, мой фюрер! На направлениях главного удара мы имеем, по расчетам, пятишестикратное превосходство.

— Вот видите, Гальдер. Ваша перестраховка понятна, но неуместна. После нашего удара русские будут думать только о возможности избежать разгрома и окружения. Меня больше беспокоят наши люфтваффе. Геринг?

— Мой фюрер, мы всегда готовы выполнить ваши приказы, — Геринг явно растерялся, но тут ему на помощь пришел начальник штаба генерал Ешонек.

— Разрешите, мой фюрер? Все части, предназначенные для нанесения удара, уже сосредоточены на исходных позициях. До двадцать второго июня нам осталось подвезти только части тылового обеспечения и закончить перебазирование самолетов в Финляндию. Но эти части и не нужны фактически в течение первых суток. Поэтому я могу заверить вас в полной готовности люфтваффе к войне.

– Надеюсь, – буркнул Гитлер, все еще не опомнившийся от обнаружившейся утечки данных откуда-то из управления авиации. – Надеюсь, что с вашей готовностью дело обстоит намного лучше, чем с обеспечением секретности, – не преминул он напомнить о случившемся.

– Мой фюрер, я уверен, что утечка не связана с моими подчиненными, – бросился на амбразуру всей своей толстой тушей Геринг.

– Вы полагаете или уверены?

– Мой фюрер, мы уже начали расследование и, к сожалению, вынуждены констатировать, что вероятность наличия «кротов» в управлении люфтваффе можно считать весьма высокой, – витиеватая речь Гимmlера легко расшифровывалась простейшей фразой: «Геринг дурак, прошляпил шпионов».

– Да неужели? – воспользовавшись молчанием фюрера, Геринг решил ответить на обвинения. – Может быть, наоборот, утечка произошла именно из органов, отвечающих за сохранение секретности?

Гитлер молчал, не вмешиваясь в разгорающуюся в наилучшем базарном стиле перебранку между своими соратниками-соперниками. Наконец, перебранка начала затихать, и фюрер, сделав вид, что ничего не было, продолжил совещание. После получаса разговоров, докладов, уверток не желающего брать на себя ответственность Гальдера и нажима Гитлера было решено перенести срок наступления на сутки вперед.

– Адмирал, вы собираетесь возвращаться в Берлин? – своим неожиданным вопросом Гитлер остановил выходящего Канариса прямо в дверях. Обернувшись, адмирал ответил:

– Так точно, мой фюрер.

– Тогда отправьте свой самолет, мы полетим вместе на моем.

Слышавший этот короткий диалог Гимmlер невольно поморщился, словно проглотив дольку кислйшего лимона. Заметивший его гримасу Геринг улыбнулся, несмотря на плохое настроение. «Аппаратная война», не менее жестокая и требовавшая иногда даже больше усилий и средств, чем настоящая, продолжалась...

*«Справка о разворачивании вооруженных сил СССР
на случай войны на Западе.*

б/н[омера]

13 июня 1941 г.

I. Сухопутные войска

Всего в СССР имеется 303 дивизии: с[трелковых]д – 198, т[анковых]д – 61, м[оторизованных]д – 31, к[авалерийских]д – 13; к[орпусных] а[ртиллерийских]п[олков] – 94, а[ртиллерийских] п[олков] Р[езерва]Г[лавного]К[омандования] – 74, В[оздушно]Д[есантных]К[орпусов] – 5, прт(противотанковых)бр[угад] – 10.

Для разворачивания на западных границах

В составе фронтов (без соединений, находящихся в Крыму) – 186 дивизий, из них: сд – 120, тд – 40, мд – 20, кд – 6, ап РГК – 53, ВДК – 5, пртбр – 10.

Северный фронт – 22 дивизии, из них: сд – 16, тд – 4, мд – 2 и осбр – 1.

Северо-Западный фронт – 23 дивизии, из них: сд – 17, тд – 4, мд – 2 и осбр – 1.

Западный фронт – 44 дивизии, из них: сд – 24, тд – 12, мд – 6, кд – 2.

Юго-Западный фронт – 97 дивизий, из них: сд – 63, тд – 20, мд – 10, кд – 4 (без соединений, находящихся в Крыму).

В состав Юго-Западного фронта включаются:

– КОВО – 58 дивизий, из них: сд – 32, тд – 16, мд – 8, кд – 2;

– ОДВО (без соединений, находящихся в Крыму) – 19 дивизий, из них:

сд – 11, тд – 4, мд – 2, кд – 2;

– ПрибОВО – сд – 7;

– ХВО – сд – 7;

– ОрВО – сд – 6.

Армии резерва Главного Командования

22А (УрВО) – за Западным фронтом. Всего 9 дивизий, из них: сд – 6, тд – 2, мд – 1. В состав 22А включаются все шесть сд УрВО и 21 мк МВО.

16А (ЗабВО) – за Юго-Западным фронтом. Всего 12 дивизий, из них: сд – 8, тд – 3, мд – 1. В состав армии включаются:

– 6 дивизий из ЗабВО, тд – 3, мд – 1, сд – 2;

– 1 мд из ОрВО (217 сд);

– 5 дивизий из МВО (41 СК – 118, 235. 144 сд; 2 °СК – 160, 137 сд). 19А (СКВО) – за Юго-Западным фронтом. Всего 11 дивизий, из них: сд – 8, тд – 2, мд – 1. В состав армии включаются:

– пять сд из СКВО;

– сд – 3, тд – 2 и мд – 1 из ХВО.

Всего на западной границе 218 дивизий, из них: сд – 142, тд – 47, мд – 23, кд – 6, ВДК – 5, пртбр – 10.

Центральные армии резерва Главного Командования

28А (из АрхВО) – северо-западнее Москвы. Всего 8 дивизий, из них: сд – 5, тд – 2, мд – 1. В состав армии включаются:

– три сд из МВО (69 СК – 73, 229; 233 сд);

– 7 МК из МВО (14 и 18 тд, 1 мд);

– одна сд из ЛенВО (177сд);

– одна сд из АрхВО (111 сд). ^

24А (Управление из СибВО) – юго-западнее Москвы. Всего 11 дивизий, из них: сд – 8, тд – 2, мд – 1. В состав армии включаются:

– все шесть сд из СибВО;

– две сд из МВО (62 СК – 110, 172 сд);

– 23 МК из ОрВО (48, 51 тд. 220 мд).

Всего в двух центральных армиях РГК 19 див., из них: сд – 13, тд – 4, мд – 2.

Всего на Западе с центральными армиями РГК 237 дивизий, из них: сд – 155, тд – 51, мд – 25, кд – 6, ВДК – 5, пртбр – 10, ап РГК – 55, осбр – 2.

На остальных (второстепенных) участках госграницы:

Всего 66 дивизий, из них: сд – 43, тд – 10, мд – 6, кд – 7 и осбр – 1, мббр – 1.

Эти силы распределяются следующим образом:

АрхВО – сд – 1;

Крым – 3 дивизии, из них: сд – 2, кд – 1;

СКВО – сд – 1 на Черноморском побережье;

ЗакВО и СКВО – 20 дивизий, из них: сд – 12, тд – 4, мд – 2, кд – 2;

САВО – 10 дивизий, из них: сд – 4, тд – 2, мд – 1, кд – 3;

ЗабВО – 8 дивизий, из них: сд – 4, мд – 2, тд – 1, мд – 1 и ммбр (мотомеханизированная бригада) – 1;

ДВФ – 23 дивизии, из них: сд – 17, тд – 3, мд – 2, кд – 1 и осбр (отдельная стрелковая) – 1.

При таком распределении сил необходимо дополнительно запланировать перевозки по железной дороге:

из СибВО в район Сухиничи, Брянск – сд – 6, управлений СК – 2, ап РГК-2, армейских управлений – 1;

из МВО в район КОВО – сд – 5 и управлений СК – 2;

из ОрВО в КОВО – сд – 7, управлений СК – 2 и армейских управлений – 1;

из ХВО в КОВО – сд – 7, управлений СК – 2, армейских управлений – 1, из ХВО в район Белая Церковь – один МК, тд – 2, мд – 1;

из АрхВО в район Ржев – сд – 1, армейских упр авлений – 1. Всего 33 дивизии, из них: сд – 30, тд – 2, мд – 1, управлений СК – 9, армейских управлений – 4, что составит около 1300 эшелонов плюс тылы и части усиления около 400 эшелонов, а всего 1700 эшелонов. Для перевозки потребуется около 13 дней из расчета 130 эшелонов в сутки. Боевые части могут быть перевезены за 10 дней.

II. Военно-воздушные силы

Всего боеспособных авиаполков 218, из них: иап – 97, ббп – 75, шап – 11, дбп

– 29 и тбап¹⁴ – 6.

Эти силы распределяются следующим образом.

Главные силы в составе 159 авиаполков иметь на Западе. Из них:

Северный фронт – 18;

Северо-Западный фронт – 13;

Западный фронт – 21;

Юго-Западный фронт – 85;

в резерве Главного Командования – 29.

Остальные 59 авиаполков иметь на других участках, из них: АрхВО – 2, ЗакВО – 13, САВО – 5, ДВФ – 26, ЗабВО – 7, для прикрытия Москвы – 6.

III. Распределение сил по армиям на Западном и Юго-Западном фронтах

Западный фронт:

3А – 8 дивизий, из них: сд – 5, тд – 2, мд – 1;

ЮА-сд-5;

13А – 11 дивизий, из них: сд – 6, тд – 2, мд – 1, кд – 2;

4А – 12 дивизий, из них: сд – 6, тд – 4, мд – 2;

резерв фронта – 8 дивизий, из них: сд – 2, тд – 4, мд – 2.

Юго-Западный фронт:

5А – 15 дивизий, из них: сд – 9, тд – 4, мд – 2;

20А – сд – 7;

6А – 16 дивизий, из них: сд – 10, тд – 4, мд – 2;

26А – 15 дивизий, из них: сд – 9, тд – 4, мд – 2;

21А – 13 дивизий, из них: сд – 8, тд – 2, сд – 1, кд – 2;

12А – сд – 4;

18А – 8 дивизий, из них: сд – 5, тд – 2, мд – 1;

9А – 12 дивизий, из них: сд – 4, тд – 2, мд – 1;

резерв фронта – 7 дивизий, из них: сд – 4, тд – 2, мд – 1.

При благоприятной обстановке на Запад может быть дополнительно выделено 17 дивизий (сд – 7, тд – 7, мд – 3); СКВО – 5 дивизий (сд – 2, тд – 2, мд – 1); ЗакВО – 5 дивизий (сд – 2, тд – 2, мд – 1); САВО – 5 дивизий (сд – 2, тд – 2, мд – 1); ЛенВО – 2 дивизии (сд – 1, мд – 1). На перевозку этих дивизий нужно 600 эшелонов».

Заместитель Начальника Генерального штаба Красной Армии Н. Ватутин

18 июня 1941 г. Москва. Кремль.

Кабинет Сталина.

Тов. Сталин

Как я и ожидал, переданное по всем каналам «Сообщение ТАСС», которое так не хотели публиковать Молотов, Маленков и Тимошенко, немцы проигнорировали. Причем демонстративно, не перепечатывая и не комментируя даже в провинциальных газетенках. Никак не хотели мои оппоненты понять главного. Документ предлагал немцам лишь два варианта действий: либо официально, во всеуслышание разделить изложенную в сообщении позицию, то есть от имени германского государства подтвердить высказанную в нем беспочвенность слухов о готовящемся нападении. Что для Гитлера означает или отказ от агрессии, или же, как минимум, перенос даты нападения на более поздний срок. Либо никак не реагировать на него, что, в свою очередь, доказывает, что все решения о войне приняты и бесповоротны. Любой из этих вариантов абсолютно обоснованно выставляет Гитлера именно вероломным агрессором, который заслуживает не только всеобщего осуждения, но и самого сурового возмездия, что должно склонить общественное мнение США и Великобритании в пользу СССР.

¹⁴ Иап – истребительный, ббп – ближнебомбардировочный, шап – штурмовой, дбп – дальнебомбардировочный и тбап – тяжелобомбардировочный авиационные полки.

Теперь вопрос ясен, осталось только разобраться в сроках. Я считаю, что нападут двадцать второго, разведка и особенно командование Западного Особого, отслеживая ситуацию по своим каналам, полагают, что двадцать девятого. Не уверен. Конечно, чем позднее нападут немцы, тем больше смогут сосредоточить сил. Но зато двадцать второго – самый длинный солнечный день, да и память мне подсказывает, что он и есть та ДАТА. К тому же большинство частей, если судить по донесениям, немцы уже подтянули. Чтобы перебросить их на исходные, нужны уже не дни, а часы. Посмотрим, что доложит Копец. Тимошенко лично ему передал мой приказ: «Выбрать наиболее подготовленного и опытного летчика, имеющего боевой опыт, и приказать ему облететь границу с Германией, проведя визуальную разведку происходящего на «той стороне». Границу не нарушать и на провокации не поддаваться». Скоро и первые донесения должны поступить. Интересно, насколько помню, именно генерал Захаров тогда летал. Тот самый комдив, дивизия которого лучше всех пятнадцатого мая отработала. Посмотрим, кто будет на самом деле. Просто интересно, совпадет или нет. Если совпадет – точно надо к двадцать второму приводить войска в полную боеготовность, а Берии намекнуть, чтобы своего зама в Брест на самолете послал. Пусть проверит, что у Павлова происходит. Что-то не по себе мне, не ошибся ли я, не заменив его заранее. Стоп. А почему только Павлова? Почему бы Берии с Тимошенко не договориться и не послать проверяющих во все особые округа. Лучше под прикрытием, чтобы картина объективнее была. Прямо завтра-послезавтра пусть отправляют, Лаврентий своего начальника управления погранвойск Соколова дополнительно в Западный округ пусть пошлет. Точно. По крайней мере, более правдивую картину получим. До совещания как раз время есть, пожалуй, надо озадачить Берию и Тимошенко...

– Товарищи, если судить по справке Ватутина, получается, что на Юге, против не самой мощной группировки противника, сосредоточены основные наши силы. Есть мнение, что необходимо укрепить именно Западный фронт. Предлагается перенацелить на это направление шестнадцатую армию, а также передислоцировать первый механизированный корпус.

– Товарищ Сталин, – Тимошенко, протестуя, – так мы оставим Северный фронт вообще без танков.

– Скажите, Борис Михайлович, а сколько всего танков у финской армии? Сколько танков имеется в переброшенных в Финляндию немецких войсках?

– По сведениям ГРУ – не менее трехсот танков, включая немецкие отдельные батальоны, товарищ Сталин. Кроме того, переброска механизированного корпуса на Западный фронт нецелесообразна из-за длительного времени.

– Вы так полагаете, Борис Михайлович? Тогда можно согласиться с оставлением корпуса на Северном фронте. Но прикрытия границ, особенно в Западном округе, необходимо усилить. Пока мы не видим, что предпринято с этой целью, кроме размещения во втором эшелоне двадцатой и двадцать первой армий.

– Согласно директивам, пятнадцатого июня начато выдвижение в сторону границы второго, сорок седьмого и двадцать первого корпусов Западного особого, а также тридцать первого, тридцать шестого, тридцать седьмого и сорок девятого корпусов. Таким образом, мы уплотняем оборону наших войск вблизи границы. Предлагается начать выдвижение во второй эшелон Западного округа войск двадцать восьмой армии...

Первая часть совещания закончилась. В конце концов приняли несколько предложенных мною изменений, решили усилить авиацию Западного округа, перебросив двадцатого – двадцать первого числа на его аэродромы часть авиации из Московского округа. Раньше не стоит, будут засечены разведкой и попадут под первый удар немцев.

Отданы приказы о подъеме войск, о занятии к двадцать второму передовых линий обороны, создании фронтовых управлений и переброске их на передовые командные пункты. Авиацию приказано рассредоточить на полевых аэродромах. Аэродромы, воинские лагеря, склады, парки техники приказано замаскировать. Срок завершения мероприятий – к 21–00 двадцать первого числа.

Но на этом сегодня дело не закончилось. К ранее присутствующим присоединились Маленков, Кобулов, Жигарев, Шахурин, Яковлев, Поликарпов, Петров и Ворошилов. Совещаемся до трех ночи. Решено объявить мобилизацию с утра двадцать третьего июня, а сейчас провести все необходимые подготовительные работы. Долго обсуждаем положение с самолетами. Яковлев уверяет, что нет необходимости переводить ни один завод на истребители «И-185». Поликарпов защищает свою машину, доказывая, что даже с некондиционными двигателями она не уступает новейшим самолетам других конструкторов. Долго обсуждали этот вопрос. Я сомневался, но в конце концов записка Гудкова, который тоже был в восторге от поликарповского самолета, решила дело. Решено – «сто восемьдесят пятому» быть.

С другими вопросами разделились быстрее. Завод восемьдесят два перевели на производство высотных АМ-35А, а на старом заводе решили начать выпуск маловысотных, зато более мощных АМ-38 для штурмовиков. Причем про маловысотность пришлось именно мне указания давать, да и про стрелка – тоже. Интересная все же штука – человеческое мышление. Все знают, что штурмовик предназначен для точных ударов с малой высоты. Но никто не задумывается, что тогда ему не нужен мотор, имеющий высотность больше трех километров. И скорость, как у СБ, тоже не нужна. Зато способность защитить хвост от атак истребителей – необходима.

Порадовал и Петров, сумевший усовершенствовать конструкцию и упростить технологию изготовления нашей легкой полевой гаубицы. Поздновато, конечно, но лучше так. Постепенно заменим ими все модернизированные царские гаубицы. Быстрее, чем я помню.

Вроде бы решили много, приказы и директивы отправлены в части, даже успели схемы экранировки для истребителей разработать и бригады доработчиков в полки послать. Все должно быть лучше, чем помнится мне, но какой-то червячок все равно не дает уснуть. Что-то я упустил. Но что?

*«Справки для министра иностранных дел
Германии И. фон Риббентропа,
составленные по донесениям немецкой агентуры 15.*

В берлинском дипломатическом корпусе германо-русские отношения по-прежнему являются предметом постоянных обсуждений. Появившиеся в английской прессе статьи на эту тему рассматриваются в кругах американских дипломатов как предупреждение Англии Кремлю. Англия делает это предупреждение, чтобы затормозить ведущиеся якобы в настоящее время германо-русские переговоры и помешать русским пойти на дальнейшие уступки фюреру.

По-прежнему в дипломатическом корпусе распространяется и подробно обсуждается слух о том, что [...] ожидается официальный визит в Германию главы русского государства. Этот слух особенно активно распространяется болгарской миссией. [...] В посольстве США, в шведской и швейцарской миссиях можно услышать, что встреча имперского министра иностранных дел с Молотовым или фюрера со Сталиным не исключена. Такая встреча якобы будет означать не что иное, как последнюю германскую попытку оказать на Россию мощнейшее давление. [...]

Спецпоезд, 14 июня 1941 г. Л[икус]

Публикация опровержения ТАСС (от 13 июня 1941 г.) в условиях нарастания нервозности и отсутствия ясности относительно намерений фюрера воспринята иностранцами, проживающими в Берлине, как полная сенсация. [...]

Единственное, во что сегодня верят берлинские иностранные дипломаты и

¹⁵ Подлинный документ РА АА Bonn. Dienststelle Ribbentrop. Vertrauliche Berichte. 2/2. Teil 2. Сокращено мной.

иностранные журналисты, это то, что решений, касающихся отношений между Германией и Советским Союзом, со всей очевидностью, следует ожидать не в ближайшие недели, а в ближайшие дни.

Берлин, 14 июня 1941 г. Л[икус]

Советские журналисты в Берлине отвечают на постоянно задаваемые им представителями прессы других стран вопросы, касающиеся слухов о советско-германских отношениях, с подчеркнутым безразличием. [...]

В этой связи советские журналисты регулярно обращают внимание (своих собеседников) на недавнее опровержение ТАСС, которое, по их словам, содержит якобы все то, что сегодня можно сказать о состоянии германо-русских отношений [...]

Берлин, 18 июня 1941 г. Л[икус]»

19 июня 1941 г. Могилев.

Курсы командиров звеньев. Аэродром Едлино.

Николай Козлов

Очередное занятие неожиданно прерывается визитом командира дивизии. Вид у него такой, что всем присутствующим видно, что произошло что-то чрезвычайное. «Неужели война началась», – думает Николай, вглядываясь в мрачное лицо генерала.

– Вольно, товарищи командиры. Садитесь.

– Заметил, «батя» вне себя? – шепчет сосед, лейтенант Александр Силантьев из сто шестидесятого полка. Николай молча кивает в ответ. В напряженной тишине, установившейся в классе, все ждут, что же скажет комдив.

– Товарищи командиры... – что-то он не торопится, – я вынужден прервать ваши сборы. Не позднее двадцать второго июня ожидается нападение нацистской Германии. Поэтому приказываю вам сегодня же отбыть в свои части.

«Война, – бьется в голове Николая. – Решились-таки фашисты, чтоб им ни дна, ни крыши. А я, честно говоря, до последнего надеялся, что войны в этом году не будет. Да и позднее, может быть, тоже. Ну не настолько же немцы дураки, чтобы на нас переть. Оказалось – точно идиоты. Нет, но ведь буквально четыре дня назад ТАСС сообщил, что все разговоры о войне – только слухи. Специально, что ли?»

Обед проходит в молчании. Быстро проглотив пищу и отдохнув полчаса, летчики торопятся на аэродром, где их уже ждут подготовленные к вылету самолеты. Помахав на прощание крыльями над КПП, стайка «ястребков» из сто шестьдесят второго полка берет курс на Едлино. Среди них и бортовой номер «пять» Николаева.

Летающий замыкающим Козлов в полете пытается связаться с ведущим строй Воиновым. Тут же выясняется, что вновь возвращенные на борт радиостанции требуют тщательной настройки и умения. Сквозь сплошной треск и шум, который необходимо отстраивать непрерывно, ему с трудом удается наладить переговоры.

– С такой... радиостанцией и противника не надо, – прерываемый шумом и треском монолог Николая слышен даже на КДП полка, – сам грохнешься, пока настраивать рацию и сообщать, что тебе передали, будешь.

«Придется ловить инженера эскадрильи и полкового радиста» – привычные действия по выдерживанию посадочной глиссады не мешают летчику обдумывать ситуацию: «Плохо, что в эскадрилье и звене маркони нет. А ведь сократили техсостав совсем недавно, приказом Рычагова. Вот ведь гадость. А как теперь воевать будем, хватит нам народу? Мобилизации-то нет еще».

Приземлившись крайним Козлов еще отстегивает парашют, а летчики уже строятся, завидев командира полка. Дождавшись, пока Николай займет место в строю, непривычно хмурым «батя» приказывает:

– Всем полчаса отдыха и в класс предполетных указаний! Разойдись.

Идущий к домику Николай неторопливо обдумывает ситуацию. Мысли невеселые, впрочем, по внешнему виду остальных летчиков заметно, что и они не слишком рады

сложившейся обстановке: «...вот и дождались. Сейчас нам официально все разъяснят. А как с семьей быть? Дадут время домой заскочить или нет? Отправлять к своим? Стоит ли? Немец сюда, может, и не дойдет. Наша армия тоже не ши лаптем хлебает, остановят его возле границы. Ага, а я, как паникер какой-нибудь, семью уже отправлю. Как на меня после этого друзья смотреть будут? Ничего, если что – всегда уехать успеют. Сейчас самым необходимым заняться надо». Николай нагоняет идущих впереди командиров и останавливает заместителя командира по вооружению.

– Товарищ военинженер второго ранга! Что вы планируете с радио делать? Связь держать невозможно даже в мирных условиях, а что нам с ней делать в бою?

– Не волнуйтесь, товарищ младший лейтенант. Нам уже поступили указания. С сегодняшнего дня у нас в полку работает заводская бригада, будут экранировать зажигание двигателей.

– И когда они все это сделают? Война на носу, если вы в курсе.

– И снова приказываю вам не волноваться. За два дня все закончат, я им в помощь весь свободный личный состав отправил. Еще вопросы будут?

– Никак нет.

– Ну и отдыхайте тогда. Не волнуйтесь, Николай, все возможное сделаем.

«Отдыхайте, отдыхайте. Какой тут отдых, если война на носу. Пойти, звено собрать и поговорить «за жизнь». Все же вчетвером летать совсем не то, что втроем, непривычно, несмотря на все тренировки», – мысли Николая тут же возвращаются к своим командирским заботам...

– Товарищи летчики! Согласно поступившим приказам, наш полк приводится в состояние боевой готовности. Немецкие нацисты, нарушая все подписанные договоры, вероломно собираются напасть на нас. Они думали, что сделают это внезапно, неожиданно для нас. Но наше советское правительство не спит! Получив от разведки сведения о готовящемся нападении, товарищ Сталин, наше Советское правительство, нарком товарищ Тимошенко приняли решение приготовить армию к отражению возможного удара. Мы должны быть начеку, товарищи! Не поддаваясь на провокации, наша армия должна уверенно отразить нападение противника! Не дадим фашистам сунуть рыло в наш советский огород! А если сунут – то ударим так, чтобы не только рыло, а и все остальное они уже совать никуда не смогли!

Умеет же говорить комиссар полка Шабанов! Такое в конце завернул, что все аж грохнули от смеха. Даже командир не удержался, посмеялся вместе со всеми.

– Товарищи, сейчас будут машины. Всем даю два часа на сборы, после чего собираемся на аэродроме. Тыловики тем временем подготовят нам все необходимое для жизни в казарменных условиях. Дежурная эскадрилья отправляется вторым рейсом, после возвращения остальных. Ее подменяет третья. Смирно! Вольно, свободны.

Поговорив с женой, расстроенный ее упрямством и нежеланием эвакуироваться Козлов садится в машину мрачный настолько, что Коротин решает отвлечь его от мрачных мыслей, рассказав несколько анекдотов.

– Ладно, Вячеслав, не старайся. Все равно не умеешь анекдоты рассказывать. Вот капитан Пятин, тот да, как начнет травить – все со смеху умирают, а ты у нас в другом талант, – подначивает его Николай, напоминая о «козле».

– Приехали, вещи складываем у домика, а сами – по самолетам!

Вот и комэска ставит летчикам первую боевую задачу. Рубикон перейден. Война для них уже началась...

«Где-то ¹⁶в середине последней предвоенной недели – это было либо семнадцатого, либо восемнадцатого июня сорок первого года – я получил приказ

¹⁶ Подлинные мемуары командира 43-й истребительной авиадивизии генерала Захарова. Без изменений.

командующего авиацией Западного Особого военного округа пролететь над западной границей. Протяженность маршрута составляла километров четыреста, а лететь предстояло с юга на север – до Белостока.

Я вылетел на У-2 вместе со штурманом 43-й истребительной авиадивизии майором Румянцевым. Приграничные районы западнее государственной границы были забиты войсками. В деревнях, на хуторах, в рощах стояли плохо замаскированные, а то и совсем не замаскированные танки, бронемашины, орудия. По дорогам шныряли мотоциклы, легковые – судя по всему, штабные – автомобили. Где-то в глубине огромной территории зарождалось движение, которое здесь, у самой нашей границы, притормаживалось, упираясь в нее, как в невидимую преграду, и готовое вот-вот перехлестнуть через нее.

Количество войск, зафиксированное нами на глаз ок, вприглядку, не оставляло мне никаких иных вариантов для размышлений, кроме одного-единственного: близится война. [...]

Мы летали тогда немногим больше трех часов. Я часто сажал самолет на любой подходящей площадке, которая могла бы показаться случайной, если бы к самолету тут же не подходил пограничник. Пограничник возникал бесшумно, молча брал под козырек и несколько минут ждал, пока я писал на крыле донесение. Получив донесение, пограничник исчезал, а мы снова поднимались в воздух...[...]

Командующий ВВС округа генерал И.И. Копец выслушал мой доклад с тем вниманием, которое свидетельствовало о его давнем и полном ко мне доверии. Поэтому мы тут же отправились с ним на доклад к командующему округом... Слушая, генерал армии Д.Г. Павлов поглядывал на меня так, словно видел впервые.¹⁷ У меня возникло чувство неудовлетворенности, когда в конце моего сообщения он, улыбнувшись, спросил, а не преувеличиваю ли я. Интонация командующего откровенно заменяла слово «преувеличивать» на «паниковать» – он явно не принял до конца всего того, что я говорил. Тогда Копец, опередив меня, заявил, что нет никаких оснований брать мой доклад под сомнение, и командующий округом, чтобы сгладить возникшую неловкую паузу, произнес несколько примирительных по тону фраз и поблагодарил за четко выполненное задание. [...]

Генерал Г. Захаров. «Я – истребитель»

Мы не дрогнем в бою за Отчизну свою

*Мы не дрогнем в бою за Отчизну свою,
Нам родная Москва дорога.
Нерушимой стеной, обороной стальной
Победим, уничтожим врага.*

В. Лебедев-Кумач

Приказ Наркомата обороны от 20.06.1941 г.¹⁸

Для немедленного исполнения.

1. В течение 21–22 июня 1941 г. возможно внезапное нападение немцев на фронтах ЛВО, ПрибОВО, ЗапОВО, КОВО, ОдВО. Нападение может начаться с провокационных действий.

2. Задача наших войск – не поддаваться ни на какие провокационные действия, могущие вызвать крупные осложнения.

Одновременно войскам Ленинградского, Прибалтийского,

¹⁷ Выделено мной. Никаких исправлений в этот отрывок подлинных воспоминаний генерала Захарова я не вносил.

¹⁸ Текст т. наз. «Директивы номер один» от 21 июня. Изменены лишь даты – с 22–23 июня на 21–22 июня и фамилия начальника ГШ – с Жукова на Шапошникова.

Западного, Киевского и Одесского военных округов быть в полной боевой готовности, встретить возможный внезапный удар немцев или их союзников и разгромить противника.

ПРИКАЗЫВАЮ:

а) в течение ночи на 21 июня 1941 г. скрытно занять огневые точки укрепленных районов на государственной границе;

б) перед рассветом 21 июня 1941 г. рассредоточить по полевым аэродромам всю авиацию, в том числе и войсковую, тщательно ее замаскировать;

в) все части привести в боевую готовность. Войска держать рассредоточенно и замаскированно;

г) противовоздушную оборону привести в боевую готовность без дополнительного подъема приписного состава. Подготовить все мероприятия по затемнению городов и объектов;

д) никаких других мероприятий без особого распоряжения не проводить.

Тимошенко, Шапошников

21 июня 1941 г. Москва. Кремль.

Квартира Сталина.

Тов. Сталин

Мне начинает казаться, что я понемногу схожу с ума. Или это все-таки такой длинный, фантастический, весьма логичный сон? Вчера доложили, что на нашу сторону перебежал ефрейтор немецкой армии Лисков. Черт возьми, может быть, это Лисов? Неужели это то, о чем я читал у писателя с лошадиной фамилией? Я даже ждал, что сейчас Лаврентий напомнит мне о предсказании Мессинга. Не напомнил, отчего мне стало немного легче.

Но самое главное даже не в этом. Перебежчик уверяет, что немцы нападут сегодня, то есть двадцать первого. Не верится, да. С чего бы вдруг им менять срок на более ранний?

Но на всякий случай собрал военных и отправил в войска приказ о приведении в полную боевую готовность. Самое интересное, что совпадает он с запомненной мною почти слово в слово «директивой номер один», но вот слов «границу до особого распоряжения не переходить», в ней нет. Отправили и разошлись. Решил я отдохнуть, но никак не засну, не спится совершенно. Неужели все так резко изменилось? Успеют ли части занять оборону? Как с маскировкой и рассредоточением самолетов?...

Сон навалился внезапно, но проспал я, судя по ощущениям, совсем недолго. Разбудил меня Алексей. По его лицу все было ясно без слов – «эти придурки все же идут», как отозвался кто-то из немецких генералов о французском плане «Диль». То, что это нападение – начало конца нацистской Германии, ясно всем, кажется, кроме самого Гитлера и антисоветчиков на Западе.

– Кто звонил?

– Жуков. Немцы бомбят наши аэродромы и города.

Похоже, все идет, как и в ТОТ раз. Неужели ничего не удалось изменить?

Быстро одеваюсь и выхожу к телефону.

– Слушаю, Сталин.

– Здесь Жуков. Товарищ Сталин, согласно поступившим сведениям немцы бомбардировали аэродромы и войска Прибалтийского, Западного, Киевского и Одесского округов, а также города Одессу, Минск, Ленинград. Одновременно противник начал артиллерийскую подготовку и атаковал наши части на всем протяжении границы от Балтийского моря до Львова. Тимошенко и Шапошников в настоящее время прибыли в наркомат и производят оценку обстановки с целью выработки решения.

– Хорошо, товарищ Жуков. Передайте товарищу Тимошенко, что я жду его доклада в шесть часов.

– Есть, товарищ Сталин.

Все повторяется. Надеюсь, не точь-в-точь, как раньше. Теперь остается только ждать.

Вот тут начинаешь понимать французского генерала де Лангля, который «с болью в сердце» сидел в своем командном пункте и ждал донесений от войск. Потому что он все делал правильно, не бросая управление войсками, но... сердцу ведь не прикажешь. Сердце требовало действий, а разум – ожидания. Вот и мне теперь сидеть и ждать, что принесут наши военные. Дел, других, не относящихся напрямую к войне, я знаю, найдется много, но думать я буду все равно о фронте.

Позавтракав, иду в кабинет, невесело улыбаясь. Почему-то вспомнился отрывок сказки про Федота-стрельца:

– *Утром мажу бутерброд,*

Сразу мысль: а как народ?

Вот и я – завтракаю с умными мыслями о бойцах на границе, дерущихся сейчас с немцами. Бросил бы все и на фронт. Легче самому с винтовкой в окопе сидеть, чем вот так ждать донесений. Захожу в кабинет и приказываю Поскребышеву пригласить всех прибывших. Входят. Молотов, Тимошенко, за ним, покашливая на ходу, Борис Михайлович, потом – поправляющий пенсне Лаврентий, настороженный, угрюмый Мехлис и, последним, Маленков. Рассаживаются молча словно придавленные полученными новостями. Никто не ожидал подобного, и меньше всего – военные. Только недавно Тимошенко с Шапошниковым пытались меня убедить, что Гитлер сначала поиграет нам на нервах, потребует каких-нибудь уступок и только потом, в случае неудачи переговоров, нападет заранее развернутыми войсками. То-то Тимошенко глаза отводит, наверное, вспоминает свои слова. Ладно, пока об этом забудем.

– Докладывайте, товарищ Тимошенко.

Слушаю доклад, наблюдаю за реакцией сидящих за столом и одновременно пытаюсь доработать план действий. План, план и еще раз план. Что делать в первую очередь, что позднее. Вот это да. Как это? Почему? Опять синдром «армии мирного времени». Татрэбис набичврэби, и сколько раз можно наступать на одни и те же грабли? Как нет войны – все в порядке. Как война начинается, сразу вылезает наружу огромное количество всяких недостатков.

– Подождите, товарищ Тимошенко. Это что получается, товарищ Павлов потерял связь с войсками?

– ...

– Почему? Приказ о дополнительных мерах по защите средств связи ему был отправлен? Так? И никаких результатов? Вернее, результаты мы уже видим. Что вы предлагаете?

– Нами отправлена в войска директива номер один: «Гроза! Ввиду начала боевых действий противника действовать согласно плана прикрытия». Пока, до очередного уточнения обстановки и принятия соответствующих им поправок в наши дальнейшие действия, я предлагаю следующий проект директивы.

Тимошенко отпивает воды из стакана и начинает читать директиву номер два.

– Вы считаете, что она вполне соответствует сложившейся обстановке? Вы учитываете ситуацию на Западном фронте? Да? Тогда согласен. Отправляйте, пока мы слушаем товарища Берию.

– Товарищ Сталин, мною вчера были отправлены на Западный фронт начальник Белорусского погранокруга Богданов и мой заместитель, начальник Главного управления пограничных и конвойных войск Соколов. К сожалению, с Богдановым связи нет, как и со всем Брестским погранотрядом, а товарищ Соколов докладывает, что пограничные войска были подняты по сигналу и вступили в бой с наступающими немецкими частями. Но ввиду отсутствия поддержки со стороны войск, – Тимошенко пытается что-то возразить, но его удерживает Шапошников, – немцам удалось вклиниться на нашу территорию. По имеющимся сведениям, в Бресте и его окрестностях идут бои. Немецкие войска, по полученным от местных органов внутренних дел данным, вторглись в глубь нашей территории. Второе крупное вклинение отмечено в районе...

У НКВД, получается, данные более точные, чем у наших войск.

– В Литве частями охраны тыла подавлено выступление националистических пронацистских элементов в Каунасе. Отличились части двадцать второй и двадцать пятой мотострелковых дивизий НКВД.

Молодец Лаврентий. Организовал незаметную переброску и усиление внутренних войск, так что восставшие литовцы сразу оказались под их ударом. Это вам за ТОТ сорок первый и за ТЕ пятидесятые. Хорошо, нашим войскам поможет. Воевать с тылом, в котором восстание, или с тем, в котором оно подавлено – две большие разницы. А вот еще подошли Ворошилов и Молотов, Микоян и Жданов. Теперь будем решать самые важные задачи.

– Итак, товарищи, подведем итоги, – да, самое тяжелое, как всегда, приходится принимать на себя, – немецко-фашистские войска, пользуясь внезапностью нападения и ошибками наших военачальников, – Тимошенко явно последнее не нравится, но он сдерживается, – смогли прорвать оборону нашего первого эшелона и продвинуться в глубь советской территории. Крайне необходимо восстановить потерянное управление, определить направления действий основных ударных группировок и, отрезав их от тылового снабжения, уничтожить. Это чисто военные задачи. Кроме них необходимо перестроить все управление страной на военный лад. Есть мнение, что необходимо создать чрезвычайный орган управления, способный оперативно решать военные и гражданские вопросы, не тратя времени на согласование между различными ведомствами.

– Поддерживаю! – это Ворошилов. – Война требует военных решений.

– Предлагаю назвать его Государственным Комитетом Оборона, – это Молотов. Здорово, я ему даже не намекал, сам, значит, додумался. Все одобряют единогласно.

– Предложения по персональному составу?..

Решили многое, гораздо быстрее, чем в мирное время. Согласовали состав ГКО и созданной вместо Главного Военного Совета из Тимошенко, Маленкова и Шапошникова, Ставки Главнокомандования. Все дружно предложили стать главой этих органов власти мне. Я, зная, что рано или поздно все равно придется эти должности занять, согласился. Так что, если подумать, власти у меня теперь побольше, чем было у императора всероссийского. Теперь бы еще этой властью распорядиться с умом.

Самое главное – восстановить управление и наладить порядок в войсках. Тимошенко и Берия займутся этим на Западном фронте, Жуков на Юго-Западном, Ворошилов на Северо-Западном. Посмотрим заодно, как им это удастся.

Как же сильна инерция. Три приказа о рассредоточении самолетов и маскировке, два приказа по защите связи и передислокации войск в районы рассредоточения – и все равно докладывают о потерях при бомбежке военных городков и потере связи с передовыми частями.

«Военным советам Северного, Северо-Западного, Западного, Юго-Западного, Южного фронтов¹⁹.

21 июня в 04–00 немецкая авиация без объявления войны совершила налеты на наши аэродромы и города вдоль западной границы и подвергла их бомбардировке. Одновременно германские войска откр ыли артиллерийский огонь и перешли нашу границу.

В связи с нападением со стороны Германии на Советский Союз приказываю:

1. Войскам всеми силами и средствами провести разведку противника, во взаимодействии с авиацией атаковать вражеские войска и уничтожить их в районах, где они нарушили советскую границу.

2. Разведывательной и боевой авиацией установить места сосредоточения авиации противника и группировку его наземных войск.

Мощными ударами бомбардировочной и штурмовой авиации уничтожить

¹⁹ Альтернативный вариант директивы.

авиацию на аэродромах противника и разбомбить основные группировки его наземных войск.

Удары авиацией наносить на глубину германской территории до 100–150 км.

3. Дальней авиации нанести удары по Кенигсбергу, Мемелю, нефтяным полям Плоешти и Варшавскому железнодорожному узлу.

На территорию Финляндии до особого распоряжения налетов не делать».

Тимошенко. Маленков. Шапошников.

«Как львы, дрались советские пограничники, при нявшие на себя первый внезапный удар подлого врага. Бессмертной славой покрыли себя все советские воины. Они дрались, переходя в рукопашную, и только через мертвые их тела смог враг продвинуться на пядь вперед».

Л. П. Берия. Газета «Правда». 24 июня 1941 года ²⁰.

21 июня 1941 г. Аэродром Едлино.

г. Барановичи.

Николай Козлов

Частые, тревожные, звенящие звуки ударов заставляют всех вскочить с кроватей. Тревога! Летчики быстро собираются и, на ходу застегиваясь, бегут на построение.

– Война! Немецкая авиация бомбит наши города и аэродромы, на границе идут бои, – комэска сосредоточен и немногословен. – Нашему полку поставлена задача на перелет в Барановичи и прикрытие города от налетов. Порядок взлета – звено управления, затем звено Воинова..., после взлета набираем высоту две тысячи и идем курсом...

Грохочут запущенные моторы, мотается по стоянке единственный на всю эскадрилью «пускач», самолеты начинают выруливать на взлетную полосу.

Вот первым поднявшийся в воздух «ишачок» командира полка Моисея Петровича Резника становится в вираж, делая круг над аэродромом. За ним повторяют маневр самолеты звена управления, а с земли тем временем взмывают все новые и новые лобастые истребители, занимая, звено за звеном, место в предбоевых порядках полка. Наконец весь полк в воздухе, и шестьдесят боевых машин колонной звеньев устремляются к Барановичам. Летчики настороженно всматриваются в небо, готовые в каждую минуту включиться в карусель воздушного боя, но полет проходит удивительно мирно. Слегка настораживают лишь несколько МиГов, поспешно садящихся на тот же аэродром. За одной из замеченных всеми летчиками полка машин тянется, постепенно истаявая в воздухе, дым...

Посадка полка проходит без происшествий, хотя несколько машин чудом минуют огромную воронку на рулежке, оставшуюся после немецкого налета.

Летчиков, пока местные механики и прилетевшие на транспортном ТБ полковые техники готовят истребители к вылету, собирают поэскадрильно на построение.

Капитан Пятин объявляет:

– Товарищи летчики. Наш полк включен в состав шестидесятой истребительной авиадивизии. Командует дивизией полковник Татанашвили. Задача дивизии – прикрытие городов Барановичи и Минск, а также войск и дорог в этом районе от немецких налетов. Наш полк в первую очередь прикрывает Барановичи. От каждой эскадрильи выделяется дежурное звено в готовности номер один. График дежурства – по восемь часов. Первым заступает звено младшего лейтенанта Козлова. Следующее...

Быстро позавтракав, Николай и его товарищи садятся в кабины самолетов. Включенная рация работает как часы, видно, что трудились день и ночь доработчики не зря. Николай слушает эфир. Где-то неподалеку идет воздушный бой, перелетающие истребители

столкнулись с немцами. Кто они и откуда, из переговоров не понятно, но что бой происходит недалеко от города, ясно, и поэтому он никак не поймет, почему их не поднимают на помощь. Тем временем аэродром начинают разгружать от перелетевших на него раньше самолетов приграничных дивизий. Взлетают несколько Су-2, начинает выруливать тройка новых бомбардировщиков, которых Козлов опознает как Пе-2. В этот момент на рулежке встает куст разрыва, над КДП взмывает в небо красная ракета, а по радиии звучит команда на взлет. Мотор схватывает с первого контакта, Николай выруливает на старт...

Слышно, как грохочут зенитки. Перед рулящими истребителями вырастает цепочка разрывов. Над нашими самолетами мелькает пара «Мессершмиттов». Промаях. Едва оторвавшись от земли, Николай делает резкий боевой разворот, набирая высоту. Коротин, не теряясь, тянется за ним. Летчики успевают заметить, что на земле что-то горит. Увлечшиеся «мессеры», не обращая внимания на взлетевшие «ишачки», пытаются подавить зенитки, выдавшие себя выстрелами.

Маневр, и вот уже пара краснотелов И-16 заходит на не замечающих их присутствия немцев с самого выгодного для атаки ракурса – сзади снизу. Козлов перебрасывает гашетку в боевое положение, короткое касание – и в сторону худой, вытянутой «тушки» немецкого истребителя тянется быстро исчезающая в воздухе полоска трассеров. Мгновенно вместо грозной машины врага в воздухе появляется огненный шар. Его напарник испуганно дергается и пикированием уходит на малую высоту, сворачивая на запад. «Слишком большая скорость у него, не догнать», – решает Николай и, вспомнив, что налетчиков было восемь, а он перестал наблюдать за воздухом, быстро осматривается. Вячик успокаивающе покачивает крыльями. Пара Бережного возвращается с запада, а противника в воздухе нет. «Пятый, ш-ш-ш... Меняющ-ш... торым. Приемш-ш». Ага, это КДП. Переключив радиостанцию на передачу, Николай сообщает: – Принял. Пятый, шестой, седьмой, восьмой – на посадку.

Звено делает круг над аэродромом, в это время на смену поднимается звено Воинова.

Пока самолеты заруливают на стоянку, к ней успевают подойти комэска, комполка и незнакомый молодой, кавказского вида и темперамента, военный. Николай торопливо выбирается из кабины, отстегивает и сбрасывает парашют технику. После чего подходит к стоящим и докладывает:

– Товарищ полковник, докладывает командир звена младший лейтенант Козлов! Во время проведенного звеном воздушного боя сбит один истребитель противника, остальные сбежали!

– Маладец, товарищ младший лейтенант! От лица командования объявляю вам благодарность!

– Служу трудовому народу!

«Все же нам повезло, что аэродром прикрывали зенитки, – размышляет по пути к палаткам, в которых разместили летчиков, Николай. – Пусть всего четыре и не слишком мощные, но немцев они отвлекли. Но как же они резко стрелкача задали, стоило первого завалить. Интересно, а как там мои? Надеюсь, наш городок не бомбили...»

«Свершилось! Первый солдат вермахта вступил на землю Крепости!

Приветствуя освободителей Восточной Европы, гремит транслируемый из смонтированной на грузовом «Опеле-Блиц» громкоговорящей установки бравадный марш...

Немцы, они такие... обожают бравадные марши...

Первый немецкий солдат, а это оказывается отважный военный корреспондент, спрыгивает со штурмовой лодки... И тут же, поскользнувшись, падает...[...]Наступает зловещая тишина, которая только подчеркивается треском разгорающихся п ожаров[...]Хабеданк хочет встать, скользит и снова падает... Как раз вовремя! Потому что в этот самый момент...

Три танковых и шесть ручных... косоприцельным, убийственно-точным огнем!

Лязг «дегтяревых», солидное рокотание «Максимов»...

Особенно зверствует старший сержант Минин – чемпион округа по ручному пулемету...

Автоматические винтовки Симонова – короткими очередями – так-так-так... так-так-так... Туддух! Туддух! Это солидно бьют токаревские самозарядки... Бах! Бах! Бах! Это не торопясь, на выбор, как на стадионе, работают лучшие стрелки пограничного округа из своих любовно пристрелянных, призовых винтовок...

Хабеданк, над головой которого проносится смертельный свинцовый град, шепчет в отчаянии:

– Этого не может быть! Этого просто не может быть! У каждого русского в руках по ручному пулемету! [...]

– В связи с утратой мостов на Буге считаю штурм крепости Брест-Литовск совершенно излишним, поскольку наведению переправ здесь (показывает на карте) и особенно вот здесь она нам не мешает, – командир дивизии генерал-лейтенант Фриц Шлипер был по-военному точен и сух. – Полагаю крепость обойти с севера и юга, блокировать ее небольшими силами и предоставить решение этого нудного дела авиации и осадной артиллерии...

– Герр генерал, я не могу в это поверить. Вы что, предлагаете мне оставить у себя на заднице этот большевистский чирей? – Командующий 2-й танковой группой Гудериан был настроен очень язвительно[...].

Белоусов В. И. «Триумф и трагедия Брестской крепости». Роман-хроника. Гл. 1. «Горсть песка». М., 1984.

«... Для усиления обороны... дивизии мною принято решение придать ей 21-й корпусной артполк. В настоящее время он начал выдвижение из... в...»

Переговоры по БОДО ²¹ между командованием стрелкового корпуса и армией. 22 июня 1941 г.

22 июня 1941 г. Украина.

Юго-Западный фронт.

Поднимая пыль, спешит к фронту колонна. Покрытые пылью лица людей, стекла машин и тракторов, сама техника, чехлы, надетые на прицепленные к тягачам орудия. Пыль и изнуряющая жара сейчас остаются главными противниками совершающих марш артиллеристов. «Пыль, пыль, пыль от шагающих сапог. Отпуска нет на войне» – Киплинг, пусть он и певец английского милитаризма, смог описать войну правдиво и точно. Жара и пыль, а еще – дорога, ведущая от мирного, обжитого за годы службы военного городка в душную неизвестность. Пусть городок уже бомбили, а сейчас не видно ни одного вражеского самолета, он все равно оставался символом мирной жизни. Дорога же, несмотря на самый мирный вид и отсутствие бомбежек, вела на войну. Хорошо, что хотя бы самолетов немецких нет, пусть и непонятно почему. Или упустили выход полка, или просто нет сил для удара.

А колонна все спешит, спешит с невиданной для мирного времени скоростью, вдвое превышающей скорость обычного пешехода. Это очень много для изношенных, выработавших до половины ресурса тракторов, и частенько то один, то другой вдруг замирают, и матерящиеся механики-водители лезут в нутро, гремя ключами. Слава богу, пока ни одной серьезной поломки не было, и колонна, практически не останавливаясь, двигается дальше.

– Сергей Михайлович, – комиссар полка, только что вернувшийся из передовой батареи, запыленный и даже как будто усохший от жары, морщась на солнце, смотрит на

²¹ Телеграфный аппарат.

комполка с непонятным выражением на лице, – надо уменьшить маршевую скорость и дать водителям хотя бы полчаса отдыха.

– Тогда мы не успеем в назначенное время.

– Но при продолжении марша таким темпом мы в лучшем случае приведем половину техники и личного состава.

– Хорошо, Андрей Николаевич. Привал двадцать минут и продолжаем движение в прежнем темпе!

Машины застывали одна за другой, к текущему неподалеку ручью сразу же выстроилась очередь солдат с флягами и ведрами. Короткий отдых, и машины одна за другой начинают движение.

Наконец, прибыв на указанное место, не дожидаясь дополнительных указаний, батареи начинают разворачиваться. С извечными русскими словами, сопровождающими любую тяжелую работу, громоздкие семитонные орудия отцепляются от тракторов, разворачиваются. Раздвигаются станины, забиваются сошники, выкладываются на специально расстеленный брезент первые снаряды и гильзы, сгружаемые с полуторок. Но... работа прерывается, едва начавшись. Приехавший со стороны грохочущего в отдалении фронта конный посыльный отдает встретившему его командиру пакет. Вскрыв конверт, комполка, выразив свое отношение ко всему происходящему на армейском диалекте русского языка, приказал срочно сворачиваться и готовиться к новому маршу.

И снова убегает под гусеницы трактора бесконечная лента дороги, и снова пыль от впереди идущих машин оседает на лице хмурающегося Кузьмы и сидящего рядом командира орудия старшины Степана Кузьмича Жаворонкова.

– Чего нахмурился, Кузьма?

– Да звуки мне не нравятся, товарищ старши...

Внезапно с резким скрежетом трактор застыл на месте, и сквозь наступившую тишину стал слышен шум уходящей колонны и рокот мотора остановившейся полуторки с расчетом.

– Что... мать! Ты чего встал? – Кузьма, не обращая никакого внимания на ругань старшины, выскочил из кабины и старательно крутил рукоятку, надеясь снова запустить внезапно «умерший» двигатель.

– Все! Придется чинить, е... его и его родственников до седьмого колена, – наконец, после нескольких попыток, высказался Нечипоренко и грязно выругался.

Из грузовика выскочил водитель, подбежал к раскапотирующему мотор Кузьме и, о чем-то с ним переговорив, полез в кабину трактора за дополнительным инструментом. Вместе они уже залезли куда-то в глубину, разбираясь в потрохах мотора, когда к трактору подбежал лейтенант Колодяжный. Выслушав доклад старшины, он посмотрел на торчащие из трактора «пятые точки» водителей, на столпившихся вокруг бойцов и начал отдавать команды. Через минуту, поднапрягшись, бойцы откатали отцепленное орудие в импровизированное укрытие под деревья. После чего два бойца засели в кустах, наблюдая за окрестностями, еще один, сидя в кузове полуторки, крутил головой, осматривая небо. Старшина, уважительно посмотрев на грамотные действия лейтенанта, присоединился к бойцам, помогавшим ремонту. Тем временем колонна полка, не дожидаясь отставших, ушла дальше.

Прошло около часа, когда, наконец, один из самых сильных бойцов расчета, Антон Змиев, пару раз крутанул рукоятку. Двигатель, чихнув, уверенно зафырчал, запыхтел.

– Все, запустился, – с удовлетворением отметил Кузьма, вытирая руки поданной одним из бойцов ветошью.

– Сворачиваемся! – скомандовал Колодяжный, бойцы с шутками побежали к полуторке, но остановились и задрали головы в небо, навстречу несущемуся с востока шуму моторов неизвестных самолетов. Старшина, глядя на такое безобразие, рявкнул:

– Воздух! В укрытие!

– Отставить! Это – наши, – скомандовал лейтенант, но тут принятые за советские самолеты два биплана «Хенкель-123», для непривычного взгляда издали слегка похожие на

И-15бис, перешли в пикирование. Колодяжный собрался отдать новую команду, когда с грохотом разорвалась сброшенная одним из самолетов бомба и на земле поднялись фонтанчики попаданий. Протрещав пулеметами, самолеты с набором высоты ушли на запад, оставив на земле троих убитых и двоих раненых. Взрывной волной лейтенанта забросило в ближайшие кусты, и растерявшиеся бойцы не сразу сообразили вытащить его оттуда. Наконец пришедший в себя старшина приказал перевязать раненых и захоронить убитых. Не раненые Антон и Иосиф Штильман сначала помогли перевязать раненых, потом осторожно снесли убитых и уложили в воронку. После этого они подошли к кустам и начали вытаскивать Колодяжного. Внезапно тот застонал.

– Живой! – обрадованно воскликнул Антон.

– Осторожнее, мы сейчас, – крикнул старшина, бросаясь вместе с Кузьмой на помощь.

Спецсообщение Л.П. Берии

*И.В. Сталину о структуре НКВД*²².

22.07.1941

№ 2311/б

Совершенно секретно

ЦК ВКП(б) и СНК Союза ССР

товарищу СТАЛИНУ

«В соответствии с решением ЦК ВКП(б) об объединении НКВД и НКГБ в единый Народный Комиссариат Внутренних Дел представляю на утверждение ЦК ВКП(б) и СНК СССР структуру НКВД СССР, предложения о назначениях руководящих работников Наркомата и его периферийных органов.

Представляемая на утверждение структура, в частности, предусматривает создание в НКВД СССР :

а) транспортного управления для чекистской работы на железнодорожном, морском, речном, автомобильном транспорте и по линии шоссейных дорог и гражданского воздушного флота;

б) экономического управления в составе отделов по чекистской работе на важнейших предприятиях авиастроения, вооружения, боеприпасов, машиностроения, химии, нефтяной промышленности, электростанций и связи;

в) в целях повышения качества следственной работы и более тесной увязки ее с агентурно-оперативной работой предусматривается создание при каждом оперативно-чекистском управлении или отделе следственной части;

г) единого управления внутренних войск НКВД (вместо двух существующих), которое будет управлять войсками, охраняющими промышленные предприятия, ж.д. узлы и сооружения, и конвойными войсками.

Кроме того, нами прорабатывается и в ближай шие дни будет представлен на Ваше рассмотрение вопрос о создании на базе имеющихся оперативных войск корпуса войск НКВД.

В целях обеспечения систематической проверки и оказания помощи в работе органов НКВД Приморского края, Читинской области и Бурят-Монгольской АССР НКВД СССР просит представляемого к назначению начальником УНКВД Хабаровского края тов. Гоглидзе утвердить одновременно уполномоченным НКВД СССР по Приморскому краю, Читинской области и Бурят-Монгольской АССР».

Прошу Вашего решения.

Народный комиссар внутренних дел Союза ССР Л. БЕРИЯ

Совершенно секретно

СТРУКТУРА НАРОДНОГО КОМИССАРИАТА

ВНУТРЕННИХ ДЕЛ СОЮЗА ССР

²² Полинный документ. Изменена дата и не показан текст части параграфов.

Народный Комиссар.

Заместители Народного Комиссара.

1. Секретариат НКВД СССР.

2. Контрольно-Инспекторская группа при Наркоме.

3. Секретариат Особого Совещания при Наркоме.

I. ОПЕРАТИВНО-ЧЕКИСТСКИЕ УПРАВЛЕНИЯ

4. Разведывательное (Первое) Управление.

5. Контрразведывательное (Второе) Управление.

6. Секретно-Политическое (Третье) Управление.

7. Управление Особых Отделов.

8. Транспортное Управление (железнодорожный, морской, речной и автомобильный транспорт, гражданский, воздушный флот, шоссейные дороги).

9. Экономическое Управление (важнейшие промпредприятия наркоматов авиации, вооружения, боеприпасов, машиностроения, химии, нефтяной промышленности, электростанции и связи).

10. Следственная часть по особо важным делам.

11. Первый отдел (Отдел охраны).

12. Первый Спецотдел (учетно-статистический и розыскной).

13. Второй Спецотдел (контроль над всеми видами связи, радиовещанием, радиоперехват, оперативная техника).

14. Третий Спецотдел (наружное наблюдение, обыски, аресты).

15. Четвертый Спецотдел (ВЧ-связь, радиолaborатория, специальные группы опертехники и использование заключенных).

16. Пятый Спецотдел (шифры).

17. Шестой Спецотдел (Гохран).

II. АДМИНИСТРАТИВНО-ОПЕРАТИВНЫЕ УПРАВЛЕНИЯ

18...25 [...]

III. УПРАВЛЕНИЯ ВОЙСК

26...31 [...]

IV. УПРАВЛЕНИЕ ИСПРАВИТЕЛЬНО-ТРУДОВЫХ ЛАГЕРЕЙ

32...47 [...]

Нарком внутренних дел Л.П. Берия

23 июня 1941 г. Украина.

Юго-Западный фронт

На въезде в деревню пылали три Т-26. Рядом, задрав к небу короткий ствол, дымила немецкая самоходка. Около нее, почему-то одной кучей, лежал с десятков трупов в серой, мышинного цвета, форме. Внезапно загрохотало несколько тяжелых орудий, сделавших по одному-два выстрела по окопам, из которых в ответ постреливали такие же, одетые в мышиную форму, солдаты. Пока они прятались от обстрела, на поле выехало несколько танков Т-26, прикрытые впереди пятью тяжелыми, с высокой квадратной башней, из которой торчало орудие шестидюймового калибра, КВ-2. Вслед за танками в атаку побежала редкая цепь пехоты в хаки, с длинными винтовками, грозно ошестинившимися трехгранными штыками. Но солдаты в сером не растерялись. Выскочив из укрытий, словно чертики из коробочки, они быстро заняли места в стрелковых и пулеметных ячейках траншеи, открыв ураганный огонь по пехоте, отсекающий ее от танков. Укрытые в кустах и за заборами в огородах маленькие противотанковые пушки принялись обстреливать атакующие танки, стремясь поразить в первую очередь легкие Т-26. Вот встал один, за ним другой легкий танк. Затем неожиданно остановился не получивший ни одного попадания вражеских снарядов тяжелый танк. Похоже, причиной стала какая-то поломка, поскольку он так и остался стоять, а танкисты, выпустив еще один снаряд и расстреляв пулеметный боекомплект, попытались выбраться из танка и отступить. Четверым из них удалось добраться до своей залегшей под огнем пехоты. Еще один неудачливый танкист так и остался висеть в люке, а второй – лежать рядом с танком.

Как будто почуяв неладное, оставшиеся КВ-2, почему-то стрелявшие только из

пулеметов, попятились назад, а затем, игнорируя огонь немцев, развернулись и так же неторопливо поползли к себе, в рощу, укрывшую их и уцелевшие Т-26. Отступили, отползая и изредка отстреливаясь, и пехотинцы, оставив лежать несколько неподвижных тел.

Наблюдавший из окопа на холме рядом с этой рощей за боем майор-танкист опустил бинокль и сказал стоящему рядом с ним полковнику:

– Все! У нас больше ничего нет, бензина для Т-26 осталось в обрез. КВ израсходовали практически все снаряды.

– Ничего не поделаешь. Будем переходить к обороне, – полковник развернул планшет и что-то пометил на набросанных второпях кроках местности. – Вот, – показал он отметки танкисту, – поставьте Т-26 здесь и здесь, окопайте. Они будут нашими противотанковыми и противопехотными ДОТами. КВ-2 оставьте в роще. В крайнем случае будут давить немцев гусеницами и расстреливать из пулеметов. Есть другие предложения? – заметив гримасу на лице танкиста, спросил полковник.

– Так точно. У меня в танке номер триста шесть хранится... – танкист слегка замялся, – знамя полка. Разрешите отправить этот танк вместе с последним моим автомобилем в тыл, чтобы вывезти знамя. На автомобиле повезут три бочки с газойлем, для дозаправки танка, – ответил он на невысказанный вопрос пехотного начальника.

Полковник промолчал, словно просчитывая варианты, потом разрешающе кивнул и добавил:

– Оставьте уходящим минимум патронов. Остальные передать остающимся КВ.

– Понятно, товарищ полковник. Разрешите дать указания личному составу?

– Идите, – ответил полковник и, отвернувшись, перешел к наблюдению за противником, пытаясь увидеть и понять, каков будет следующий ход неприятеля. Судя по пыли в тылу его позиций – танковая атака. Что же, постараемся встретить...

«На выезде из деревни пылали три советских танка. Местность перед нами слегка поднималась, и мы не знали, что обнаружим за гребнем. Большое опасение вызывала и прикрывающая позиции неприятеля роща. Мы предполагали, что именно в ней и скрываются неприятельские танки. Нужно было произвести разводку подходов [...] Из последнего сообщения нам стало известно, что впереди находился один из наших танков вместе с пехотой, а потом, рокоча, отъехали еще и пять танков нашего второго взвода. Три из них были вооружены короткими пятидесятимиллиметровыми пушками, два других – тридцатисемимиллиметровыми орудиями. Мы продвигались, выстроившись клином, навстречу неизвестности, предоставленные самим себе и связанные с нашей ротой только по радиации...»

Внезапно перед нами возник шум моторов. Внимание! Справа, следуя вдоль дороги, на взгорке появился один танк, в пятидесяти метрах позади – второй, затем третий. Мы не можем сразу опознать их, потому что нас ослепляет солнце. Но незнакомые высокие силуэты машин дают нам понять, что это противник.

Как ни странно, они не стреляют. Мы тоже не стремимся выдать себя, пытаемся подобраться поближе к этим тяжелым гигантам. И когда они окликаются примерно в ста метрах от наших стволов, «танец» начался. Мы посылаем в них первый снаряд. Бум! Первое попадание в башню. Второй выстрел, и снова попадание. Но головной танк, в который я попал, как ни в чем не бывало продолжает двигаться. То же самое у моих товарищей по взводу. Где же наше хваленое превосходство над русскими танками? Нам всегда говорили, что достаточно «плюнуть» на них из наших пушек! Между тем единственное, что мы добились нашей пальбой – это приостановка их движения на короткое время.

«Второй взвод, возвращайтесь! Второй взвод, возвращайтесь!» Послав еще несколько снарядов в надвигающихся русских, мы наконец заметили, что нас настойчиво вызывают по радиации, и предпочли выполнить приказ. Гигантские машины русских не стали нас преследовать.

Мы доложили: «Вели бой с тремя тяжелыми танками противника. Их тип

неизвестен, так как не приведен в наших таблицах. Несмотря на несколько установленных попаданий, наша стрельба оказалась безрезультатной. Нам кажется, что наши снаряды от них только отскакивали. Отошли по приказу. Должны ли мы попробовать сразиться с ними снова?» [...]

Густав В. Цумвалт. «В аду Восточного фронта». Каракас, 1955 г.

24 июня 1941 г. Аэродром г. Барановичи.

Николай Козлов

Ночью немцы пытались бомбить аэродром и город. Их засекли посты ВНОС и вовремя позвонили в полк. На перехват взлетели самые подготовленные летчики полка – Козлов и Пятин. Самолет Пятина отправился к городу, а Козлов остался патрулировать над аэродромом. Сделав круг, он на фоне звезд заметил более темную точку. Похоже, немцы не ожидали никакого противодействия, и бомбер заходил на боевой курс на небольшой скорости.

Зайдя в атаку на встречно-пересекающемся курсе, Николай где-то метров с двухсот открыл огонь по силуэту бомбардировщика. Немец атаку прозевал, но, кажется, заметил вспышки и в последний момент попытался уклониться. Поздно, первые снаряды уже рванули на его фюзеляже. Николай еле успел прикрыть глаза, когда в небе полыхнуло. Похоже, рванула часть бомб. Немец еще падал, а Козлов уже отвернул и стал заходить на посадочный круг. Посадка у Николая, давно не летавшего ночью, получилась довольно жесткой, а вернувшийся с победой Пятин сел, как днем, без единого замечания. Два немецких экипажа, подготовленных к ночным полетам, и два бомбардировщика «Хейнкель» так и не вернулись на аэродром. В донесениях кампфгруппы они числились пропавшими без вести.

С утра дежурила вторая эскадрилья, но Николай с Вячеславом все равно сидели в палатке нашей эскадрильи и разрабатывали план, как подловить на нашем «ишачке» немецкий «мессер». Конечно, имея превосходство в скорости и скороподъемности, воевать легко. Попробовали бы фашисты на «Хейнкелях» – пятьдесят девять» против, допустим, наших Яков сражаться. Вот поэтому они поляков и французов разделали, как маленьких. Но с поликарповскими «ястребками» все не так просто. «Ишачки» самолеты пусть и устаревшие, но получше польских, а кроме того маневренные, очень юркие и маленькие. Попробуй попади в такую мишень. Если же учесть, что в сто шестьдесят втором полку все самолеты типа двадцать восемь, с пушками, то и вооружение у них с «мессерами» сравнимо. Но вот скорость, скорость... Не получается навязать бой, значит, надо заманивать противника на «живца». Как это сделать, сейчас обдумывали Николай с Вячеславом.

– А если...

– Нет, лучше так...

– А успеем?

Вот примерно в таком ключе и шло обсуждение нарисованных в большой тетради схем, в которой Вячеслав время от времени пишет свои короткие вирши. Стихи, как считало большинство летчиков, хотя до Пушкина ему, конечно, далеко.

– Слушай. А если так? – набросал на страничке очередную схему Козлов. – Вроде бы я ранен и отстаю от звена. Вы, не имея со мной связи, набираете высоту и уходите вперед. Но так, чтобы вернуться в любой момент. Немцы точно клюнут на одиночную машину. Вот, – показывает он схему Коротину, – они атакуют, я делаю боевой разворот и одновременно передаю по радиации «шешнадцать». Я атакую атакующих меня, а вы втроем прикрываете и при необходимости бьете их прикрытие.

– Можно попробовать. Мне не нравится, что я буду вынужден бросить тебя одного. Слишком опасно.

– Двоих они вряд ли атакуют. Да и не так это опасно, как тебе кажется. Я всегда успею сманеврировать к земле. А уж у земли они меня точно не возьмут.

– Ну, не знаю. По-моему, надо с комэском согласовать.

– Это конечно, согласуем. Но попробовать стоит. Ну?

– Ладно, уговорил, в следующий раз попробуем. Если комэска разрешит.

«Надо же было так сложиться, что, выехав на охоту, мы оказались в другом мире. Да еще и в самом начале войны, на ЮЗФ, единственном фронте, где что-то можно было сделать для перелома войны.

Везло нам, конечно, здорово. Но вот у меня мысль такая родилась – а ведь это неспроста. То есть попадающие в другой мир могут быть либо везучими, либо нет. Кто везучий и знающий – выживает. А кто нет – вечная память. Но мы оказались не только везучими, у нас даже наш бизнес из прежней жизни – продажа проангрейденных бронемашин «новым украинцам» – оказался востребованным, не говоря уже о наших основных специальностях. Поскольку нашли мы нашего «Рыжего» – танк КВ-2, подшаманили и на нем уже поехали немцам «кузьк ину мать» показывать.

А там – «враг ворвался в город, пленных не щадя, потому что в кузнице не было гвоздя». Ну, гвоздик-то как раз у немцев с нашей помощью и стащили. Там задержка, здесь задержка... Так вот мы немного Союзу помогли. Вот и празднуем теперь на год раньше. Жаль только тех, кто не дожил. Егорыча, Сему, наших здешних соратников и миллионы о сталинских...»

Особая папка № 1. Дневник Сергея Иванова.

28 июня 1941 г. Москва. Кремль.

Тов. Сталин

Третий день меня преследует странное чувство, словно я не смог запомнить что-то важное, приснившееся мне ночью. Мало мне реальных проблем, тут еще какие-то параноидальные видения привязались.

Война уже неделю идет, а результаты... результаты отнюдь не радуют. Несмотря на все мои попытки, сильно изменить историю не удалось. Павлову я все же зря доверял. Впрочем, мне его снять все равно не дали бы. Его группа «Белого»²³ здорово поддерживала, а еще Маленков и Буденный. Надо бы понять, почему...

Западный фронт дерется почти с таким же результатом. Да, авиация понесла первоначально меньшие потери, Брестская крепость еще держится и связь с ней удалось восстановить еще двадцать второго и поддерживать целых два дня. Ну и что? Немцы все равно рвутся вперед. Несмотря на директивы о переходе к ведению подвижной обороны, на местах все еще стремятся встать «нерушимой стеной, обороной стальной». Чем и пользуются немцы, прорывая эти «стальные» линии в уязвимых местах и обходя пункты сопротивления. Причем не потому, что наши сражаются хуже, нет. Просто у немцев лучше обучение и больше боевого опыта. Этим и берут. Нам же приходится компенсировать это героизмом. Да, любой героизм – это компенсация каких-то ошибок и недостатков в прошлом. Например, типичного для «хрустящей французскими булками» империи закона о кухаркиных детях. Вот теперь нам это закон и отзывается. Вы думаете, так просто преодолеть отставание в том же уровне школьного обучения? Ну конечно! Раз, и все сделано. А ликвидация неграмотности – это просто, говоря «по-будущански», «Распил бабок», если так думать. Но в действительности так не бывает. Это только в сказках сидел на печи, сидел, потом вдруг раз – и богатырем стал. Нельзя в течение одного десятилетия пробежать целый век жизни и не иметь проблем. Мы же пробежали, из аграрной по преимуществу страны став индустриальной.

Ну, кроме объективных причин, и субъективные выявились. Особенно на Западном фронте. Так что Павлова арестовал Лаврентий, даже без моего распоряжения. И правильно, как выясняется, сделал. Надо же, оказалось, практически ни одного распоряжения наркома не выполнено, ни о маскировке, ни о приведении войск в боеготовность, ни о выводе войск из того же Бреста. Танковая и две стрелковые дивизии так и остались в крепости! Сделали

²³ Напоминаю, что так Сталин в этой книге называет Хрущева.

они многое, приковали часть немецких войск, но все равно – оставлены были практически на расстрел. Чатлахи! Со складами и то получилось почти как ТАМ. Часть, непосредственно подчиненную Москве, эвакуировали или раздали войскам и населению, часть взорвали, а часть, как выяснил Берия, никаких приказов не получила и досталась немцам. Неужели этот готферан так хорошо маскировался? До этого самое плотное наблюдение ничего не обнаружило. Служил, как положено. Уверял меня, что немцы раньше двадцать девятого не начнут. Наблюдателей нейтрализовал умело, ахваро, как будто знал в лицо. Неужели у него свои люди в НКВД есть? Лаврентий сразу, как в Москву вернулся, расследование начал. Надеюсь, разберется. Но подстраховаться не помешает, надо будет и Мехлиса подключить, пусть присмотрит за расследованием. Не нравится мне, что скрытое наблюдение ничего не дало. Неужели и Лаврентий замешан? Вот так вот. Попробуй, разберись теперь, где параноя, а где действительно заговор. Тем более, что заговор, как мне помнится из прочитанного ранее, был. И кому верить?

Но встретиться с Павловым все же надо. Посмотреть в лицо, попробовать понять самому, что случилось. Вот и Алексей появился.

– Привезли? Хорошо, вводите.

На меня смотрит искаженное ненавистью и страхом, совершенно непохожее на прежнее лицо. Невольно я напрягаюсь, заметив, как он пошевелился. Кажется, несмотря на двух сержантов, стоящих наготове за его спиной, этот тип, только внешне слегка похожий на Павлова, готов броситься на меня. Но вместо этого он вдруг начинает иступленно кричать, брызгая слюной:

– Совки, коммуняки, убийцы! Как же я вас ненавижу! Полстраны в лагерях сгноили, всех несогласных постреляли. Но ничего! Отольются вам, оккупантам, русские слезы. Особенно тебе, усатая сволочь. Тебе, тиран, скотина безмозглая, безграмотный горец, немцы покажут кузькину мать. Захлебнешься в пролитой тобою крови, абрек! – тут один из сержантов встряхивает его за плечо, и он, словно прикусив язык, внезапно замолкает.

Интересная лексика. Явно ОТТУДА. Еще один вселенец, кроме меня? Сколько же их, готферан? Теперь что, за каждым командующим или наркомом следить и ждать, когда в него вселится какой-нибудь белозерг?

– Грантов обожрался? Ничего, сейчас тебе покажут общечеловеческие ценности. Уведите, – команду, продолжая внимательно рассматривать арестованного. Тот встает с расширенными от ужаса глазами и пытается что-то сказать, но конвоир легко хлопает Павлова по затылку широкой крестьянской ладонью, и тот затыкается. Напоследок успевает обернуться и ловит мой взгляд, от которого ему становится совсем плохо, так что конвоиры подхватывают его под локти, не давая упасть.

Вот такие вот дела. Интересно девки пляшут, по четыре бабы в ряд. Это что же, мне еще и противника такого заслали, чтоб жизнь медом не казалась? Ничего не понимаю. Сюрреализм какой-то, честное слово. Так и с ума сойти недолго.

Дождемся, что расследование НКВД покажет. Слишком много в этом деле странного, даже учитывая попаданца. Остальные, замешанные в деле, тоже попаданцы или нет? ТАМ тоже были попаданцы? Или все же заговор? Твою же через коромысло! Вечные вопросы: «Кто виноват?» и «Что делать?». Ясно только одно: Что делать? – Воевать! – А кто виноват, найдем. У каждой ошибки должны быть имя, фамилия и отчество...

Пока же пойдем воевать дальше.

*– Черный ворон, что ты вьешься
Над моею головой?
Ты добычи не дождешься.
Черный ворон, я не твой.*

Наконец-то, засыпая, уловил, что сон мне пророчил. Не будет больше попаданцев. Надеюсь, что сон – «в руку».

«ДОНЕСЕНИЕ КОМАНДУЮЩЕГО ВОЙСКАМИ

*СЕВЕРО-ЗАПАДНОГО ФРОНТА ОТ 24 ИЮНЯ 1941 г.
НАРОДНОМУ КОМИССАРУ ОБОРОНЫ СССР
ОБ ОБСТАНОВКЕ НА ФРОНТЕ
К 22 ЧАСАМ 45 МИНУТАМ 25 ИЮНЯ 1941 г.²⁴
МОСКВА НАРОДНОМУ КОМИССАРУ ОБОРОНЫ СССР
КП – ПАНЕВЕЖИС 25.6.41 22.45
НА № 016/Ш*

12-й механизированный корпус в районе Калтиненай медлит атаковать 120–200 танков и до пехотной дивизии противника в районе Келме. Виновен Шестопалов.

2-я танковая дивизия 23–24.6.41 г. разгромила 100-й моторизованный полк (до 40 танков и 40 орудий противника). 2-я танковая дивизия – Россиены, нет горячего.

В 16.00 24.6.41 г. противник от Скаудвиле перешел в наступление на Россиены.

5-я танковая дивизия в 14.00 23.06.41 г. вела бой с противником в районе Родзишки. Положение и местонахождение дивизии 25.6.41 г. неизвестны.

В 17.37 25.6.41 г. командующий 11-й армией донес, что 23-я и 126-я стрелковые дивизии и 84-я моторизованная дивизия боеспособны.

16-й стрелковый корпус – 5-я, 33-я и 188-я стрелковые дивизии – потерял большую часть материальной части и большие потери в людском составе. Корпус приводит себя в порядок в районе Бобты, Ионава, Вепрай.

84-я моторизованная дивизия – Пагиряй, лес восточнее Круонис, Липняшкис.

11-я стрелковая дивизия (без одного стрелкового полка) 1-м артиллерийским полком организовала оборону рубежа Сидеряй, Шиауленай, Гринкишки. Остальной состав из Нарвы не прибыл.

Данных об обороне восточного берега р. Неман не имеем.

179-я и 184-я стрелковые дивизии заняли рубеж Подбродзе, Неменчын, устье р. Жеймяна.

Положение 128-й стрелковой дивизии – неизвестно.

Ввиду того что ранее 10 июля пять бывших территориальных стрелковых дивизий не могут быть введены в бой, прошу выделить в мое распоряжение новые пять стрелковых дивизий.

Ф. Кузнецов

Диброва.

П. Кленов

*ДИРЕКТИВА КОМАНДУЮЩЕГО ВОЙСКАМИ
СЕВЕРО-ЗАПАДНОГО ФРОНТА ОТ 25 ИЮНЯ 1941 г.
КОМАНДУЮЩИМ АРМИЯМИ ФРОНТА
ОБ ОТВОДЕ ВОЙСК 8-й И 11-й АРМИИ
НА НОВЫЙ ОБОРОНИТЕЛЬНЫЙ РУБЕЖ
СОВ. СЕКРЕТНО*

*Командующим 27, 8, 11-й армиями,
военно-воздушными силами*

Северо-Западного фронта

Копия: Начальнику Генерального Штаба

Красной Армии

Карта 500 000 25.6.41 22.30

1. Противник крупными силами пехоты, мотомеханизированных частей и

²⁴ Подлинное донесение и директива от 24.06.41.

авиации продолжает развивать наступление на шауляйском и вильнюсском направлениях, нанеся значительные потери частям нашего фронта и стремясь действиями военно-воздушных сил, выбрасываемыми десантами дезорганизовать тыл.

2. В связи с прорывом противником центра 8-й армии на шауляйском направлении и отходом частей 11-й армии решил: отвести войска 8-й и 11-й армий на новый рубеж для упорной обороны его, приведения частей в порядок и выделения резервов. Вр емя отхода на новый рубеж – ночь на 25.6.41 г.

3. 27-й армии (штаб армии – Рига) продолжат ь выполнение поставленной задачи, обороняя острова и побережье Балтийского моря от м. Колкасагс, Бернати и дальше по линии Скуодас, Барстичняй. Граница слева: Коакнесе (20 км северо-западнее Пл явинас), Иелгава, Мажейкяй, Паланга.

4. 8-й армии (штаб армии – Паневежис) отойти и занять для обороны, организуя противотанковые районы, рубеж Плателяй, Телияй, Шаунаей, Шиауленай, р. Шушва. Основные направления обороны – Шауляй, Рига и Паневежис, Двинск. Резервы, помимо выделяемых непосредственно армией, иметь: 23-ю танковую дивизию – в районе Шанима й, 28-ю танковую дивизию и 202-ю моторизованную дивизию – в районе Паневежис. Граница слева : ст. Турмонт (12 км южнее Даугавпилс), (иск.) Аникичяй, Кейданы, Средники.

5. 11-й армии (штаб армии – Подбродзе) отойти и занять оборону, организуя противотанковые районы, на рубеже Кейданы, ст. Понава р. Вилия до Скерей, Виевис, Олькеники. Основное направление обороны Вильнюс, Свенцяны. Резервы иметь: 3-й механизированный корпус в районе Укмерге, Подберезь, Малетай; 29-й стрелковый корпус (179-я и 184-я стрелковые дивизии) – в районе Свенцяны, где произвести окончательную реорганизацию и отмобилизовать корпуса. Ответственность за стык с За падным фронтом – на 11-й армии. Граница слева: (иск.) Ошмяна, (иск.) Друскеники.

6. Военно-воздушные силы фронта. Задачи:

а) прикрыть отвод соединений на новый рубеж;

б) продолжать уничтожение наземных войск противника и в первую очередь мотомеханизированных соединений;

в) продолжить борьбу с авиацией как на аэродромах, так и в воздухе, прикрыть от бомбометания места расположения штабов, узлы железных дорог и города Рига, Двинск, Вильнюс и остальные военные объекты;

д) поддержать контратаки армейских резервов;

с) разгромить все военные объекты в Кенигсберг, Данциг и Мемель и мосты через р. Неман.

Всю авиацию объединяю в своих руках.

При организации обороны основное внимание соз данию противотанковых рубежей. Продолжить обо рудование тыловых рубежей. При отходе уничтожить все мосты, узловые станции. Организовать з аграждения в полосе отхода.

Штаб фронта с утра 26.6.41 г. – в Двинск.

Командующий войсками

Северо-Западного фронта

генерал-полковник Кузнецов

Член Военного совета фронта

корпусный комиссар Диброва.

Начальник штаба фронта Кленов

29 июня 1941 г.

Варшавский железнодорожный узел

Железная дорога всегда работает круглосуточно, в любую погоду и в любое время года. Но особенно много работы у железнодорожников во время боевых действий. Днем и ночью на станциях царит шумное оживление, по железнодорожным путям в сторону фронта и в тыл почти непрерывным потоком мчат и мчат эшелоны. Стоят, собравшись кучками и что-то оживленно обсуждая, солдаты, проходят с озабоченным видом офицеры, вдоль составов,

обстукивая молотками колеса, открывая и с хлопком закрывая крышки бункс, бегают грязные и потные смазчики, важно взбираются на паровозы машинные бригады. Ночью жизнь лишь слегка замирает, большинство солдат спит, но и ночью все так же, тревожа спящих гудками, суетятся маневровые паровозы, толкая в известном им направлении вагоны. Единственное, что меняется на Варшавском узле в последнее время – вводится светомаскировка, а на установленных неподалеку зенитных батареях заступает на дежурство усиленная ночная смена.

Русские уже дважды прилетали ночью, пытались разбомбить важнейший узел коммуникаций, снабжающий Восточный фронт пополнением и боеприпасами. Пока их удары, нанесенные небольшим числом самолетов, к тому же очень не точно, большого ущерба не нанесли. Упавшие на станционные пути три бомбы разнесли вдребезги одну водозаправочную колонку, повредили несколько паровозов и вагонов. Но всем, включая последнего канонира, было ясно, что на этом русские не остановятся. Достаточно было посмотреть на идущие в фатерлянд поезда с ранеными и поговорить с их обитателями, чтобы до самых тупоголовых дошло, что эта война отнюдь не похожа на предыдущие и легкой прогулки никак не получается. Русские сражались. Сражались не всегда умело, но всегда храбро и быстро учились. Очень быстро. К тому же из донесений разведки стало известно, что на Варшаву нацелен отборный авиационный полк во главе с личным пилотом Сталина, неким полковником Головановым. Получившие накатку от своих офицеров, зенитчики бдительно следили за воздухом, ожидая появления «ночных сталинских дьяволов». Ждали расчеты орудий, знаменитых «ахт-ахт», так хорошо боровшихся с русскими танками, ждали расчеты управления у командных приборов, ждали сидящие наготове, в летном обмундировании и с парашютами пилоты эскадрильи ночных перехватчиков, ждали радиометристы у индикаторов прибора «Вюрцбург». Но ждали не только они.

Перебежав и притаившись вместе с напарниками в кустах у дороги, лейтенант Величко еще раз внимательно осмотрелся. Да, место практически идеальное. Неподалеку от путей, на которых маневровый паровоз понемногу собирал в единый состав несколько десятков цистерн, справа на путях стоял другой состав, судя по различимым в полутьме от тускло горящих ламп силуэтам, с танками для фронта. Чуть левее сторожко следила за небом шестерка стволов зенитной батареи. Андрей мстительно улыбнулся. Будет очень весело, если все удастся. Очень весело. Лейтенант, не имевший никаких сведений о своей семье, потерявшей в суматохе эвакуации, и немало насмотревшийся на действия немецких «освободителей» во время отступления по тылам немецкой армии, вызвался добровольцем и поклялся про себя, что умрет, но задание выполнит. Еще раз внимательно осмотревшись, он снял висевший на спине громоздкий рюкзак и начал собирать какую-то замысловатую конструкцию. Успевшие переместиться на более удобные позиции сержанты Найденов и Романов следили за немцами, на всякий случай приготовив гранаты М24 и взведя затворы «шмайссеров».

Собрав нечто вроде небольшого, смотрящего под небольшим углом в зенит, прожектора на треноге, лейтенант тихонько ухнул, подражая сове. Сержанты, двигаясь быстро и практически бесшумно, переместились к нему и, достав из рюкзаков большие коробки, подсоединили их проводами к собранной Величко конструкции. Проверив на ощупь правильность подсоединения, Андрей посмотрел на светящийся циферблат часов, после чего повернул рукоятку на боку конструкции. Так же бесшумно, как появилась, тройка советских парашютистов растворилась в ночи...

Летающие в небе, покрашенные в черный, «ночной» цвет двухмоторные дальние бомбардировщики Ильюшина были практически невидимы и неслышимы. Удлиненные патрубки моторов играли роль пламегасителей и глушителей, а черный цвет окраски растворял силуэт самолета на фоне ночного небосвода. Но эти уловки были бессильны против невидимых лучей немецкого радара, поэтому на аэродроме и зенитных батареях поднялась тревога. Русские бомбардировщики на этот раз заявили внушительной компанией почти в полсотни самолетов, идущих, как ни странно, тройками.

– Вышли в квадрат... Командир, правее, курс... Поймал! Есть сигнал! Держи так! – в наушниках пилотирующего ведущий самолет Голованова раздался спокойный голос штурмана. Аккуратно повернувшись самолет вышел точно на место, около которого внизу стояли установленные несколькими группами спецназа инфракрасные прожектора. Штурман, уловив, что пятно от всех трех лучей слилось в одну большую точку, нажал на рычаг сброса. Самолет дернулся, освобождаясь от груза бомб, и тут же раздался треск выстрелов крупнокалиберного пулемета. Атаковавший ведущего ночной истребитель «Кауц»²⁵ выдал себя стрелку-радисту силуэтом, закрывшим несколько звезд. Поспешно отвернув от устремившейся к нему огненной трассы, истребитель тут же потерял первую тройку и сообщил об этом по радию. Его начали наводить на вторую, но в этот момент связь с землей внезапно прервалась. Пилотировавший истребитель гауптман Ханс Ганн решил возвращаться на аэродром, но приблизившись к нему, внезапно обнаружил, что на взлетной полосе и около командного пункта рвутся снаряды...

На железнодорожных путях царил ад. Неожиданно точно упавшие фугасные и осколочно-фугасные «сотки» взорвались среди стоящих на путях цистерн с авиабензином, на платформах с танками и орудиями, рядом с вагонами, битком набитыми боеприпасами. Все это взрывалось, горело и полыхало, сопровождаемое взрывами все новых и новых падающих неподалеку и среди уже разгорающегося пожара стокилограммовых бомб подлетающих самолетов. Горела, казалось, сама земля. Во всеобщий хаос добавили свою небольшую лепту выпущенные из соседних рощиц реактивные снаряды небольшого калибра. Обстрел ими заставил перенацелить часть зенитных орудий на наземные цели, облегчая работу ночным бомбардировщикам...

Самолеты садились на родной аэродром под Смоленском. Садись иссеченные осколками и с дырами от снарядов авиапушек, с убитыми членами экипажей и на последних каплях горючего. Садись, а встающее солнце встречало их красным, пламенеющим рассветом, словно салютом в честь победителей.

ОПЕРАТИВНАЯ СВОДКА № 011 ШТАБА 212 ДБАП

Смоленск, 30.6.41 к 20.00

1.212 ДБАП в период 22.00 – 8.00 30.6.41 совершил 60 самолето-вылетов с аэродрома... Наносил удары с воздуха по железнодорожному узлу Варшава с помощью «прибора 100». Бомбардировка целей проходила с высот 1200–7000 метров. Задание выполнено. Истребительная авиация и ЗА на маршрутах в районе цели, на обратном маршруте оказывала сильное противодействие, особенно сильное противодействие оказывал противник в районах...[...]

5. Потери: в течение ночи 30.6 не вернулись на свой аэродром 14 самолетов. 1-й АЭ сбиты: экипажи – Бородин, Кондратьева; 2-й АЭ экипажи – Сумцова, Долголенко, Бондаренко; 4-й АЭ – экипаж и Чуевского; 5-й АЭ – экипажи Лизунова, Лисичкина, Борисенко, Шульгина, Дубровина, Купало, Врублевского, Комочкова. [...]

8. Погода: облачность слоисто-кучевая 5–6 баллов, высота 800–1000 метров, видимость 10–15 километров. Ветер – северо-западный 3–5 метров в секунду.

Начальник штаба 212 ДБАП майор Богданов

Нач. опер. отделения капитан Копицкий.

1 июля 1941 г. Москва. Кремль.

Кабинет Сталина.

Тов. Сталин

Десять дней войны прошло. Десять тяжелых, наполненных горькими новостями и тяжелыми решениями дней. Немцы прут вперед, еще не осознавая, что уже проиграли.

²⁵ DO.17Z-6 «Сыч», ночной истребитель на базе бомбардировщика.

Проиграли мужеству и стойкости наших пограничников, отчаянной храбрости наших танкистов и летчиков, стойкости наших пехотинцев. Проиграли, прогрызая оборону наших приграничных рубежей, проиграли, сталкиваясь в ожесточенных встречных боях с нашими танками. Застопорился их блицкриг, шени деда. Нет, полностью остановить немцев даже на старой границе не удалось, но тормознуть, нанести большие потери и уменьшить свои – это уже много. А мы этого добились.

– Докладывайте, товарищ Василевский.

– Товарищ Сталин, товарищи. Сложившаяся обстановка характеризуется превосходством противника на земле и в воздухе, позволяющим ему продолжать наступление на выбранных им участках фронта. Наши войска на всех направлениях вынуждены перейти к обороне, сдерживая натиск противника. На Карельском фронте войска генерала Фролова остановили наступление немецких войск армии «Север» у границы и продолжают вести оборонительные маневренные бои против финских войск в районах города Алакурти, озер Кводозеро – Нюк. Южнее войска двадцать третьей армии Ленинградского фронта после упорных боев оставили населенные пункты Суоярви и Сортавала и продолжают отходить к Петрозаводску. На Карельском перешейке продолжаются упорные бои на окраине Выборга. Проведенная двадцать восьмого – двадцать девятого июня контратака первого механизированного корпуса закончилась неудачей из-за отсутствия взаимодействия между пехотой, танками и артиллерией.

Василевский плавно переместился вдоль стола с разложенной картой, на которой нанесена текущая обстановка. «Сюда бы ЖК экран и вывод информации в режиме текущего времени со спутников», – мелькает в голове непрощенная мысль.

– Прибалтийский фронт маршала Ворошилова, сменившего генерала Кузнецова, не справившегося с управлением войсками в приграничных боях, в настоящее время удерживает оборонительные позиции по линии рек Западная Двина – Дисна. Однако механизированные части фронта понесли в предыдущих боях большие потери, что вместе со значительными потерями стрелковых войск, особенно территориальных корпусов, не позволяет надеяться на длительное удержание этого рубежа. Мотомеханизированные части немцев захватили западные окраины Риги, а также два плацдарма на восточном берегу Западной Двины... Ставкой отдан приказ о создании двух тыловых рубежей обороны и усилении войск восьмой и одиннадцатой армий за счет сил двадцать седьмой армии. Мобилизуемые резервы выдвигаются на Пярну-Тартусский и Лужский оборонительный рубежи. Для их постройки привлечены силы гражданского населения.

«Надеюсь, нам удастся задержать немцев вдали от Ленинграда и избежать его блокады. Жаль, что воинские перевозки не дают возможности эвакуировать большую часть населения и заводов. Но тут уж приходится выбирать. Нет у нас достаточного количества подвижного состава, да и дорог маловато для таких объемных перевозок. На будущее надо такой вариант отработать. Нет. Незачем. Если будущее будет таким, как я задумал – не понадобится», – доклад Василевского слушаю внимательно, но мысли всплывают самые неожиданные. Но теперь надо особенно сосредоточиться и выслушать все сверхвнимательно. Западный фронт, направление главного удара и самых крупных наших неудач.

– Западный фронт под командованием маршала Тимошенко в настоящее время ведет бои силами стрелковых частей третьей армии в районе Ошмяны-Трабы против наступающих мотомеханизированных частей противника из состава третьей танковой группы. Удар ослабленного предыдущими боями шестого мехкорпуса из района Лиды немцами отбит, но позволил, по нашей оценке, приостановить наступление механизированной группировки на сутки. Сложное положение на фронте четвертой армии. Ее войска ведут бои в нескольких изолированных районах – у Пинска, Березы-Картузской, Ганцевичей и Барановичей. Сюда выдвигаются части двадцать восьмой армии, планируется создание тылового района обороны, на которой перебрасываются части шестнадцатой армии. На Юго-Западном фронте наши войска сумели задержать наступление противника в результате контрнаступления механизированных корпусов. Танковые бои в районах Дубно – Ровно – Луцк – Броды,

позволили не только задержать наступление противника, но и нанести его мотомеханизированным частям значительные потери. В настоящее время наши войска ведут бои на окраинах Дубно. Командование ЮЗФ, выполняя указание Ставки, планирует нанести отвлекающие контрудары и отвести под их прикрытием войска фронта на линию укрепленных районов. После упорных боев наши войска оставили город Львов. На Южном фронте наши войска нанесли поражение румынским частям, высадкой десанта захватили город Галац. Но в настоящее время имеется угроза возникновения разрыва между флангами ЮЗФ и ЮФ.

Вот так, все мое послезнание помогло немного притормозить немцев, и все. Потери авиации почти такие же, танки, которые в мае исправно выходили из ангаров, сейчас через одного ломаются. Не так-то просто преодолеть инерцию событий, выходит. Хотя на Западном фронте сейчас как раз должны были Минск окружить, если не ошибаюсь. Но чего нет, того нет. И корпус Хацкилевича, который немцы ТАМ под Гродно разбили, здесь в контратаки ходит. Правда, сам генерал все же погиб.

– Что у нас в Бресте, товарищ Василевский? Есть какие-нибудь свежие данные?

– Есть, товарищ Сталин. По полученным авиаразведкой данным, в районе Бреста идут бои. В Брестской крепости, по-видимому, сражаются остатки дислоцированных там сто двадцать пятого, триста тридцать третьего и четыреста пятьдесят пятого стрелковых полков. В районе Немирува авиаразведкой отмечены боестолкновения с использованием бронетехники, очевидно, прорываются на восток части двадцать второй танковой дивизии.

– Понятно, товарищ Василевский. У кого есть еще вопросы, товарищи?

Обсудили сложившееся положение, подумали и решили отправить отозванного с Юго-Западного фронта Жукова на основное направление. Сложная там ситуация, придется делить Западный фронт на два – Западный и Центральный. Так будет легче управлять войсками. Да и Жукову с Тимошенко взаимодействовать проще. Войск туда тоже подбросим, укрепим танками и авиации из внутренних округов добавим.

– Товарищи, – все настороженно смотрят на меня, – есть мнение, что товарищ Каганович лучше справляется с работой в комиссии по эвакуации, чем на посту наркома путей сообщения. Есть предложения назначить на его место товарища Хрулева, с тем, чтобы товарищ Каганович сосредоточился на работе комиссии. Есть возражения? Другие предложения? Нет? Принимаем единогласно.

Фу, думал, за него сейчас кто-нибудь из Политбюро начнет заступаться. Но все промолчали. Нет уж, не надо мне такого наркома, у которого дивизия едет на Западный фронт, а полк из нее – под Ленинград, танки, предназначенные для ЮЗФ, оказываются под Минском, а специально приобретенный за валюту снаряжательный поезд для подготовки боеприпасов вообще неизвестно где шляется. Найдут – прикажу всех причастных к его пропаже перетрясти и наказать.

Решили много, но один вопрос придется все же пока отложить. Сначала с Новиковым, Глазуновым и Головановым переговорю. Все, пора всех распускать, как-никак уже за полночь.

– Товарищ Поскребышев, товарищи Новиков, Глазунов и Голованов могут заходить.

Входят, здороваются и рассаживаются. Приятно посмотреть на уверенные, хотя и усталые лица, а по сравнению с лицами некоторых членов Политбюро – практически веселые.

– Докладывайте, товарищ Новиков.

– Товарищ Сталин. В ночь на тридцатое июня силами батальона спецназначения четвертого воздушно-десантного корпуса, двести двенадцатого дальнебомбардировочного и первого отдельного авиатранспортного полков проведена операция «Смерч». Для проведения операции в течение двадцать седьмого – двадцать девятого июня в район Варшавы самолетами первого отдельного авиатранспортного авиаполка были выброшены отряды спецназа парашютно-десантных войск. Одновременно силами тысяча шестьдесят второй авиабазы был подготовлен аэродром подскока, на который перебазированы

шестьдесят дальних бомбардировщиков «Ил-4» двести двенадцатого авиаполка. Прикрытие аэродрома осуществляли сто шестьдесят третий истребительный и тысяча двести семьдесят восьмой зенитный артиллерийский полки. Высаженные в районе Варшавы отряды парашютистов произвели доразведку целей и установили целеуказатели прибора «СТО» для наведения бомбардировщиков. В ночь на тридцатое шестьдесят самолетов, ведомые командиром авиаполка подполковником Головановым, используя приемники прибора «СТО», нанесли удар стокилограммовыми фугасными, осколочно-фугасными и зажигательными бомбами по железнодорожному узлу Варшава. Одновременно отряды спецназа обстреляли из установок НРС-82 разведанные ими цели. В результате, согласно данным авиа- и агентурной разведки, работа железнодорожного узла парализована как минимум на пять-шесть дней. Уничтожено до трех эшелонов с горюче-смазочными материалами, эшелон с боевой техникой и не менее пяти эшелонов со снабжением и личным составом, а также до двух батарей тяжелой зенитной артиллерии и не менее десяти истребителей. При этом особо отличились...

Славно поработали. Что же, теперь у меня есть веские аргументы для отстранения Жигарева от командования ВВС. Поставим на его место Новикова, а Голованова – на комдива восемьдесят первой авиадивизии, которая до сих пор не подготовилась к удару на Берлин. Включим в нее и его полк тоже. А Глазунова поставим готовить побольше новых спецназовских групп. Пусть так и остается на будущее – спецназ у армии, осназ у НКВД.

Москва за нами

*«Ребята, не Москва ль за нами?
Умремте ж под Москвой!»
И умереть мы обещали
И клятву верности сдержали...
М. Ю. Лермонтов*

5 августа 1941 г. Западный фронт

– Товарищ лейтенант, немцы, – прервал сон Петра Ершова голос посыльного. Лейтенант мгновенно проснулся и недовольно покачал головой, глядя на часы. Оказывается, он проспал целых четыре часа, и его так никто и не разбудил. За неделю, в течение которой фронт застыл на одном месте, все как-то расслабились. К чему приводит такое, Петр уже видел, не первый день на фронте.

– Связь? Васильев где?

– Нету связи, товарищ лейтенант. Три минуты назад прервалась. Васильев вас ждет.

В траншее действительно стоял один из двух сержантов, оставшихся во взводе, Васильев, основательный, неторопливый и хозяйственный сибиряк. Не дожидаясь команды, он доложил:

– Прибежал к нам один красноармеец с первого эшелона. Говорит, немцы наше охранение в ножи взяли и без выстрела ворвались в окопы. Большинство ничего и понять не успело, а капитан Львов и лейтенант Иванов сразу руки вверх подняли. Теперь, наверное, переправу наводят. Боец говорит, что моторы слышал. Скорее всего танки у них, товарищ лейтенант.

Лейтенант, не удержавшись, сплюнул. Струсил, гады. Бывало и такое, бывало. Лично пришлось одного подполковника под Могиловом арестовывать, который знаки различия срывать и сдаваться приказывал. Теперь тот подпол на том свете объяснения дает, а лейтенант и большинство его бойцов не только из окружения вышли, но и живы и по-прежнему с немцами дерутся.

«Вот ведь черт, а только позавчера стоявшую батарею дивизионка начальство куда-то отвело. Остался у взвода всего один расчет противотанкового ружья, и все. Да еще гранаты». Но к гранатам лейтенант относился с предубеждением. РГД-33 граната неплохая, но ее бросать надо уметь, на весь взвод хорошо, если пять-шесть человек умеет. Против танков

гранаты необходимо в связку упаковать, причем так, чтобы она не рассыпалась при любых обстоятельствах. А то и себя подорвешь, и товарищей угробишь. Бывало такое, особенно с новичками. Не во взводе Ершова, но бывало. «Но как немцы сквозь Львов прошли? Без единого выстрела, что интересно», – поднимая бинокль, подумал Ершов. Его взвод стоял во второй линии обороны, растянутой, но вполне боеспособной обороны. Участок считался не танкоопасным, первую линию, которую занимала сводная рота капитана Львова, прикрывало заболоченное русло реки. Сама речка неширокая, да и глубиной не отличалась, но на дне ее били холодные ключи, отчего течение ее было довольно бурным. Но, несмотря на все препятствия, немцы уже вышли ко второй линии обороны, вышли без единого выстрела.

– С окопов людей снял?

– Сразу, товарищ лейтенант.

– Тогда всех по укрытиям, оставить наблюдателей. Ждем.

Васильев, козырнув, отбежал, а Ершов продолжил наблюдение, стараясь разглядеть, что же происходит впереди, и дожидаясь появления противника. Долго ждать не пришлось.

В бинокль ясно были видны три небольших клина немецких танков. Впереди каждого шел тяжелый Т-4, с коротким «окурком» семидесятипятимиллиметрового орудия, сзади два средних танка с более тонкими и длинными стволами, за ними три легких, вооруженных совсем малокалиберной пушечкой. За каждым клином шло, с трудом догоняя, несколько грубообразных угловатых бронированных грузовиков, над бортами можно было различить каски сидящей внутри пехоты. Пока лейтенант рассматривал приближающихся врагов, откуда-то слева, из-за леса, донесся отдаленный гром. Похоже, началось и там.

– До роты танков и столько же пехоты. Артиллерии не видно. Как же они сюда проскочили? – произнес негромко, скорее для себя, Ершов. Но его услышал стоящий рядом сержант Васильев.

– Лейтенант, перебьют они нас ни за понюх табаку, – сержант с надеждой смотрел на Ершова. – Надо что-то делать.

«Что делать? Была бы артиллерия, сейчас бы живо этих наглецов утихомирили. А так остается подпустить поближе и подороже продать свои жизни», – эти мысли, похоже, неведомым образом отразились на лице Петра, Васильев обреченно кивнул, словно соглашаясь, и с потемневшим лицом отвернулся назад. И тут же повернулся с повеселевшим лицом.

– Товарищ лейтенант, артиллерия!

И действительно, к пулеметному окопу, расположенному сразу за НП, расчет подкатывал небольшую, ладную пушечку – «сорокапятку». Артиллеристы быстро, в один момент, сменяя пулеметчиков, закатили орудие прямо в пулеметный окоп, расширили немного для того, чтобы развести и укрепить станины, подносики уже из передка вытащили снаряды, протирают их ветошью. Здорово работали артиллеристы, учебу прошли, видно сразу, хорошую.

Подошел лейтенант, лет на пять постарше Петра, поздоровался, посмотрел в бинокль, достал блокнот и начал вычислять прицел. У сержанта рядом с ним буссоль. Это такой прибор, оптический, при помощи которого артиллеристы могут высчитывать точные координаты. Правда, высчитывать тут уже особо и не надо было. Немцы вот они, рядом.

А Васильев, не выдержав, уже материт артиллеристов, что они долго не открывают огонь. Да и другие орут со всех сторон:

– Ну что вы там копошитесь!

– Подавят нас сейчас вместе с вашей пушкой!

– Или стрелять нечем?

Тут Петр решил с лейтенантом переговорить. Оказалось, что прислали их батальону в помощь целую батарею из четырех орудий. В полосе взвода тоже взвод разместился, огневой, под командой этого лейтенанта, Ивана Полозова, ветерана Финской, отступающего со своими орудиями от Гродно. Кто-то из начальства учел, что в такое жаркое лето болотистые берега подсохли, и немцы вполне могли найти проходы.

– Две пушки. Маловато вас будет, – озвучил свои мысли Ершов. – Видел я, как «сорокапятки» по немецким танкам стреляли. Бьют, бьют, а подбить не могут.

– Не волнуйся, лейтенант, танки мы остановим, – успокоил его Полозов, – наводчики у меня хорошие, опытные. Ты, главное, свое дело сделай, пехоту от танков отсеки, залечь заставь. Иначе нам точно не удержаться.

– Не учи ученого, – с иронией ответил Петр, ничуть не успокоенный заверениями артиллериста. – Чем-нибудь еще помочь?

– Да, – ничуть не смутился лейтенант-артиллерист, – пошли несколько бойцов с шанцевым инструментом. У меня сержант их у вон тех кустов ждет. Пусть помогут ездовым запасные позиции для орудий окопами оборудовать.

Ершов только кивнул и, скомандовав Васильеву, побежал по траншее. Отправив шестерых солдат вместе с Васильевым к кустам, лейтенант еще раз пробежался по траншее, инструктируя пулеметчиков и противотанкистов. Немцы, по-прежнему не стреляя, приблизились на полсотню метров. Танки задвигали башнями, как будто выцеливая окопы обороняющихся. И тут артиллеристы открыли огонь. Ершов, остановившись, посмотрел на работу артиллеристов. Как они стреляли! Первым летел осколочно-фугасный снаряд. Ложился прямо перед танком. Порванные гусеницы, выбитые передние катки. А потом – несколько точных попаданий бронебойными. В башню или под нее, в люк механика-водителя, в борта. Похоже, что, когда осколочный рвал гусеницу или нарушал ходовую каким-либо другим образом, танк резко разворачивало. Наводчик на это рассчитывал и стерег этот момент уже с бронебойным в стволе.

Не прошло и минуты, а три немецких танка горят. И хорошо горят! «Вот тебе и «сорокапятки!»» – успел подумать Петр, когда на окопы обрушился огонь уцелевших немецких танков. Снаряды проносились над головами обороняющихся и оглушительно рвались вблизи от зарослей кустарника, на месте, где посланные Ершовым бойцы начали рыть запасные окопы. «Понятно, немцы приняли их за линию обороны, а хорошо замаскированные окопы (все же опыт – великая вещь), не заметили», – приподнявшись после очередного залпа, оценил обстановку Петр. И в этот момент, когда «сорокапятка» успела выстрелить еще раз, заставив вспыхнуть один неосторожно высунувшийся из-за прикрытия танков БТР, когда ободренные поддержкой артиллерии бойцы плотным огнем уложили пехоту немцев, заставив нюхать землю, откуда-то со стороны противника что-то утробно и страшно взывает. Уже привыкшие к тому, что любой непонятный звук означает неведомую опасность, обстрелянные в предыдущих боях бойцы не размышляя повалились на дно окопа.

– Ложись! – скомандовал Ершов.

Едва он успел упасть, больно ударившись губой о неожиданно подвернувшуюся ножку буссоли, как с неба обрушился пронзительный визг, напоминающий о минометном обстреле. Земля внезапно будто разверзлась от урагана взрывов и дергается, даже как бы стонет, дрожит, в тщетной попытке сопротивления ломающей ее страшной силе взрывов. Время тянется мучительно медленно, кажется, что все вокруг уже разлетелось вдребезги, и только приятная холодная жесткость стальной трубки перед лицом не дает окончательно в это поверить.

«Что же это за гадость очередная фрицевская? Откуда? Как целая батарея сразу бьет», – мелькает в голове, тут же замирая испуганной мышкой мысль. Наверху воет, ревет, скулит, взрывается. Земля ходит ходуном и перемешивается с небом, все вокруг во власти этого урагана, оцепенело и застыло. И вдруг сбоку слышится крик:

– Немцы атакуют!

Огонь стихает, и, пересиливая себя, Петр вскакивает...

До ночи взвод отбивает три атаки. Уцелевшее после обстрела орудие подбивает два танка, еще один вражеский останавливается после попадания выпущенной из противотанкового ружья пули. Но и враг не теряется. Оставшиеся целыми танки обстреливают «сорокапятку», еще раз обстреливает позиции взвода то самое неизвестное оружие немцев. Словно автоматическое многозарядное орудие выплевывает снаряды,

накрывающие оборону сплошным «лесом» разрывов...

Ночью к отошедшим в заросли остаткам взвода прибиваются еще несколько человек – все, что осталось от батальона. Обсудив положение, Ершов и Полозов решают пробираться лесами на восток, к своим.

8 августа 1941 г. Москва. Кремль.

Кабинет Сталина.

Тов. Сталин

Читаю протоколы допросов Павлова. Не те, что лягут в папку, нет. Реальные. Засекреченные по уровню «Перед прочтением сжечь». Хорошо, что это мало кто понял. Товарищ Берия молодец, сразу засекретил, присвоил «Особую папку». Одно меня настораживает, не сообразил ли Лаврентий обо мне. Слишком умный, ахваро. Как бы это проверить?

Следователь молодец. Как только этот вселенец начал свою чушь нести, он сразу принял меры и лишних людей привлекать не стал, наркому напрямую доложил. Молодец, товарищ Конторович, надо будет тебя запомнить. Такие люди, умные и преданные, всегда нужны.

Ну и сволочь этот маймуно виришвили оказался в итоге. Из тех, кто за «европеизацию, толерантность и демократию». Даже девяностые этого готферано ничему не научили. «Если бы немцы победили, то мы рано или поздно пришли бы к цивилизованному демократическому обществу». Похоже, он еще и некоторых писателей-фантастов, популярных в девяностые, начитался. С их сибирскими республиками, Россией в составе тысячелетнего рейха, всякими рудейриями и прочей очень далекой от реальности рениксой о дружбе русских и немецких нацистов. Представляю себе эту дружбу. План «Ост», германская колонизация, чисто немецкий Крым. Тут я усмехаюсь в усы, вспомнив, как крымские татары помогали немцам. Ах, какая их ждала «благодарность» от впечатленных их помощью «истинных арийских» политиков. Впрочем, усмешка тут же пропадает, такое чтение отнюдь не способствует улучшению настроения. Как же надоели эти Смердяковы, готовые вылизывать нижнюю часть спины любого западного политика только за то, что он не из России. Правильно сказал Александр Третий, хоть и царь: «У России только два союзника – ее армия и ее флот». Надо эту мысль вбить в головы всех, особенно в головы той прослойки, большинство из которой стоят на задних лапках перед нашими западными противниками. Да, противниками, пусть даже сейчас у нас и временный союз с частью из них против одного врага. Можно подумать, наши победы над нацистами их обрадуют и заставят нас полюбить. Так что придется бороться с низкопоклонством и космополитизмом после войны, придется.

Не то чтобы неожиданно, но весьма неприятно узнавать, что у этого типа оказалась масса помощников. Кто по глупости, а некоторые, похоже, должны очень заинтересовать нашего дорогого Лаврентия Павловича. Да, следователям «кровавой гебни» работы добавится немало. Все же, несмотря на отсутствие прямых доказательств, уверенность в существовании заговора у меня непрерывно повышается. Очень уж скоординированы некоторые действия военных, прямо как по заказу. Как там Мерецков говорил: «В случае победы немцев нам хуже не будет?» Посмотрим, кому будет или не будет хуже. Стоп, стоп, стоп. Не попробовать ли «половить на живца». Выпустить этого Мерецкова, рано или поздно он все равно на «своих» выйти попытается. Да и воевал он вроде неплохо. Что блокаду не прорвал, так там много причин было. Надо будет с Лаврентием целесообразность этого обсудить. Сделаем пометку и почитаем дальше...

Наконец прочел. Неприятно, словно в канализации искупался. Но надо, шени деда. Теперь надо решать, что с этим «Павловым» делать. Оставить в живых? «Железная маска», да. Что нам это даст? Можем не торопясь допросить и получить интересные ответы. Конечно, мозг человека содержит много интересной информации, порой такой, о которой мы сами и не подозреваем. Но можно ли получить что-нибудь стоящее от такого вот «знатока», да и стоят ли полученные от него сведения тех миллионов жизней, которые он своими

действиями обрек на смерть? По-моему – нет. Поэтому пишу для Берии резолюцию – «Допросить в группе Б, результаты допроса – «Особая папка номер 1», после чего предать суду военного трибунала».

Переходим к следующему. Дело «Припять», новые поступления. Забыл, кстати, спросить у Лаврентия, почему этому делу такое название присвоили. Не столь важно, но интересно. Завтра надо будет уточнить. Сейчас же посмотрим, что они нового придумали. Пока ничего. Жаль, жаль. Само дело как хороший роман можно читать, наподобие тех, что мне ТАМ нравились. Три друга, в том числе двое бывших военных, попадают в тыл немцев. Находят, везучие, ничего не скажешь, танк КВ-2 и прорываются на нем к фронту как раз в том районе, где наши наступающие войска достигли самых больших успехов. Даже если не подозревать о том, что знаю я, очень многозначительные совпадения. Тут и без доклада станет ясно, откуда такие друзья появиться могут. Могут и, как видно, появляются. Остается надеяться, что только они, и только на нашу сторону. Нам в сегодняшней ситуации вот таких знаний у врага и не хватает, для полного счастья.

Очень хорошо, что эти ребята появились. Мне легче будет. Одни их предложения по реорганизации танковых войск чего стоят. Увлёкся я авиацией, другие рода войск запустил. Там тоже оказалось все не так благополучно, как военные докладывали. Не было у нас, получается, до войны танковых войск. Танки были, а войск – не было. Потому что танковые войска – это не только и не столько танки. Это мотопехота, это ремонтные и эвакуационные службы, это горючее, для перевозки которого нужны автоцистерны. Даже их нет в нужном количестве. Нет и взять неоткуда. Американцы и англичане пока только раскачиваются. Да и не сильно они помогут в первое время. Это я твердо помню. Потом... потом да, помогут. Но нам нужно многое сейчас. Приходится своими силами изворачиваться.

Только и упрекать в этом наших военных трудно. Нет сейчас ни опыта, ни соответствующей индустрии, чтобы сразу все необходимое в армии появилось. У англичан, например, положение ничуть не лучше, если не хуже. У них, у страны с традиционно сильнейшим машиностроением, «мастерской мира» девятнадцатого века, танки по надежности даже нашим новым, недоведенным, машинам уступают. Ломаются, и как ломаются. Потери от поломок больше, чем от огня противника. Да и организация их танковых войск от немецкой на несколько лет отстаёт. Так что не одни мы такие, если подумать.

Пока нас спасает именно большое количество запасенной техники. Именно эти пресловутые двадцать тысяч танков, за которые ТАМ так ругают товарища Сталина. Не понимая того, что именно они позволяют нам сдерживать немецкий натиск. Мы вынужденно меняем танки и людей на время. Кроваво, тяжело... Тяжело. Нет, это слово не подходит. Нет таких слов, чтобы передать все, что в эти дни переживает страна. Немцы – серьезный противник. Очень серьезный. Обученный, с боевым опытом. Да и разница в образовании себя даёт знать, и то, что на них вся Европа работает. А мы вынуждены бороться против них, чем можем. Вынуждены, черт побери. И хорошо, что мы можем позволить себе вместо людей терять бездушные железки. А вот если бы их не было... Не хочу даже думать о таком. Ведь каждый сгоревший танк сейчас – это чьи-то спасенные жизни. Не все из экипажа гибнут, не надо вводить в бой пехоту, причем в больших количествах, чем танкистов. Этого ТАМ многие не понимали и не поймут никогда...

Эти же товарищи ОТТУДА – молодцы. Не только языком трепаться могут. Из кадровых советских офицеров, да и не самых плохих, похоже. Под Рожищами отличились, целый штаб раздолбали и тет-де-пон столько времени против эсэсовцев держали. Молодцы... Лаврентий тоже не промах, на базе их предложений неплохой доклад сделал. Сразу видно, где и в чем у нас недостатки.

Но им и проще. Как и мне. У нас есть знание, которое сейчас только начинает накапливаться и систематизироваться. Знание же, как известно, – сила. Чем и пользуются эти попаданцы. Именно знанием они превосходят современников, которые ничуть их не хуже, но вынуждены накапливать его сами.

Лаврентий под них после моего намека бригаду выбил. Отдельную, тяжелую, подчиненную НКВД. И ему удобней за ними следить, и местные орлы с таким соединением поосторожнее обращаться будут. Много еще у нас в армии ореликов, для которых главное – отдать приказ, а там и трава не расти. Как в анекдоте: «Стукнул кулаком по столу, чтоб к утру было. И не е. т как». Вот таких личностей удержит от излишнего рвения подчинение бригады Лаврентию. Там посмотрим, как они себя дальше покажут, может, и выше их продвигать будем.

Так, следующая бумага. Вот значит как. Молодец Лаврентий. Кто это у него так отличился? Ясно. Меркулов с подачи Мехлиса раскопал. Молодцы и они, и следователи, которым это дело поручили. Не мог один попаданец так эффективно действовать, я это сразу подозревал. Вот и помощники у него нашлись. Заговора пока не обнаружено, но ниточки кое-какие болтаются. Не зря ТАМ этих военных так быстро пристрелили, не зря. Резали, значит, концы, сохраняя корни. Надо, следовательно, копать дальше, не забыть Лаврентию указания дать. Позднее...

– Товарищ Поскребышев, соедините меня с товарищем Шапошниковым. Борис Михайлович? Здравствуйте. Как у нас дела на Западном фронте? Вот как? Что вы намерены предпринять?...

«[...] Наступательная операция под кодовым названием «Оркан (Ураган)» должна была стать завершающей в достижении целей, поставленных перед немецко-фашистскими войсками планом «Барбаросса». Планировалось ударом трех танковых групп прорвать фронт советских войск на центральном участке фронта, с последующим наступлением вплоть до Москвы. Вторая танковая группа, выйдя на оперативный простор и содействуя некоторое время наступлению на Москву, затем поворачивала в тыл ЮЗФ и совместно с наступающей с фронта Первой танковой группой осуществляла глубокое окружение советских войск в районе Припять – Киев.

Однако, несмотря на первоначальные успехи, добиться поставленных целей немецко-фашистским войскам не удалось. Советское командование сумело вовремя перебросить стратегические резервы, накапливающиеся за линией ЮЗФ и в районе Москвы, которые контрударами сначала замедлили, а затем и полностью остановили немецкое наступление, создав предпосылки для зимнего контрнаступления Советской Армии. [...]

«Краткий очерк истории Второй мировой войны» под ред. полк. Гарева М. С., М., 1975.

9 августа 1941 г. Балтийское море, траверз мыса...

Белая ночь – радость для поэтов и прочих художников и самая страшная проблема для подводников. На гладкой как зеркало поверхности моря, озаренной бледно-голубым светом, советская подводная лодка видна как на ладони. Но, как ни опасно наверху, лодка вынуждена идти в надводном положении, под деловитый перестук дизелей, заряжая аккумуляторы и проветривая отсеки. Именно поэтому бдительно вглядываются в небо сигнальщики, да и сам вахтенный офицер, лейтенант Калинин, напряженно вглядывается в пустынную даль.

– Нам бы сейчас вместо нашей «щучки» такую подводную лодку, как у Адамова, в «Тайне двух океанов»...

– Мечтатель вы, Владимир Иванович, – отзывается на слова капитана Калинин, продолжая внимательно всматриваться в воздух, и тут же выкрикнул: – Самолеты противника, всем вниз!

Вахтенные кубарем скатываются по трапу, за ними – Калинин, и последним, уже под огнем налетевших самолетов, в люк ныряет, поспешно захлопывая крышку и крутя кремальеру, капитан. В корпус лодки с грохотом ударяют пули. На центральном посту все, увидев капитана, облегченно вздыхают. Несколько бомб рвутся неподалеку от проваливающейся в глубину лодки, не причиняя большого вреда, всего лишь гаснет свет в

отсеках, и лодка перестает управляться электрическими рулями.

– Глубина пятьдесят, курс норд-вест-вест, обороты восемьсот, – докладывает капитану уже успевший получить последние сведения Калинин. – Идем на ручном управлении.

Едва он заканчивает доклад, вспыхивает освещение, и вахтенные докладывают о переходе на электрическое управление.

– Докладывает старший матрос Гржимайло! Повреждения устранены!

– Самолеты появились не просто так. Как вы считаете, Михаил Степанович? – обращается к появившемуся на центральном посту старпому капитан.

– Скорее всего, расчищают дорогу конвою из Швеции.

– Я тоже так полагаю. Что же, попробуем перехватить?

– А почему бы и нет.

– Тогда курс норд-норд-вест, глубина тридцать, обороты тысячу, так держать!

– Есть так держать!

Прошло примерно полчаса. Лодка шла прежним курсом, постепенно приближаясь к границе назначенного ей позиционного района.

– Шумы по курсу, угол двенадцать, дистанция не более двадцати пяти кабельтов. Не менее пяти судов, – доложил акустик. Обладавший почти абсолютным музыкальным слухом старшина Селин хотел поступать в музыкальное училище, на класс фагота. Но жизнь внесла коррективы, и теперь командир «счастливой Щуки» по праву гордился одним из лучших акустиков Балтфлота.

– Боевая тревога! Всплыть на перископную глубину, курс вправо двенадцать, обороты до шестиста, носовые товсь!

Лодка быстро всплывает из глубины, и вот уже над спокойной гладью моря поднялся перископ, выдавая местонахождение лодки образовавшимся буруном.

– Транспорт и несколько морских охотников. Принял решение атаковать, – информирует окружающих капитан.

– Приготовиться к торпедной атаке!

Капитан напряженно следит за целью, ожидая прихода транспорта на залповый пеленг. Нервы – как струны, каждый мускул сжался в стальной комок. Медленно-медленно, вслед движению транспорта поворачивается перископ.

Из первого отсека доложили о готовности торпедных аппаратов к выстрелу. Транспорт неторопливо вползает в окуляр, занимая все больше и больше места. Вот он строго на залповом пеленге. Звучит команда:

– Аппараты, пли!

Первая выпущенная торпеда прошла за кормой судна, но вторая попала в цель. Сильнейший взрыв потряс воздух. Водяные горы взметнулись ввысь. Пароход резко заваливается на правый борт и переворачивается, быстро уходя под воду.

– Товарищи! Транспорт противника водоизмещением около семи тысяч тонн затонул. Боевой счет открыт! – сообщение капитана прерывает негромкое, но четкое «Ура!» во всех отсеках.

Но все еще только начинается. В перископ видно, что кораблики, развернувшись строем фронта, идут в сторону лодки, время от времени сбрасывая глубинные бомбы.

– Погружение! Ложимся на грунт.

– Уйти пробовать не будем? – спокойно спрашивает старпом.

– Не успеем. Слишком близко.

– Пожалуй. Остается только ждать...

Лежка на грунте. Тяжело дышат подводники, стараясь поменьше двигаться и не шуметь. На поверхности зигзагами ходят катера, время от времени сбрасывая глубинки. Наблюдатели всматриваются в волны, надеясь увидеть всплывающие обломки русской подлодки.

А на подводной лодке вслушиваются в то удаляющийся, то приближающийся грохот взрывов бомб. И ждут, ждут, ждут. «Ждать и догонять – хуже нет», гласит одна мудрая

народная пословица.

10 августа 1941 г. Центральный фронт

– Тихо, лейтенант! Слышите? – идущий рядом с лейтенантом Ершовым боец остановился и показал рукой куда-то в направлении юга.

– Как бы не артиллерия гремит, – прислушавшись, отметил Петр. – Вызови мне лейтенанта Полозова. Заодно подождем, что охранение доложит, – сказал он уже для себя и поднял вверх руку, передавая по цепочке сигнал остановиться. Бойцы, облегченно вздыхая, располагались около тропинки на отдых. Располагались, наученные горьким опытом, кто у дерева, кто за пнем или пригорком, чтобы в любой момент занять оборону и встретить противника огнем. Взвод Ершова, если посчитать, за время пути превратился фактически в два. Но и потери за это время были чуть ли не вдвое большими. Третий раз выходить из окружения – не шутка.

Полозов и посыльный от сержанта Васильева появились одновременно, так что пересказывать артиллеристу обстановку не пришлось. Да и долго обдумывать – тоже. Тыловая дорога рядом с фронтом, причем, судя по косвенным признакам, неподалеку наступают именно наши.

– Атакуем? – описание батареи из двух небольших пушек, ведущих огонь куда-то в восточном направлении, вдохновило потерявшего свои орудия лейтенанта-артиллериста.

– Подумать надо. – Ершову не хотелось рисковать, но и упускать такой шанс было жалко. Перехватить дорогу в тылу обороняющихся немцев и помочь нашему наступлению было бы хорошо, но вдруг наши не прорвутся. Это будет верная смерть. Противник не успокоится, пока не разблокирует тыловые коммуникации и не уничтожит все помехи снабжению. Но и просто отсидеться в лесу – не выход.

– Пойдем, посмотрим своими глазами, – говорит Ершов, – там и решим.

Через пару минут они с Полозовым по очереди разглядывают в бинокль позиции батареи полковых пушек. Туман уже растаял под напором солнца, и пасмурное утро сменилось уже ярким днем. В лучах летнего солнца хорошо видны две короткоствольные пушечки, вокруг которых суетятся артиллеристы. Пушечки не реже десяти раз в минуту содрогаются, выбрасывая короткие снопики огня.

– Обстреливают наступающих, – замечает Полозов, – видишь, стреляют с максимальной скорострельностью. Заметил, как пушки заряжаются? Просто поднимают казенную часть ствола.

– Меня куда более интересуют вот те две пулеметные точки и отделение пехоты, – невесело заметил Ершов. – А еще вон та колонна, с охраной из мотоциклистов.

Внимательно осмотревшись, Ершов наконец решает, как и в каком порядке атаковать, и вызывает всех бойцов на опушку. Пока идет подготовка к атаке, колонна вражеской мотопехоты скрывается за поворотом и через несколько минут сменяется колонной снабжения из десятка крытых брезентовыми тентами грузовиков.

– Обнаглели фрицы, – замечает кто-то из бойцов. – Воюют прямо с грузовиков.

– Ничего, сейчас мы им покажем, как надо, – оптимистично замечает сержант, готовя вторую связку гранат.

– Ну что, готовы? – Ершов внимательно оглядывает всех лежащих неподалеку. – Атакуем по команде, после моего выстрела!

Пока взвод неторопливо перемещался вдоль опушки к намеченному лейтенантом месту, первая колонна снабжения тоже скрылась, но зато шум боя явно приблизился.

Петр аккуратно выставил прицел на шестьсот метров и прицелился в командовавшего орудиями офицера. Выстрел! Переломившись в поясе, офицер падает.

– В атаку!

С грохотом рвутся брошенные гранаты, с той и с другой стороны практически одновременно бьют абсолютно одинаковые очереди пистолетов-пулеметов, резко хлопают винтовки, атакующие бойцы кричат что-то неразличимое. Пробежав десять метров, уцелевшие красноармейцы схватываются врукопашную с немцами. Несколько мгновений,

наполненных матом, звуками ударов, выстрелами. Несколько мгновений между жизнью и смертью...

Ершов, застрелив из револьвера бежавшего навстречу немца, только что заколовшего одного из его бойцов, подбежал к пулеметному гнезду и разочарованно выругался. Граната, попав прямо в окоп, не только убила расчет, но и покорежила пулемет. А он так надеялся пополнить вооружение взвода.

Наконец сопротивление сломлено, и оставшиеся в живых немцы поднимают руки. Полозов и несколько его артиллеристов уже возятся у одного из орудий. Второе стоит, задрав ствол в небо, поврежденное гранатными осколками. Раненый сержант Васильев сидит на лафете поврежденной пушки, пока санинструктор наматывает ему на руку трофейный бинт. Бойцы, еще не отошедшие от рукопашки, бродят по позиции, собирая трофеи. Ершов подзывает уцелевших сержантов и начинает ставить им задачи, когда на дороге появляются отступающие. Полозов командует, и среди бегущих немцев рвется первый снаряд. Бойцы быстро прыгают в окопы, открывая огонь. Набегающие солдаты падают, ложатся, стреляют в ответ. Мимо проносятся автомобили, с которых огрызаются огнем пулеметы. За бегущими немцами появляются легкие танки со звездами на башнях. Несколько снарядов рвется на позициях взвода, но танкисты быстро разбираются в обстановке и продолжают преследование бегущих немцев.

Немного погодя появляются и наши пехотинцы. Они с удивлением рассматривают выскочивших из окопов и радостно размахивающих руками бойцов Ершова. Вместе с пехотинцами неторопливо двигается несколько КВ. Один из них останавливается прямо напротив лейтенанта, и из люка ловко выпрыгивает танкист.

– Лейтенант Ершов, – докладывает Петр.

– Майор Сидков, – представляется танкист, и Ершов, вытянувшись, отдает ему честь.

17 августа 1941 г. Москва. Кремль. Кабинет Сталина.

Тов. Сталин

– До свидания, товарищ Василевский, – прощаюсь с начальником оперативного отделения Генштаба, выходящим из моего кабинета последним. Еще один день войны. Очередные донесения и очередные решения. До поштучного распределения танков еще не дошло, но пистолеты-пулеметы и вновь выпущенные противотанковые ружья приходится распределять лично. Немцы прут и прут вперед, практически безостановочно. Наши усилия остановить наступление пока приводят лишь к замедлению их продвижения.

Не улучшают настроения и новости о попаданцах. Если верить докладам армейцев, свою задачу они выполнить не смогли, а потери понесли такие, что бригада фактически перестала существовать. Лаврентий пока молчит. Подожду его доклада, мне кажется, что военные чего-то недоговаривают.

Легок на помине, товарищ Берия. Значит, долго проживет.

– Пусть заходит, товарищ Поскребышев.

Здороваемся, и я сразу перехожу на грузинский.

– Давай, Лаврентий, обрадуй товарища по партии, – стараюсь придать интонации голоса максимум иронии.

– Есть, товарищ Сталин. Вот доклад о действиях бригады имени Дзержинского.

– Оставишь бумаги, изучу позднее повнимательней. Доложи кратко суть.

– Получается, что бригада вместе со стрелковой дивизией Бирюзова сумели сдержать натиск целого танкового корпуса немцев. Кроме того, есть некоторые новости по делу «Припять». Сомнительные, но интересные.

– Не преувеличиваешь, Лаврентий? – улыбаюсь в усы. Приятно чувствовать себя умным и знать, что не ошибся в людях.

– Товарищ Сталин... – начинает оправдательным тоном Берия.

– Ладно, Лаврентий, не обижайся, шучу... Что еще?

– Получены результаты расследования деятельности командования Черноморского флота, – переходит на русский Лаврентий Павлович. Значит, накопили его люди что-то

серьезное.

– Докладывайте, товарищ Берия, – тоже перехожу на русский. Настроение портится. Опять неприятные новости, черт побери. Берия докладывает, а у меня внутри постепенно нарастает гнев. Приходится справляться с ним всеми доступными способами. Обхожу стол, затем возвращаюсь и неторопливо набиваю трубку, обдумывая услышанное. Потерянные от торпед своей подводной лодки и на своих минах корабли, потопленная своими эсминцами подлодка, полное отсутствие взаимодействия между флотом и его собственной авиацией. Даже успех в отражении налетов немецкой авиации на Севастополь объясняется наличием единственного на флоте корабельного радара.

Ай да Кузнецов, ай да сукин сын. У него в ведомстве такое творится, а он молчит, как рыба об лед. Ну и что теперь делать? Снять? Нет, пожалуй, не стоит, более адекватного наркома не найти. «Нельсонов у меня для вас нет». Только оставлять такое безнаказанно нельзя. Завтра, кроме обычного заседания, придется по флоту серьезно поговорить. Кого же ставить вместо Октябрьского?

– Товарищ Поскребышев, зайдите.

– Да, товарищ Сталин, – Поскребышев заходит, держа в руках пухлую папку – скоросшиватель. Неужели снова угадал, о чем идет речь? Тогда точно молодец!

– Вот, товарищ Сталин, краткие характеристики на адмиралов, – ай, маладец, ай, хитрец. Как узнал, о чем речь пойдет? Неужели ему Берия выдал? Нет, судя по удивлению Лаврентия, не он. Ладно, разберемся рано или поздно.

– Спасибо, товарищ Поскребышев. Оставьте документы и, пожалуйста, распорядитесь о чае с бутербродами.

Пока Поскребышев организывает нам чаепитие, разговариваем с Лаврентием об агентурном освещении дел на фронте. Ничего утешительного, немцы пока по-прежнему наступают, хотя и несут большие потери в танках и людях. Берия докладывает также о действиях диверсионных групп НКВД и создании партизанских отрядов. Неплохая помощь фронту, если бы не диверсанты НКВД и НКО, немцы точно продвигались бы быстрее.

Наконец появляется горячий чай. Грузинский, но неплохой, да и заварен так, как я заказываю обычно, крепкий. Лаврентий слегка морщится, он китайский предпочитает, но я считаю, что во время войны тратить валюту на такие мелочи не стоит. Неторопливо выпиваем по чашке, закусывая вкусными бутербродами с ветчиной. Появившийся по звонку лейтенант ГБ убирает все со стола, после чего мы снова остаемся вдвоем.

– Что у нас с операцией «Трехполье», товарищ Берия? – и тут же перехожу на грузинский. – Говори, чем обрадуешь, Лаврентий.

Берия снимает пенсне и протирает стекла. Не ожидал вопроса?

– Пока на начальной стадии, товарищ Сталин. Нашли подходы к «Гимнасту», «Ниндзе» и «Варягу». Понемногу скармливаем им сведения. К началу декабря, я думаю, они будут готовы принять любое наше послание. Тогда мы и расскажем им про «жемчуг», «газ» и «носители», – в глазах Берии легко читается вопрос, откуда сам товарищ Сталин узнал это. Но он молчит, внешне принимая все как должное. А сюрприз американцев ждет неслабый. Теперь японцы будут знать о предстоящем уходе авианосцев из Перл-Харбора и о сосредоточенных на Оаху запасах топлива для американского флота. Посмотрим, насколько это им поможет. Выиграть они все равно не выиграют, зато наших союзников смогут потрепать посильнее. Не все американцам за нашими спинами прятаться.

– Хорошо, Лаврентий. Более подробного доклада жду через неделю.

Отпускаю Берию и сажусь читать доклады. Сначала по флоту. Так, вроде бы получается, что из всех кандидатур подходят Галлер и Левченко. Кстати, вспоминаю, что читал что-то такое про Левченко. В «Варианте Бис» вроде бы? Надо еще подумать.

Теперь читаем про друзей. Так, прибор. Интересно, инженерный калькулятор или наладонник? Как бы его нашим ученым заиметь. Сейчас это, наверное, самый мощный компьютер на всей Земле. Надо бы, кстати, придумать на будущее хорошее русское слово. Что-нибудь вроде «вычислитель». Не забыть потом...

24 августа 1941 г. Западный фронт. Полевой аэродром 162-го истребительного авиационного полка.

Николай Козлов

«Мы взлетали, как утки, с размокших полей. Десять вылетов в сутки, куда веселей» – крутятся в голове Николая слова недавно услышанной песни, авторство которой приписывают самому Василию Сталину. Поле, конечно, не размокшее, лето по-прежнему сухое. Зато слова про десять вылетов абсолютно точные. После пятого-шестого вылетов хочется только лечь и заснуть, ни о чем не думая. Но немцы отдохнуть не дают, летают и летают. Приходится глотать таблетки, которые выдают доктора, и снова летать, прикрывая пехоту на земле, разведывая и штурмуя фрицев. Вот и сейчас вместо отдыха Козлов и Коротин готовятся к вылету на разведку. Надо найти аэродром базирования немецких пикировщиков. Недавно переброшенная эскадрилья на новых, модернизированных «Юнкерсах», стала головной болью советского командования. Поэтому командир полка и поставил задачу Козлову – обнаружить аэродром во что бы то ни стало.

«Хорошая машина МиГ. Мне бы такую в Барановичах, сколько бы еще немцев я уничтожил. Но с другой стороны – «ишачки» бросить пришлось? Пришлось. Жалко было, но сожгли сами, чтобы фрицам не достались. МиГ, пожалуй, еще жалче было бы. Хороша машина, хотя и тяжеловата на малых высотах. Так мы стараемся там и не особо воевать. Налетел сверху, ударил и опять на высоту. А там мы короли, даже «мессы» нас побаиваются. Скорость, маневр, вооружение из двух пушек – что еще надо истребителю», – привычные, выполняемые на автомате действия нисколько не мешают Николаю размышлять во время полета. Мысли перебивает щелчок в наушниках – это Вячик предупреждает, что пара подлетает к возможному месту базирования немцев.

Пара снижается, пробивая кучевые облака, негустые, но все же мешающие разглядеть самолеты с земли. Вылет удачный, самолеты с первого момента оказываются прямо над аэродромом. Козлов щелкает кнопкой слева на боковой панели, запуская АФА, установленный на этот вылет под фюзеляжем. Штука нужная, но уж очень неудобная. Немцы не успевают опомниться, видно, как бегут к зениткам расчеты. Пара орудий, видимо, дежурная, открывает огонь, пытаясь подбить внезапно появившиеся краснозвездные истребители. Поздно, набравшие скорость самолеты змейкой пробивают облака, уходя в сияющую высоту небес.

Николай передает в эфир:

– Первый ноль, первый ноль, ноль седьмому. База лапотников, полсотни штук, квадрат шесть по улитке восемь, ориентир – лес Долгий, правее три. Как поняли? Прием.

Повторять передачу нет необходимости, квитанция приходит немедленно. Задание выполнено, разведчики боевым разворотом уходят в облака. Вслед им запоздало бьют зенитки.

Выруливая на стоянку, Козлов замечает, что аэродром пуст. Ни одного нашего истребителя, ни Лаггов первой эскадрильи, ни МиГов второй и третьей не видно. Выбираясь из кабины, Николай спрашивает механика, куда пропали самолеты.

– Полк всем составом вылетел на штурмовку обнаруженного аэродрома. Вы с Коротиним остались на аэродроме вдвоем, – докладывает механик.

Пока технари возятся с самолетами, летчики идут в столовую.

– Что приуныл, Вячик?

– Да вот, что-то с движком, температура масла зашкаливает. Сейчас будут разбираться.

– Понятно. Ничего страшного, сделают.

Они допивают компот, когда подбегает взволнованный боец из стартовой команды.

– Товарищ лейтенант, тревога! Приказано вылететь на перехват бомбардировщиков.

– Твою ж мать! – успевает выругаться на бегу Вячик. – Мой не готов!

Как горный козел, Козлов заскакивает в кабину, буквально на лету пристегивая подвесные ремни. Привычная процедура запуска движка. Выруливание, связь с КДП, получение разрешения на взлет. Истребитель Николая набирает высоту в одиночку, машину

Вячеслава отремонтировать не успели.

– Квадрат... Курс... скорость... высота... – передает оператор наведения.

Бомбардировщики идут точно на станцию, где выгружаются войска. Разворачиваю машину на пересекающийся курс и набираю скорость и высоту. Высота и маневр сейчас единственное его спасение. Шестерка «Юнкерсов» под охраной звена «мессеров». Немного, но для одинокого советского истребителя хватит вполне.

– Ну, и где я вас всех хоронить буду, сволочи? – заходя боевым разворотом прямо им в переднюю полусферу, говорит сам себе Николай, сваливая истребитель в пике и целясь точно на кабину ведущего. Скорость растет, с крыльев начинает белыми вихрями срываться воздух, самолет весь дрожит, как будто в предвкушении драки. Силуэт «восемьдесят восьмого» растет в прицеле. Немецкие летчики успевают заметить атакующий «ястребок», бомбер пытается увильнуть в сторону, но летчик уже жмет на гашетку. Николай замечает разрывы первых снарядов, изо всех сил вытягивая рукоятку на себя. В глазах летчика темнеет, самолет, постанывая всеми элементами конструкции, выходит из пике, одновременно переходя в боевой разворот. Неожиданно оказывается так, что в прицел попадает второй бомбер. Очередь, сваливается второй... «Так, а вон еще один. Упорный какой. Мало того, что не испугался, так еще и на боевой курс становится, сволочь! Ну, погоди, покажу я тебе боевой курс!» Прикрывая бомбардировщик, сверху на Николая сваливается пара охраняющих «мессеров». Но Козлов выпускает посадочные щитки, самолет словно бы «вспухает» и тормозит. «Мессеры» проносятся мимо, Николай жмет на гашетку, но очередь проходит мимо успевшего свалиться ниже «Мессершмитта». Отогнав «мессеры» и используя преимущество МиГа в скорости, Николай догоняет «Юнкерс», стрелок которого палит в белый свет, как в копеечку, с мертвого угла.

Условия для стрельбы идеальные, и Козлов жмет на гашетку. Пушки молчат. Отказ оружия! «Чтоб тебе...!» Еще одно нажатие на гашетку. Тишина, даже звуки двигателя не улавливаются ушами. Если бы не отблески солнца на вращающемся винте... «Винт!» – мелькает у Николая радостная мысль. Добавив газ, он нагоняет бомбардировщик, потом уравнивает скорости и винтом ударяет по хвосту «Юнкерса». Страшной силы удар, потеря сознания... Вернувшийся «Мессершмитт» всаживает очередь в неуправляемый самолет. МиГ вспыхивает, но через минуту из его кабины вываливается человек. Над ним распускается белый купол парашюта... Ведущий «мессер» делает боевой разворот, стрекочут пулеметы, и в куполе парашюта появляется множество не предусмотренных конструкцией дырок. Ревя моторами, проскакивают «мессеры».

«Сволочи, решили отомстить, пока я беспомощный. Как хочется жить, господи... Мама!... Сейчас, наверное, вторая пара зайдет, и мне конец. Жаль, мало фашистских стервятников успел уничтожить. Отомстите за...» – Николай не успевает додумать, сверху слышны отчетливые очереди наших ШВАК. Ведущий «Мессершмитт», уже докрутивший половину виража, вспыхивает и, объятый пламенем, пикирует к земле. Ведомый резко сваливает в сторону, вслед ему проносится еще одна очередь. Затем становится виден МиГ Коротина, до того не заметный за куполом парашюта. Вячеслав выходит из пике и переходит в набор высоты.

Земля приближается с устрашающей быстротой, Козлов приземляется на остатках основного парашюта. С силой приложившись о землю, он теряет сознание и уже не видит, как к нему спешат бойцы из роты охраны штаба фронта.

«...вылетев на перехват в одиночку, Козлов смело атаковал шестерку бомбардировщиков неприятеля, прикрытую звеном «Мессершмиттов». [...]

Этот бой, длившийся двадцать минут, наблюдало командование Западного фронта – командующий Тимошенко и член военного совета Мехлис. 26 августа Николай Козлов был представлен к званию Героя Советского Союза. Его боевой счет после того памятного боя составлял 9 сбитых самолетов. Но награждение не состоялось – войска фронта попали в тяжелое положение, и стало не до наград.

В ходе этого боя Николай Козлов получил серьезные ранения: была ранена левая нога, при приземлении на разодранном парашюте повреждена правая. Требовалось длительное лечение. Николая отправили на санитарном поезде в тыл, но в Саратове он от поезда «отстал».

«Герой Советского Союза Николай Козлов»²⁶ С страница рус: бви: авиация: история: асы_вов:Н_Козлов»

1 сентября 1941 г. Центральный фронт. Вязьма

Части дивизии высаживались из вагонов прямо на входной стрелке. Собираясь в колонны, они скорым маршем устремлялись к местам, на которых предстояло держать оборону. Роте Ершова повезло, идти пришлось совсем недалеко, до запасных путей рядом с полуразрушенным вокзалом. Пути забиты разбитыми и обгоревшими вагонами, рядом с которыми валяются втоптаные в землю обрывки каких-то вещей. «Все ясно, последствия немецкой бомбежки», – думает Петр. Рота вгрызается в землю, маскируясь вагонами. Два «Максима» старший лейтенант ставит на флангах, так чтобы они поражали наступающих косоприцельным огнем.

Забравшись на один из вагонов, Ершов осматривает окрестности, прикидывая возможные пути движения танков. «В пакгаузы рабочей территории они не полезут, а вот вдоль путей выйти нам во фланг – наверняка попробуют», – размышляет, карабкаясь по искореженным остаткам вагона, Петр.

– Иваныч, – окликает он командующего двумя расчетами ПТР сержанта, уже наметившего позиции и распекающего нерадивых бойцов одного из расчетов за плохо отрытый окоп. – Брось, здесь окоп все равно не нужен. Я сверху посмотрел, танки, скорее всего, левее пойдут. Туда и перемещайся обоими расчетами.

– Есть, – отвечает немногословно сержант и повернувшись к замершим бойцам, добавляет: – Слышали? Так, хватайте свою «удочку» и барахло, передислоцируемся левее, к вон тем путям. И не думайте, что я забуду про ваше разгильдяйство. По наряду вне очереди каждому, ясно?

Едва рота успела занять позиции, как в районе вокзала и вспомогательных построек встали столбы разрывов. Но обстрел длился недолго, короткий огневой налет сменился мучительной тишиной. Грохот боя доносился со стороны города и справа, откуда-то издалека, из района обороны соседней дивизии. А здесь было тихо, только в воздухе пятерка наших истребителей крутилась в небе, полосую его трассами очередей, пытаясь противостоять двенадцати «мессерам». Впрочем, занятые друг другом авиаторы пехоту не трогали, и, мельком поглядев на разворачивающуюся в небе карусель боя, Петр забыл про них, ожидая наземного наступления.

Еще один огневой налет, теперь уже ближе к позициям роты. Едва успела опасть земля, как до слуха Петра доносится завывающий рев моторов. Танки! – доносится откуда-то сбоку приглушенный крик. И вот они. На привокзальную площадь выползают несколько громоздких, похожих на поставленные на гусеницы вагоны, громадин с небольшой башенкой наверху. Один из гигантов разворачивается, и Ершов видит ствол как минимум трехдюймового калибра, торчащий из корпуса.

– Ну ни хрена ж себе! – вырывается у стоящего рядом старшины. Эти слова заставляют Петра опомниться. – Приготовиться! Огонь по команде!

Вслед за медленно ползущими танками, которые, вращая башенками на корпусе и время от времени постреливая из пулеметов и маленькой пушки, надвигались на позиции роты, появилась цепь пехотинцев в расстегнутых мышино-серых шинелях. Немецкие пехотинцы шли, и ветер раздувал полы шинелей. Поблескивали широкие ножевидные

²⁶ Реальный случай. Бой Николая Козлова происходил над штабом Брянского фронта, его наблюдали генерал Еременко и член военного совета Пономаренко. Только вооружен его самолет был не пушками, а одним 12,7-мм пулеметом УБС и двумя 7,62-мм ШКАС.

штыки. За ремнями виднелись гранаты с длинными ручками и саперные лопатки, унтера и офицеры поводили короткими стволами автоматов, готовясь открыть огонь.

– Огонь! – отдал команду Ершов. Сухо треснули выстрелы винтовок, зарокотали ручные пулеметы, грохнули противотанковые ружья. Петр даже присвистнул от изумления, заметив на броне танка светлячки от попадания пуль ПТР. На дистанции сто метров и не пробить бортовую броню – такого Ершов еще не видел. Но долго наблюдать ему не дали. Танки, остановившись и развернувшись, дали дружный залп из своих закрепленных в корпусах пушек. Ершов, упавший на дно окопа, почувствовал, как содрогается от взрывов земля. Не успел затихнуть грохот взрывов, как приподнявшийся Ершов увидел набегающую толпу немцев.

– Огонь! – подхватив валяющийся рядом с убитым замом ППШ, Петр передернул затвор и начал поливать бегущие фигуры короткими очередями. Рядом стрелял из винтовки, лихорадочно передергивая затвор, не целясь, посыльный, из окопов постреливали уцелевшие после обстрела бойцы, знакомо рокотал один из «Максимов». Горел один из танков, неосторожно приблизившийся к разбитому вагону. Несколько раз в шуме стрельбы Петр слышал резкие хлопки выстрелов противотанковых ружей. На его глазах остановившийся метрах в двухстах танк вдруг как-то резко вздрогнул, по его броне пробежала струйка огня, повалил густой дым, и из открытых дверей-люков стали выскакивать танкисты. Ершов, пригибаясь от пролетающих над головой пуль, дал одну длинную очередь в том направлении и с удовлетворением увидел, как две фигурки в комбинезонах резко упали, словно сваленные удачным броском биты городки. Перебежав по окопу, Ершов добежал до места, на котором до начала боя стоял второй пулемет. Сейчас же вместо него осталась лишь глубокая воронка, рядом с которой валялись непонятные куски металла и обрывки одежды. Оглянувшись, Петр увидел посыльного, который, прижавшись к земле, смотрел испуганными глазами на лейтенанта.

– Рядовой Сидоров! – уставное обращение привело бойца в чувство, он даже попытался вытянуться по стойке «смирно», впрочем, сразу пригнувшись от свистящих над головой пуль.

– Срочно к Федорову. Пусть выдвинет на правый фланг два отделения с ручниками.

– Есть! – и боец скрылся в ходе сообщения.

Опять нырнув на дно окопа и переждав орудийный обстрел, Ершов перебежками вернулся на КП. Вместо перекрытия в два наката торчали расщепленные бревна, на краю окопа поблескивал уходящий под груды земли телефонный кабель.

Петр опять приподнялся над бруствером и осмотрелся. Немцы, похоже, заколебались, атакующая цепь залегла и явно не спешила подниматься, уцелевшие танки так же неторопливо отползали назад, хотя и продолжали время от времени неприцельно плеваться огнем из своих трехдюймовок.

– Черта с два они нас взяли! – раздался рядом голос старшины. «Уцелел, – обрадованно подумал Петр. – А танки какие-то необычные. Помнится, что-то такое говорили на инструктаже, про французские образцы. Точно, тяжелые танки Б-1, кажется! Надо будет доложить»...

17 сентября 1941 г. г. Москва. Кремль. Кабинет Сталина.

Тов. Сталин

– ...в 6.15 наши войска перешли в контрнаступление. Но успеха добиться не удалось. Ударная группа шестнадцатой армии по причине слабости состава и неудобной для наступления местности продвинулась лишь на несколько сот метров. Основные же части левого фланга армии вместо наступления на восток, навстречу двадцатой армии, наступали на юг, выдавливая противника на прежнюю линию обороны. Тем временем группа Мостовенко, атакуя усиленными танками стрелковыми частями в обход узлов сопротивления противника, вышла к реке Вытебеть...

Разбираем неудачное контрнаступление Центрального фронта. Планировалось не просто нанести контрудар, а окружить часть наступающих немцев и даже заставить их

прекратить наступление. Не удалось, и вот теперь на заседании ГКО пытаемся решить вечные русские вопросы «Кто виноват?» и «Что делать?». Причем большинство явно интересуется именно первый, а вот меня и Бориса Михайловича – второй.

– То же самое происходило в группе Копцова – вопреки распоряжению командующего армией, но по распоряжению командующего фронтом, переданному через голову армейского командования, «тридцатьчетверки» сто тринадцатой танковой бригады пятнадцатого мехкорпуса пошли в наступление в боевых порядках сто пятьдесят четвертой стрелковой дивизии, скоро обогнали их, но наткнулись на прикрытый минами овраг и были остановлены. Попав под удар авиации противника, лишенные прикрытия нашей авиации, они понесли большие потери. Даже ввод в бой семнадцатой мотострелковой бригады не смог исправить положения...

Отсутствие взаимодействия родов войск, слабая подготовка пехоты – наши недостатки проявились здесь во всей красе. Стоило после этого составлять инструкции, если их никто не читает и бой ведется «на авось», без разведки, без подготовки. От злости затягиваюсь так сильно, что с трудом удерживаю кашель. Выдыхаю, а затем спрашиваю, сквозь прикрывающий мое лицо дым, классически:

– А что скажет товарищ Жуков?

Вскочивший Жуков начинает докладывать о недостатке времени для подготовки, о малой плотности артиллерии на участках прорыва. Прерываю его еще одним вопросом:

– Скажите, товарищ Жуков, вы Наполеона считаете великим полководцем?

От неожиданности генерал резко умолкает и смотрит на меня словно кролик на удава. Что, не понимаешь? Сейчас разъясню:

– Товарищ Жуков, еще Наполеон отметил одно из важнейших условий победы, заключающееся в твердом и непрерывном управлении войсками. Вы помните его высказывание по этому поводу? – и неожиданно для присутствующих произношу эту фразу на французском. – *Ordre, contr-ordre, des-ordre.* – Но Жуков есть Жуков, его замешательство длилось не более секунды, он уже все проанализировал и не медля ни мгновения отвечает:

– Товарищ Сталин, эти слова Наполеона мне известны. Перемена приказа в ходе боя действительно приводит к беспорядку, но если нижестоящая инстанция не справляется с управлением...

– Поэтому вы и командовали через голову командующего армией? И вы считаете, что ваши приказы не приводили к беспорядку? – добавляю в голос иронии. – А вы не пробовали командовать каждой ротой через головы командиров армий, корпусов, полков и батальонов? Может быть, тогда вы добились бы большего успеха? – Тут же разворачиваюсь к Борису Михайловичу. – Есть мнение, что товарищ Жуков недооценивает роль управления в современной войне. Есть мнение, что ему, как и некоторым нашим командующим, необходимы краткие курсы повышения квалификации на базе Академии Генерального Штаба. Как вы считаете, Борис Михайлович?

Шапошников меня поддерживает, но возражает, что менять прямо сейчас командование фронтом не стоит. Его поддерживают Тимошенко и Маленков. Если присмотреться внимательно, то заметно, что с ними согласны большинство присутствующих. Уступаю, но предлагаю рассмотреть этот вопрос позднее. Все соглашаются, и Василевский продолжает доклад. Разбираемся дальше, а после подведения итогов я предлагаю издать приказ о правильном применении бронетанковых и механизированных войск. Кроме того, приходим к выводу, что необходимо ввести в штаты всех бригад и дивизий учебную команду, чтобы получаемые пополнения дополнительно готовились прямо во фронтовых условиях.

Наконец, с сухопутными делами закончено. Теперь докладывает Новиков. Операция «Всполох», которая продолжается уже две недели. Вторую неделю через ночь Гитлер просыпается от взрывов наших бомб. Восемьдесят первая дивизия под командованием Голованова творит чудеса. Переоборудованные под АМ-35А «петляковы», новые «ермолаевы», старые «ильюшины» дивизии сбрасывают на промышленные районы (ну, а

если промахнутся, то и на жилые кварталы) вперемешку фугасные и зажигательные бомбы. Немцы хотели истребительную войну? Ну вот, пусть попробуют на своей шкуре, что это такое. А вчера два Пе-8 сбросили по тонной бомбе каждый. Не знаю, насколько эффективна была бомбардировка, но на американских журналистов подействовало. Согласно их сообщениям, русские сбросили сверхмощные авиабомбы, взрывы которых были слышны по всему Берлину.

Неплохо зарекомендовала себя разработанная всего за два месяца инфракрасная аппаратура. Используя ее, тренированные экипажи могут летать ночью строем. Так что немецкие ночники побаиваются атаковать наши бомберы. Жаль, что ТАМ у наших не было такого. Но такое вряд ли могло появиться без послезнания, как и более широкое применение диверсантов и некоторые другие, привычные для нас, живущих ТАМ, стоящих на плечах нынешних гигантов, вещи.

«Непрерывные и иррациональные, зачастую бесполезные советские наступления неощутимо разрушали боевую силу немецких войск, вызвали потер и, которые побудили Гитлера изменить его стратегию и в конечном счете создали условия для поражения вермахта под Москвой. Те советские офицеры и солдаты, кто пережил их серьезное и дорогое крещение огнем, в конечном счете использовали свое ускоренное обучение для нанесения ужасных потерь своим мучителям».

D. Glanz ²⁷ *«Barbarossa. The Hitler's Invasion to Russia. 1941» p. 206, NY.*

1 ноября 1941 г. «Вольфшанце»

— ...Вследствие этого мы вынуждены приостановить наступление на фронте Группы Армий «Центр» до получения дополнительных подкреплений. Если будет позволено, я бы даже предложил частично сократить линию фронта, отведя войска четвертой армии и второй танковой армии на линию...

— Что? Гальдер, вы опять придумали что-то неприемлемое? Ни о каком отступлении не может быть и речи! Вы предлагаете отступить сейчас, чтобы потом, в ходе наступления, опять отвоевывать уже политое кровью наших солдат пространство? Нет, нет и нет. Остановка наступления — временная. Поэтому приказываю закрепиться на достигнутых рубежах и готовить исходные районы для окончательного наступления на Москву. Большевики достигли предела в наращивании своих сил. Все их резервы брошены на фронт, в тщетной попытке остановить натиск наших армий. Но мы имеем возможность снять дополнительные силы из Франции. Англичане прочно заперты на своем острове, они не смогут высадить десант в зимнее время, а к началу лета мы уже сможем перебросить основные части вермахта обратно. Вот, господа генералы, рецепт победы, который я вам предлагаю. Вам остается только воплотить его в жизнь!

— Но, мой фюрер, если русские снимут войска с Дальнего Востока?

— Гальдер, вы неисправимый пессимист. Как они могут ослабить оборону перед лицом готовой к наступлению японской армии. Не так ли, Риббентроп?

— Так точно, мой фюрер. Японцы заверили меня, что с началом нашего наступления на Москву их Квантунская армия также перейдет в наступление.

— Видите, Гальдер? Мною учтено все.

— Да, мой фюрер, все. Кроме возможных резервов русских.

— Гальдер, вы специально провоцируете меня? Адмирал, сколько резервных дивизий могут выставить русские?

— По нашим данным, не более пяти-десяти дивизий, но практически без вооружения, инженерного имущества и даже обмундирования. Вот доклад маршала Буденного,

²⁷ Цитата из реальной книги Д. Гланца «Перед Сталинградом. Барбаросса. Вторжение Гитлера в Россию».

полученный нашими агентами. В нем он сообщает, что формируемая двести семьдесят третья пехотная дивизия не получила ни палаток, ни обмундирования, в артиллерийском полку имеется всего двадцать орудий образца тысяча девятьсот второго года и ни одной гаубицы, а стрелкового вооружения получено всего тридцать процентов от штата.

– Видите, Гальдер, разведка подтверждает мою правоту. Большевики исчерпали все возможности для сопротивления. Их четыреста дивизий по силам едва равны ста пятидесяти нашим, а после получения подкреплений мы будем иметь еще большее превосходство. Поэтому я уверен в успехе. Остается лишь как можно тщательней подготовиться, не упуская ни малейшей мелочи, и мы сможем перейти в решающее наступление этой войны!

«На 31 декабря 1941 года Красная Армия состояла из 74-х армий (50 полевых, 5 механизированных, 18 воздушных и трех – ПВО), 250 корпусов (157 стрелковых, 37 механизированных, 6 артиллерийских, 7 ПВО и 34 авиационных) и 838 дивизий и бригад.

«Краткий очерк истории Второй мировой войны» под ред. полк. Гарева М. С. М., 1975.

10 ноября 1941 г. Западный фронт.

439-й истребительный авиapolк.

Николай Козлов

Пяти недель в госпитале и санитарном поезде, везущем раненых куда-то в тыл, было, конечно, мало, чтобы вылечиться полностью. Но Козлову хотелось снова летать, вновь драться с нацистами. Воспользовавшись длительной остановкой поезда в Саратове, он сбежал и, расспросив патрульных, добрался до местного штаба ПВО. Командир зоны противовоздушной обороны скептически смотрел на прихрамывающего летчика с палочкой, но ему очень не хватало летчиков для формирующегося истребительного полка. Поэтому он согласился на настойчивые уговоры.

Врач в полку первое время тоже не хотел допускать Николая к полетам, но потом, тщательно проверив состояние ног, даже заставив сделать рентгеновские снимки в местной поликлинике, сдался. Едва Николай выполнил несколько вывозных полетов, как полк перебросили в распоряжение командования ПВО Москвы, а оттуда – в распоряжение воздушной армии Западного фронта.

На земле царил странное спокойствие. Понесшие потери немецкие войска кое-где переходили в небольшие, чисто тактические наступления, советские войска продолжали обороняться. В итоге фронт практически застыл.

Даже в воздухе в районе патрулирования полка царил покой, и поэтому на прикрытие летали парами. Недавний приказ Главкома ВВС Новикова требовал, чтобы патрулировавшие истребители использовали прием «качели», непрерывно изменяя высоту и скорость. Набрав высоту, самолеты начинали полого снижаться, набирая скорость. Набрав максимальную скорость, летчики переходили в набор высоты. При этом в нижней точке траектории самолеты имели запас энергии, позволявший энергично маневрировать, а в верхней имели преимущество в высоте над появлявшимися самолетами противника. Недавно введенный, этот порядок пришелся по душе всем летчикам-истребителям. Теперь они не кружили над охраняемым объектом на малой скорости, способные только на оборону от внезапных атак «Мессершмиттов», сейчас они могли сами атаковать, имея преимущество или в высоте, или в скорости.

Набрав высоту и уже собираясь перейти в снижение для возвращения на аэродром, Николай замечает колонну из дюжины бипланов, идущую с востока к фронту. Командный пункт молчит, но Козлов на всякий случай передает по радиации:

– Я Серый, самолеты на шесть.

Успев заметить, что ведущий сменяющей их пары покачал крыльями, Николай переводит самолет в пологое снижение, стремясь оказаться поближе к летящей колонне. КП по-прежнему молчит, в наушниках внезапно начинают завывать помехи. Помехи не сильные,

но могут помешать связаться с КП, поэтому приходится полагаться только на себя. На немецких позициях вспыхивают кроваво-красные сполохи разрывов артиллерийских снарядов.

С близкого расстояния рассмотрев летящие бипланы, Николай заметил висящие под нижним крылом характерные силуэты реактивных снарядов. «Летят на штурмовку. Что же, прикрою при необходимости», – подумал он, проверив запас топлива. Качнув крыльями в виде приветствия, пара Козлова развернулась на параллельный курс. Ведущая «чайка» тоже покачала крыльями в ответ.

На земле царит огненное веселье. На узле сопротивления фрицев рвутся и рвутся снаряды, но и противник не остается в долгу, отвечая огнем. По ранее белоснежной, а теперь грязной поверхности земли медленно ползут коробочки танков. Некоторые горят, и густой жирный дым поднимается к небу, затрудняя наблюдение. Заметив подлетевшие самолеты, наступающие советские войска выпускают несколько ракет красного дыма. Перестроившись в круг, «чайки», не обращая внимания на вспыхивающие разрывы зенитных снарядов, начинают обстреливать фрицев. Сорвавшиеся с крыльев огненные змеи устремляются к земле, добавляя к царящему там хаосу и дыму свою лепту. Стремясь помочь штурмовикам в их нелегком труде, пара Козлова атакует обнаружившую себя огнем батарею немецких зениток. Внизу что-то взрывается и горит, зенитки замолкают. Выйдя из атаки, Николай замечает, что оставшиеся девять штурмовиков уходят, снова собравшись в колонну. Проверив остаток топлива, он тоже разворачивается к аэродрому. Оставшаяся в воздухе пара провожает их несколько минут, а потом возвращается к патрулированию.

До аэродрома остается совсем немного, когда в кабине вдруг становится жарко. Температура воды выше допустимой нормы и продолжает расти. Еще немного, и движок заклинит. Передав по радиации о происшествии, Николай высматривает подходящую площадку внизу и начинает снижаться. Внезапно движок несколько раз чихает. Потом слышится резкий скрежет, удары, словно в моторе что-то лопнуло, и он окончательно глохнет. Все, остается только садиться на брюхо.

Земля приближается быстро, скорость еще высока, и, подумав, Козлов выпускает щитки и закрылки. Самолет резко теряет скорость, снижается... удар, еще удар. Трехтонная машина мчит по равнине, словно санки, поднимая тучи снега. Резкий удар, машина останавливается.

С трудом расстегнув привязные ремни, Николай с силой бьет ногами в не желающий открываться фонарь. Наконец, когда в воздухе уже ощутимо пахнет бензином, фонарь слетает, и Козлов выскакивает из кабины наружу.

Но самолет не загорается, а вдали уже появляется машина наземной поисково-спасательной команды...

Как выяснилось позднее, осколки зенитного снаряда повредили заслонку охлаждения мотора. Самолет отправили в авиаремонтную мастерскую.

15 ноября 1941 г. Центральный фронт. Район боевых действий Подвижного отряда Двадцатой армии

Грохот артиллерийской канонады заглушило лязгом гусениц и ревом дизеля проходящего мимо танка. Командир мотострелковой роты капитан Ершов выпустил в небо красную ракету, крикнул связисту: – Пошли! – и вскочил, стремясь успеть за поднявшимися раньше взводами. На бегу Петр внимательно смотрел, как идут в атаку его бойцы. «Все-таки жаль, что его не вернули в родную дивизию, а направили сюда, хотя и здесь люди хорошие...» Свистнувшая мимо уха пуля мигом выбила из головы все посторонние мысли. Еще несколько ударили в броню танка. Вскрикнув, упал один из бойцов-посыльных, остальные мигом упали на снег и откатились в стороны. Петр, лежа за длинным застругом, приподнял голову. Откуда-то сбоку, из опорного пункта рядом с развалинами, бил короткими очередями пулемет, заставив часть пехоты залечь. Танки, словно не замечая этого, по-прежнему ползли вперед, иногда останавливаясь и стреляя. Вот только стреляли они не в эту, хорошо замаскированную пулеметную точку. «Сейчас отсекут нас от танков,

потом подожгут их, а потом...» – подумал Петр, перевернувшись на спину и доставая из громоздкой кобуры не менее громоздкую неудобную ракетницу. Откатившись в сторону, он с удовольствием увидел, как пули вспороли опустевший снег на месте его старой лежки, и тут же выпустил ракету в сторону фрицевского пулемета. Ракета, оставляя красный дымный след, еще летела в сторону развалин, когда сразу три танка остановились и начали разворачивать башни в ту сторону. Один из танков, выглядевший неуклюже на фоне остальных из-за высокой башни с пушкой корпусного калибра, несколько запоздал. Его оглушительный выстрел раздался уже после того, как рядом с развалинами поднялись высокие кусты разрывов снарядов, выпущенных двумя другими танками. Но после этого выстрела пулемет замолчал окончательно. Ершов вскочил, заметив, как впереди него также поднимаются люди и, стреляя на ходу, устремляются вперед, вслед за тронувшимися с места танками. Ветер донес до Ершова рев моторов и крик его бойцов. Рывком пробежав с полсотни метров по плотному, утопанному ногами бегущих впереди и гусеницами танков грязному снегу, Петр добежал до немецкой траншеи. Весь в горячем поту, запаленно дыша, он заметил, как поодаль в траншее мелькнули каски его бойцов. Несколько раз глубинным, словно подземным, грохотом рванули ручные гранаты. В узкой траншее валялось, мешая проходу, несколько немецких трупов. Петр оглянулся. Сзади подбегала резервная цепь, стремясь догнать ушедшие вперед танки.

– Связь! – крикнул он копошившемуся в траншее телефонисту. Тот поспешно покрутил ручку только что установленного телефона, но тут же отрицательно покачал головой.

– Посыльного к комбату, – надрывая голос, снова крикнул Петр и вдруг понял, что уже несколько секунд над полем боя слышен только рев моторов. Никто, ни фрицы, ни наши, не стрелял...

Пока неожиданно подошедшие к Кирову подвижные части русских войск перемалывали поспешно занявшие оборону немногочисленные части охраны и батальона связи, штаб второй танковой армии поспешно готовился к эвакуации. Нет, что вы, никакой паники. Просто само штабное хозяйство достаточно громоздко, и собрать его мгновенно невозможно. Поэтому в стоящие на площади напротив большого особняка в псевдоклассическом стиле машины грузились лишь офицеры, самые важные документы и часть имущества. Все остальное уничтожалось. Дым от горящих бумаг поднимался к низкому, затянутым облаками, зимнему небу.

– Герр генерал, все готово! – вбежавший в комнату адъютант прервал размышления стоящего у окна генерала. Кивнув, генерал повернулся и с невозмутимым лицом вышел вслед за офицером из комнаты.

Опускаясь в люк своего командирского танка, генерал еще раз внимательно посмотрел в сторону идущего на восточной окраине города боя, затем махнул рукой и аккуратно прикрыл за собой люк. Дернувшись, танк тронулся с места. За ним потянулась колонна штабных автомобилей и автобусов...

«Неплохо мы тогда под Кировом затарились. Пока конники Крюкова с нашим первым батальоном в лобовой атаке сковывали фрицевскую оборону, мы по лесам обошли и вдарили с тыла. Вот тогда и затрофеились, а крюковские кавалеристы вообще о тличились – штаб отступающий вырубил вчисту ю. Потом оказалось, что штаб-то гудериановский. Со противлялись они упорно. Только вот против кавбригады образца сорок первого года, из двух кавалерийских полков и танкового батальона на Т-34 и Т-5 0, продержаться долго не смогли. Да и самого Гудериана позже, так сказать, нашли».

Особая папка № 1. Дневник Сергея Иванова

«...декабря 1941 г. Рузвельт получил расшифрованный текст ноты, которую японские дипломаты Номура и Курусу должны были вручить на следующий день. Прочитав ноту, Рузвельт сказал: «Эт о война». Гопкинс предложил нанести превентивный удар, но Рузвельт отверг это, заявив: «Нет, мы не можем это сделать. Мы демократический и миролюбивый народ. У нас хорошая репутация».

3 декабря 1941 г. Тихий океан

Несмотря на утихший ветер, погода не благоприятствовала атакующим, туман затруднял ориентировку и посадку на палубу авианосцев. Но настоящих самураев не должны страшить и не страшили такие трудности при выполнении долга. Первая волна самолетов поднялась строго по расписанию. Над палубами авианосцев с ревом пронеслись, казалось, разрывая туман в клочья, полсотни бомбардировщиков с подвешенными под фюзеляжами тяжелыми бронебойными бомбами, сорок торпедоносцев и столько же пикировщиков, прикрытые от возможных атак американских перехватчиков вьющимися вокруг юркими истребителями «Мицубиси тип Ноль».

Лейтенант Исихара Тацуо проводил улетающие самолеты взглядом и продолжил постановку задач экипажам девятого ударного отряда:

– По моей команде разделяемся на звенья и наносим последовательные удары по механическим мастерским в районе дока «Десять-Десять». Ориентиры все запомнили? Учтите, что над гаванью может стоять дым от горящих кораблей. Поэтому ориентироваться надо очень точно, чтобы ни одна бомба не пропала даром. Ясно?

– Так точно, господин лейтенант! – дружно отозвались штурмана.

– Тогда напоминаю вам сегодняшний приказ господина адмирала: «Взлет или падение империи зависят от этой битвы. Каждый должен выполнить свой долг». По самолетам!

Поклонившись стоящему на возвышении лейтенанту, экипажи дружно развернулись и колонной по два устремились к стоящим на палубе бомбардировщикам.

Самолеты, взлетевшие первыми, еще достреливали последние остатки боекомплекта, еще не опомнились от неожиданности выбежавшие из столовой американские военные, увидевшие поднимавшиеся над аэродромом Уэйлер столбы дыма. Еще падал подстреленный на бегу рыжий парень в рабочем обмундировании, только что кричавший о японской бомбардировке, а расстрелявший его пилот «Зеро» еще летел вдоль улицы, когда первые самолеты второй волны запустили моторы.

Девятка «палубных бомбардировщиков-торпедоносцев» тип 97 модель 11», пока не успевших получить американско-английскую кличку «Кэйт», ведомая Тацуо, появилась над гаванью одновременно с пикировщиками. Только в отличие от атаковавших с запада пикирующих бомбардировщиков, бомбардировщики первой группы, в которую входил и девятый ударный отряд, заходили на свою цель с востока. Над гаванью и окружающими ее аэродромами тут и там поднимались в небо колонны черного, подсвеченного снизу красным, дыма. Мельком бросив взгляд на стоящие в гавани корабли, Тацуо заметил горящий авианосец, судя по очертаниям – «Лексингтон», и целую секунду жалел, что не может нанести ему еще один удар. Но различимые в дыму ориентиры заставляли повернуть самолет чуть правее, и лейтенант нажал на педали, выходя на боевой курс. Спустя несколько мучительно долгих минут самолет дернулся, освобождаясь от двух пятисотфунтовых фугасных бомб и нескольких более легких «зажигалок». Почти сразу летчику пришлось парировать крен, возникший от удара ветра справа. Посмотрев в ту сторону, он увидел тянувшийся в небо красный всполох, в который падал, кувыркаясь, лишенный одной плоскости пикировщик. Похоже, сдетонировала емкость с горючим.

Маневрируя, Исихара вышел из зоны зенитного огня, потом резко развернул самолет в сторону, заметив, что впереди несколько истребителей «тип Ноль» сцепились с непонятно откуда взявшимся американским истребителем. Сзади раздались приглушенные звуки пулеметной стрельбы. Это штурман, заметив позиции американских зенитчиков, ответил им своим горячим посланием. Выпустив пару очередей, пулемет замолчал, похоже, до Сабуро дошло, что на таком расстоянии его огонь был стрельбой из пушки по воробьям.

²⁸ Цитата по Ю. Емельянов. США – империя зла, М.: Яуза. С. 285–286. 2008 г.

Исихара сделал круг вне зоны зенитного огня американцев, дожидаясь, когда за ним пристроятся остальные самолеты отряда. Еще несколько минут, и вот уже восьмерка уцелевших бомбардировщиков с красными кругами на крыльях развернулась на курс к родным авианосцам. Точно так же вокруг собирались остальные отряды и группы, устремляясь от разгромленной, объятай пожарами гавани к своему соединению.

Никто из участвующих в атаке еще не мог точно оценить потери противника и свои, но все чувствовали, что японцы одержали победу. Грандиозную победу, превосходящую по своим последствиям даже удар Того по русскому флоту.

А позади горели корабли и хранилища топлива, стонали раненые и ругались живые. Тихоокеанский флот потерял множество кораблей, в том числе перевернувшийся линкор «Оклахома», взорвавшийся «Аризона», медленно тонущий линкор «Калифорния». Но самое главное – получил очень тяжелые повреждения и сейчас горел в гавани авианосец «Лексингтон», а «Энтерпрайз» от взрыва запасов топлива разломился пополам и сейчас торчал над водой несколькими горящими островами. Кроме того, бомбардировщики японцев сильно повредили механические мастерские, а их точные удары разрушили большую часть цистерн с запасами горючего для флота, и пожарные сейчас отчаянно боролись с растекающимися по берегу огненными реками...

«На следующий день Рузвельт выступил в конгрессе. Назвав произошедшее «днем позора», он призвал конгресс объявить войну Японии. Это решение было принято. США встали во Вторую мировую войну».

Ю. Емельянов. «История США. XX век» М., 2008.

«К началу нашего контрнаступления немецко-фашистские войска продвинулись до линии Холм – Зубцов – Можайск – Малоярославец – Кондрово – Сухиничи – Карачев – Гомель – Брагин – Остер – Ромны – Лубны – Черкассы – Одесса. [...]

Так закончилось последнее наступление немецко-фашистской армии на Москву. Советские Вооруженные Силы выиграли оборонительное сражение. Ударные вражеские группировки были обескровлены и лишены возможности продолжать наступление.

Провал немецкого генерального наступления «Ор кан» явился крупнейшим событием летне-осенней кампании 1941 г. на советско-германском фронте. Этот неожиданный для немецко-фашистского командования поворот событий под Москвой имел далеко идущие последствия. Стратегия «молниеносно й войны», лежавшая в основе всех кампаний, осуществленных фашистской Германией в Европе, оказалась несостоятельной в войне против Советского Союза. [...]

К 1 ноября 1941 г. немецкая армия уже утратила былое превосходство над советскими войсками. Разрабатывая план зимней кампании, Ставка Верховного Главнокомандования предполагала прежде всего решить следующие оперативно-стратегические задачи: ликвидировать угрозу, нависшую над советской столицей, и освободить Киев. Для этого намечалось разгромить ударные группировки врага, наступавшие на Москву, а также группировку в районе Ромны – Лубны. [...]

Главный удар Ставка Верховного Главнокомандования намечала нанести на западном направлении. Именно здесь, на подступах к столице нашей Родины, где гитлеровское командование, сосредоточив основные силы армии, пыталось решить исход войны в свою пользу, и предполагалось развернуть большое зимнее наступление Красной Армии. [...]

Наше контрнаступление позволило отбросить противника на 50—300 км к западу[...]»

«Краткий очерк истории Второй мировой войны» под ред. полк. Гареева М.С., М., 1975.»

Смертный бой

«Если бы Советский Союз не удержал свой фронт, немцы получили бы возможность покорить Великобританию. Они были бы в состоянии захватить Африку, а затем создать плацдарм в Латинской Америке. Рузвельт постоянно имел в виду эту нависшую угрозу».

Государственный секретарь США Э. Стеттиниус

7 января 1942 г. Ближняя Дача.

Тов. Сталин

Сегодня у меня нечто вроде выходного. Заседания ГКО не было, только Василевский доложил обстановку на фронтах, а Берия – на своих участках работы, включая «тайный фронт».

Сижу на даче и планирую дальнейшие действия на год. Пока нет никаких сведений, что планируют немцы на лето. Но, если судить по моим воспоминаниям и отрывочным данным разведки, они все же решат наступать на юге. Так что придется планировать не только оборону на западе, но и возможность на этот случай переброски резервов на юг.

На западном направлении мы не только немцев побили, мы не только отогнали их назад почти на триста километров, мы еще сумели вовремя остановиться и организовать нашу линию обороны на тактически выгодных рубежах. Вовремя воспоминания о том, как наши сидели в болотистых низинах или на равнинах, а немцы на холмах, у меня всплыли. Не все, надо признать, сразу мои указания осознали. Пришлось самому на месте проверять. Да, ездил на фронт. Не то, чтобы я храбрее стал, просто надо было. Да и ТАМ я читал про поездки. Даже удивительно, но один случай совпал почти полностью. Точно так же машина, в которой я ехал, в воронку попала, незаметную под снегом, и сломалась. Пришлось уезжать на другой, немцы не только обстреливать район начали, но и атаковали. Как доложили мне потом, машину они все же захватили, а вот водитель пропал без вести. Хорошо, что о том, чья машина, немцы так и не догадались. Пришлось бы тогда вообще от поездок на фронт отказаться, сисхли гащра. А как можно руководить, если не можешь сам проверить? Это только нетоварищ Белый себе такое позволить может.

Подводя итоги, можно сказать, что первый раунд борьбы мы если не выиграли, то и не проиграли. Немцы сумели захватить часть нашей территории, нанести нам большие потери, продвинуться почти до Москвы. Но и мы сумели их остановить, а потом заставить отступить. Да и потери у них относительно, может, и меньше, но тоже велики. К тому же нам удалось удержать фронт на севере у линии Лужского рубежа. Блокады Ленинграда нет, что намного облегчает наше положение. Есть шансы и летом не дать немцам дойти до Сталинграда. Вот ведь, и не переименуешь теперь, как ни старайся. Впрочем, сейчас не до этого.

Сейчас самое главное – отбор кадров и учеба, учеба, учеба. Чтобы к весне, когда фронты начнут двигаться, наши командиры могли бы маневрировать если не лучше немцев, то хотя бы на уровне. Кадры, как известно, решают все. И вот ими я занялся всерьез. Пока затишье на фронте. Потому и развернуты при дивизиях учебные роты, при армиях – краткосрочные курсы переподготовки. Налаживаем ротацию командирских кадров с Востока на фронт и обратно, в училищах «теоретиков» стараемся практиками заменять. А самое главное – учет перспективных кадров. Вот комкор Петровский теперь у меня армией командует. И неплохо справляется. Как и Власов тоже. Хотя за последним специальные люди Лаврентия аккуратно так приглядывают. «Единожды предав – ну кто тебе поверит». В авиации всю Новиков работает, Голованов Дальнюю Бомбардировочную в Авиацию Дальнего Действия реорганизует. Только вот не буду я ее в чисто тактический инструмент превращать. Она мне и в стратегических целях послужит. Тем более кадров ДБА уцелело больше, чем ТАМ. Мы старались не бросать тяжелую авиацию в самоубийственные дневные атаки без истребительного прикрытия.

На флотах тоже понемногу меняем кадры. Хотя там сложнее. Вот сменили Октябрьского на Левченко, и что? Черноморский флот по-прежнему успехами не радуется.

Адмирал, конечно, не побоялся вывести линкор и крейсера в море при очередном обстреле Констанцы, но так бестолково, что их немецко-румынская авиация повредила. Утешает только, что ни один корабль не утонул. Пришлось в «Красной Звезде» статью хвалебную печатать. Как же, английское «соединение Z» японская авиация утопила, а наши героические черноморцы под ударами немецкой авиации своим ходом вернулись. Теперь вот думаю, кем этого «героического адмирала» заменять.

К тому же с оснащением надо что-то решать. Плохо быть бедными. Нет у нас Европы, поставляющей авто и запчасти. Приходится изворачиваться. Автомобили, кони, повозки – все должно быть учтено, отремонтировано и готово к лету. Еще бы и ленд-лиз успеть получить побольше. Тем более, что мы не особо просим у наших «друзей» ни танки, ни самолеты. А вот автомобили, зенитки, бензин, нефтеперегонные заводы... Я даже велел частично оплатить поставки золотом. Черт с ним, еще добудем, зато Черчилль нам больше грузовиков пришлет к весне. Правда, их грузовики хуже американских, но куда деваться. У американцев-то дела тоже не очень хороши, в Океане их японцы гоняют, как хотят. Жаль, я плохо помню, что там должно было происходить. Только вот Манила пала уже в декабре, хотя американцы и удерживают пока укрепления Батаана и крепость Коррехидор. Сингапур осажден, а на море англо-американцы уже несколько раз были разбиты. Японцы весьма успешно использовали как авианосцы, так и знание того, что американцы их шифры читают. Пришлось даже устроить утечку того, что японцы знают, что американцы читают их коды, для Зорге. Почему для него? А вы думаете, с чего это американские разведчики ТАМ вдруг так озаботились судьбой советского резидента и начали искать его могилу? Особенно если учесть, что японцы казнили обычно только агентов держав, с которыми уже шла война. Вот, было у меня сильное подозрение что он и на американцев подрабатывает. Пока подтверждений нет. Подождем, посмотрим.

Американцам сейчас тяжело, понятно. Ничего, пусть тоже на себе испытают, что такое война. Пусть повоюют по-настоящему, глядишь, меньше желающих потом с нами связываться будет. Да и Японию им отдавать полностью нельзя. Лучше пусть останется нейтральной, а еще лучше – привязанной к нам экономически, чем непотопляемым авианосцем рядом с нашими берегами. А для этого надо, чтобы наш вклад в победу над ней был достаточно весом. И надо успеть вступить в войну до появления у американцев атомного оружия.

Да, пресловутая бомба. Нашли наши геологи месторождения урана. В Читинской области и в Казахстане. Начнем там понемногу добычу налаживать. Надо, чтобы к концу войны у нас был ответ на «большую дубинку» американцев. Чтобы они сотню раз подумали, стоит ли с нами связываться. Приходится кроме войны и на перспективу работать, жаль, средств маловато.

Неплохо бы к этому делу еще и этих танкистов привлечь. Надо Лаврентию сказать, чтобы работу по ним интенсифицировал. Органы, понимаешь, год ничего сообразить с неизвестно откуда появившимися людьми не могут. Понятно, что я не даю грубо работать, так ведь и шпионов надо не за счет жесткой работы ловить. Думать надо, расследовать, шени деда, а не мух считать. Так, завтра Лаврентию хвост накрутить надо. Ну не могу же я один все помнить. Да и не дам я в себе гипнотизерам ковыряться. Зато этих товарищей, если они точно из будущего, надо будет по полной программе выкачать. Но только с их полного согласия. Чтобы все малейшие нюансы высказали. Добровольно. Знание – сила, а знание будущего, даже и вероятного – вдвойне.

«4 мая 1935 года Сталин и правительство провели в Кремле прием в честь выпускников военных академий, впоследствии ставший традиционным. В своей речи, обращенной к молодым военным, он говорил: «Слишком много говорят у нас о заслугах руководителей, о заслугах вождей. Им приписывают все или почти все наши достижения. Это, конечно, неверно и неправильно. Дело не только в вождях...»

Раньше мы говорили, что «техника решает все»...Это хорошо. Но этого

далеко не достаточно... Чтобы привести технику в движение и использовать ее до дна, нужны люди, овладевшие техникой, нужны кадры, способные освоить эту технику... Вот почему старый лозунг «техника решает все»... должен быть заменен новым лозунгом, лозунгом о том, что «кадры решают все...Если мы хотим изжить с успехом голод в области людей и добиваться того, чтобы наша страна имела достаточное количество кадров, способных двигать технику вперед и пустить ее в действие, мы должны прежде научиться ценить людей, ценить каждого работника, способного принести пользу нашему делу»²⁹.

**15 января 1942 г. Район Воронежа.
439-й истребительный авиаполк ПВО.
Николай Козлов**

– Дежурное звено – на вылет!

Вместе с Семеном Николай бежит к стоящим истребителям. Запуск, рулежка, отрыв. Взлетевшая пара набирает высоту, одновременно пытаясь обнаружить противника. Но наконец Семен, а за ним Николай замечают инверсионный след. Высотный разведчик держит курс на Воронежский район обороны.

– Серый – Первому. «Баклан» на девяти с половиной, курс... скорость... Прием.

– Первый – Серому. Принял. Лечу. Прием.

Вот и командный пункт подтвердил. Николай переводит истребитель в боевой разворот, одновременно выдвигая газ до максимального: «Здорово, что на новых машинах не надо переключать и крутить десяток рычажков. Двигаешь одну ручку газа. Остальное делает специальная машинка – переключает шаг винта, настраивает смесь, меняет степень нагнетания».

– Серый – Семе. Отказ нагнетателя, ухажу вниз. Прием.

– Сема – Серому. Понял. Прием.

Люди всегда выносливее машин. Полеты идут непрерывно, моторы на пределе ресурса, из-за чего часто возникают отказы, а новых моторов и самолетов нет, заводы еще только разворачивают производство. Поэтому сейчас Козлову приходится атаковать немецкий самолет одному, без ведомого, у которого отказал высотный нагнетатель мотора.

– Первый – Серому. «Баклана» обнаружил, атакую. Прием.

«Странная машина. На обычный «Юнкерс-восемьдесят восемь» взгромоздили большую горбатую кабину. Да еще покрасили в непривычный серо-желтый цвет. И двигатели, похоже, с нагнетателями, вон какие толстые мотогондолы», – все это Николай успевает заметить, заходя в атаку спереди сверху. Колпачок откинут вверх, гашетка нажата. Короткая очередь! Есть попадание! Стрелок, похоже, готов! Боевой разворот! Немец пытается уйти со снижением, Николай делает разворот, и МиГ нагоняет разведчик сзади. Нажатие на гашетку. Очереди нет! Перезарядка. Немец уходит на северо-восток! Еще одна попытка перезарядки, Николай опять жмет на гашетку... Пушки молчат. Фриц мчит в сторону облаков. Догнать и уничтожить! Козлов дает форсаж, его самолет понемногу нагоняет немца. Но немецкий легчик уже понял, что у истребителя оружие не работает, и пытается уйти пикированием. Чувствуется, что за штурвалом опытный летчик. Сейчас дотянет до предельно малой, а потом у самой земли резко уйдет в набор высоты. У МиГ-а на малой высоте маневренность хуже и при выходе из пике просадка больше, чем у него. Есть возможность, что истребитель столкнется с землей.

«Но где наша не пропадала, рискнем. Пикирую следом и жду, когда он перейдет в набор высоты», – успевает подумать Николай, стремясь вывести самолет в двух сотнях метров, в глазах темнеет от перегрузок.

Немец вышел из пике метрах в тридцати и сразу на бреющем устремился на юг. Николай опять дает форсаж, тем более что его самолет находится выше и успевает обогнать

²⁹ Цитата по кн. К.К. Романенко «Почему ненавидят Сталина». 2004 г.

разведчика. МиГ пересекает курс, «Юнкерс» ожидаемо отворачивает влево и набирает высоту примерно до полутора сотен метров. Догнав разведчик, Козлов нацеливает истребитель, чтобы ударить винтом по фюзеляжу. Удар, еще удар! Винт поврежден, самолет вибрирует, словно в лихорадке, но лезет вверх. Мотор остановился! Немец успел сманеврировать, и вместо фюзеляжа винт ударил по стабилизатору. Правую половину снес, фриц падает...

«Бедная машинка. Второй самолет, который я теряю при таране», – мелькает в голове Козлова мысль. Но задумываться некогда. Выпуск шасси. Ручку от себя. Заход на посадку. Поле вроде бы ровное, но Николай на всякий случай подтягивает и проверяет ремни. Касание! Удар! Еще удар! Самолет перевернуло. Николай теряет сознание...

«Больно как! Попробую открыть глаза. Что за черт? Кто это?»

– Вы... кто?

– Свои, свои, товарищ летчик. Колхозники. Видели мы, как вы в небе немца гоняли.

– Как... самолет?

– Развалился, товарищ летчик. Крылья в стороны, хвост отдельно.

– Черт! – и снова на Николая наваливается темнота.

«Фюрер хвалит работу заводов Шкода (крупнейшие в Чехословакии предприятия военно-промышленного комплекса). В ходе этой войны они оказали нам величайшую услугу, поставляя оружие... Крупн, Рейнметалл и Шкода – это три наши крупные кузницы оружия и военной техники»

Дневник Геббельса ³⁰.

18 января 1942 г. Протекторат Богемия и Моравия. г. Млада-Болеслав

Завод «Герман Геринг Верке», бывший «Лаурин-Клемент», бывший «Шкода», работал в прежнем режиме. Правда, рабочие в знак протеста против германской оккупации приходили на работу в черных рубашках, но качество и количество сборки танков ЛТ-38 от этого ничуть не страдали. Конечно, против большевистских Т-34 или КВ они выглядели довольно бледно, но пока в Красной Армии были машины вполне по зубам чешским легким танкам, например Т-26 и БТ. К тому же конструктора уже работали над новыми, усовершенствованными моделями. Работали старательно, словно эти танки должны были поступить на вооружение чехословацкой армии. Конечно, они не задерживались у кульманов допоздна и не сидели ночами, по-стахановски рассчитывая детали конструкций, как их коллеги из конструкторских бюро в Советском Союзе. Но и за восьмичасовой рабочий день можно было сделать многое для укрепления мощи военной машины Третьего Рейха.

Как всегда, из всякого правила были и исключения. Например, господин Кочек. Он никогда не отказывался от сверхурочных работ. Не задаром, конечно, что вы. Дополнительные деньги никогда лишними не бывают, не так ли, господа? Вот и сейчас, несмотря на окончание рабочей смены, он не спешит сворачивать свои бумаги.

– Вы, пан Густав, опять работаете сверхурочно? – иронично спросил сворачивающий и убирающий пачки чертежей и расчетов в стол Врочек, один из конструкторов группы разработки общей компоновки.

– Что поделаешь, пан Йозеф, того скудного жалованья, которое мы получаем, хватает не во всяких житейских обстоятельствах, – с жалобной миной ответил ему Кочек, словно не замечая неодобрительных взглядов коллег. Отвернувшись от собравшегося что-то сказать Врочека, он погладил кота, который всегда сопровождал его на работу и лежал на углу стола весь рабочий день.

Нахмуренные коллеги, стараясь обойти Кочека как можно дальше, обогнув столы и кульманы, покинули помещение, отведенное для группы. Заглянувший в комнату охранник, из немцев, увидев Кочека, проверил свой список и, удовлетворенно кивнув, прикрыл дверь.

³⁰ Реальная запись от 18 марта 1941 г.

Оставшись один, пан Кочек достал из тумбочки своего стола кружку и термос, пододвинул к себе поближе логарифмическую линейку и примерно полчаса с энтузиазмом что-то считал, занося результаты на бумагу. Допив чай, он аккуратно убрал термос, погладил кота и подошел к двери, прихватив с собой кружку. Пройдя по коридору до туалета, он аккуратно помыл кружку и вернулся в комнату. Внимательно вслушиваясь в звуки, доносящиеся из коридора, Густав столь же аккуратно отодвинул стоящий неподалеку стол и достал из-за него кожаный футляр.

Осторожно открыв дверь, Кочек проскользнул по тускло освещенному коридору к соседней двери и, осмотревшись, достал отмычку. Повозившись в замке, он открыл дверь и скрылся в темноте соседнего помещения. Если бы на окнах не было светомаскировки, ходящий по улице наряд охраны мог бы заметить свет настольной лампы, отражающийся в стеклах окон. Но окна были с немецкой педантичностью зашторены темной тканью, до следующего обхода охраны оставалось ровно сорок минут, поэтому никто не помешал Густаву Кочеку сфотографировать интересующие чертежи и документы.

Через два часа закончивший расчеты пан инженер выходил через контрольно-пропускной пункт. Охранники внимательно осмотрели его портфель и даже прощупали карманы. Но никто не обратил внимания на кота, который, словно собачка, следовал за своим хозяином – все уже давно привыкли к такому поведению этого умного животного.

Тем более никто не обращал внимания на то, как потолстел ошейник кота.

10 февраля 1942 г. Иран, г. Тегеран

– ...когда мы продали вам первую партию оружия, правительство официально заявило, что проданное оружие было у нас в излишке, что оно производится на иранских заводах и что союзники дадут нам взамен оборудование для пуска наших заводов. Что же мы скажем, если продадим пулеметный завод? – выражение лица премьер-министра отнюдь не радовало полпреда. Ясно, что предложение о перемещении завода на территорию СССР Сохейли отнюдь не радует. Похоже, он считает, что немецкая пропаганда воспользуется моментом и начнет всюду распространять сведения о том, что союзники забирают у иранцев последнее оружие.

– Спасибо, господин премьер-министр. Я доведу вашу позицию своему правительству, – ответил Андрей Андреевич Смирнов и, произнеся еще несколько протокольных фраз, откланялся...

– Премьер категорически против вывоза пулеметного завода. Решить этот вопрос с ним представляется невозможным. Прошу вашего разрешения на прямые переговоры с шахом, – закончил диктовку полномочный представитель. – Телеграмму отправьте немедленно, – приказал он секретарю и, повернувшись к военному атташе, спросил: – Вы осмотрели завод? В каком он состоянии? Может, действительно лучше оставить его на месте и вывозить готовую продукцию?

– Здания постройкой закончены, коммуникации подведены. Фундаменты под станки готовы, но станки еще не собраны, да и рабочие набраны не в полном объеме. По моему мнению, вывоз завода в Союз сейчас невыгоден по затратам времени.

– Но наверху решили, что выгоднее вывезти завод в Союз, – задумчиво отметил Смирнов.

– Такое решение может принять только шах, – заметил военный атташе.

– Понятное дело. Что же, придется просить аудиенцию. Спасибо за доклад.

12 февраля 1942 г. Иран, г. Тегеран.

Дворец

Пышное убранство зала настолько контрастировало с только что увиденным на улице, что Смирнов невольно поморщился. Казалось бы, давно уже надо было привыкнуть, но как-то все не получалось. Ни в Германии, ни в Словакии Андрей Андреевич не видел такой резкой противоположности между богатством и бедностью. Но надо признать, что молодой шах все же делал что-то полезное для своего народа, не то что его отец. Делал, как видно, недостаточно.

– Здравствуйте, господин полномочный представитель, – молодой Моххамед Реза был вежлив и разговаривал по-русски без переводчика.

– Здравствуйте, Ваше Величество, – поклонился по протоколу Смирнов.

– Как дела на ваших фронтах, как здоровье господина Сталина? – шах был в хорошем настроении, но аудиенцию затягивать явно не хотел.

Андрей Андреевич вежливо ответил на вопросы и, воспользовавшись моментом, перешел от описания наступления Красной Армии к проблемам с оружием, а потом – к вопросу о пулеметном заводе. Настроение шаха немедленно испортилось.

– Это очень сложный вопрос, господин полномочный представитель, – с помрачневшим лицом ответил шах, покосившись на стоящего чуть в отдалении министра двора. – Нашему Величеству кажется желательным, чтобы ваши специалисты помогли наладить работу этого завода в нашей стране на нужды армий, как союзников, так и Ирана. Нам кажется желательным присылка ваших специалистов и квалифицированных рабочих для того, чтобы они не только помогли запустить производство на пулеметном заводе, но и способствовали подготовке национальных иранских кадров. Продажа завода, наоборот, произведет неблагоприятное впечатление в стране. Будут говорить, что союзники все забирают у Ирана.

– Извините, Ваше Величество. Я и мое правительство считают, что нет никаких оснований предполагать, что общественное мнение в вашей стране будет недовольно таким актом. Речь идет о тривиальной коммерческой сделке, которая соответствует союзническим интересам.

– Господин полномочный посланник, позвольте напомнить вам, что союзники начали с небольших просьб об оружии. Мы их удовлетворили, буквально оторвав от собственного тела, уступив, пока даже без оплаты, стрелковое оружие и новейшие самолеты. И что мы видим? Вы выдвигаете новые требования, которые могут дойти вплоть до башмаков наших солдат.

– Прошу извинить меня, Ваше Величество, но когда мы вели переговоры об уступке оружия, то мы сразу ясно сказали, что ни танки, ни самолеты, ни артиллерия нас не интересуют. Наша просьба сводилась к уступке легкого вооружения. Что касается расчетов за переданное оружие, то мы всемерно готовы обсудить этот вопрос. Вопрос о продаже оборудования пулеметного завода нельзя рассматривать, с нашей точки зрения, как требование, которое затрагивает интересы иранской армии. Речь, Ваше Величество, идет о продаже бездействующего оборудования, которое в вашей стране не может быть использовано ни в период войны, ни позже в течение длительного времени. Будучи же переданным Советскому Союзу, это оборудование должно немедленно давать продукцию...

«Видя, что ему не избежать моих настойчивых просьб, М. Реза предложил обсудить этот вопрос с будущим военным министром генералом Джабахани и премьер-министром А. Сохейли. Он заявил, что, будучи только командующим, не имеет права распоряжаться имуществом. Расценивая его слова как попытку уйти от решения вопроса с передачей оборудования, в свою очередь хочу заметить, что в предложении прислать наших специалистов мною наблюдается выход из создавшегося положения...»

*Из донесения полномочного представителя СССР
в Иране А.А. Смирнова.*

«2 марта 1942 г. в ходе одной из бесед премьер-министр Ирана доверительно сообщил А.А. Смирнову, что иранцы согласны предоставить СССР возможность использования иранской военной промышленности для выполнения заказов Красной Армии. Осталось только дожидаться приезда в Иран специальной комиссии из СССР для изучения конкретных условий использования военных предприятий.»

5 октября 1942 г. завод заработал. При двухсменной работе завод мог давать два тяжелых и шесть легких пулеметов в день».

3 марта 1942 г. Москва. Кремль.

Кабинет т. Сталина.

Тов. Сталин

Командующий Авиацией Дальнего Действия генерал Голованов рассказывает интересные случаи из своего опыта полетов в Восточно-Сибирском управлении ГВФ. Прохаживаюсь по кабинету, слушаю и думаю, что авиация – самая интереснейшая отрасль человеческой деятельности. Ничего не выдумывая, только описывая реальные факты, можно написать замечательные приключенческие романы... Останавливаюсь и разворачиваюсь так, чтобы хорошо видеть глаза собеседника.

– Нужно будет организовать нам трассу на Аляску, скажем в Фербенкс, – говорю неторопливо, стараясь уловить реакцию генерала. – Как вы думаете, трудно будет?

– Главный вопрос – это горячее, – отвечает без задержки, хотя по виду ясно, что мои слова застали его врасплох. – Другие вопросы, мне кажется, препятствием служить не будут.

– Ну, вот и хорошо. Мы вам поручим организацию этого дела. Может быть, нам с вами придется слетать в Квебек. Но это между нами... Как вы думаете, сколько потребуется времени, чтобы слетать в Квебек и обратно, с двухдневной остановкой?

Задал я задачку Голованову, сразу видно – не простую. Не отвечает. Взял лежащую на столе самописку и бумагу, что-то пишет. Уважаю. Не стал с кондачка отвечать, прикидывает исходя из своих знаний. Пока генерал считает, набиваю трубку и закурываю. Табачный дым мягко кружит голову, успокаивает нервы. Голованов считает. Прохожу у него за спиной, заглянув через плечо. Точно. Среднюю скорость самолета записал, расстояние до Фербенкса вспоминает. Пишет. Вспомнил наизусть, профессионал, ахваро!

– При благоприятных условиях на это потребуется как минимум десять-двенадцать суток, товарищ Сталин.

– А при не совсем благоприятных? – жаль, а мысль была хорошая. Встретиться с Рузвельтом без этого английского борова, тет-а-тет, и обговорить наши отношения вдвоем. Но на такое время оставлять Москву в нынешних условиях рискованно. Тем более если вдруг связь прервется.

– Вряд ли можно ответить на этот вопрос, товарищ Сталин. Ведь даже летчика, умеющего летать в любых погодных условиях, могут не принять на закрытый туманом или еще по каким-либо причинам аэродром.

Спасибо, генерал. Знаю и без тебя, но хотелось убедиться, а заодно проверить на профессионализм. Проверка удалась. Теперь посмотрим, что ты скажешь по поводу трассы.

– Возвращаясь к трассе. Завтра товарищ Берия пришлет вам своих людей, которые непосредственно займутся ее организацией. Ваша задача проконсультировать и в дальнейшем руководить их деятельностью.

– Товарищ Сталин. Я не отказываюсь организовать консультации для сотрудников товарища Берии и даже помочь им персоналом. Но осуществлять повседневное руководство не смогу. Огромная работа по руководству боевой деятельностью АДД отнимает у меня практически все время. А числиться руководителем дела, которым ты не в состоянии управлять – для меня неприемлемо, товарищ Сталин. Бросить же свою основную деятельность я не могу.

Не хочет работать с Лаврентием? Похоже. Ну что же, придется Берии искать человека, способного организовать «воздушный мост».

– Мы подумаем над вашими словами, товарищ Голованов. Но оказание помощи товарищу Берии и его сотрудникам с вас не снимается в любом случае.

– Есть, товарищ Сталин. От этого я не отказываюсь. Выделим людей и необходимые

³¹ Использованы материалы книги А.Б. Оришева «В августе 1941». М., 2011.

ресурсы, хотя их у нас в обрез.

– Ничего, товарищ Голованов. Мы вам поможем и людьми, и материалами.

Прощаемся. Звоню Поскребышеву и прошу соединить с Лаврентием.

– Товарищ Берия? Мы посовещались и решили, что главным в проекте «Трасса» будете вы. Товарищ «Головачев» окажет вам необходимое содействие.

– Я понял, товарищ Сталин. Приложим все усилия.

Вопрос с трассой решили. Будем перегонять американские самолеты, в первую очередь бомбардировщики. Заодно и часть грузов самолетами перебросим. Легкое оружие и боеприпасы, например. Жаль, что со встречей не решилось. Но уезжать надолго из страны обстановка не позволит. Подумаем, что делать. Но, видимо, придется отправить в Вашингтон Молотова вместо себя. Вячеслав справится. Только придется ему лететь на «Петляковевосьмом», как я помню. Не забыть для обоснования дать задание Голованову. Пусть самостоятельно к такому выводу придет и мне доложит.

А сейчас посмотрим, что за сегодня наркоматы авиапромышленности и танковый нарботали. Надо, кстати, Лаврентия привлечь – пусть проверит, не принимают ли некачественные самолеты. Не хотелось бы после войны «авиационным делом» заниматься. Кстати, и Малышева потрясти надо. Что-то медленно новые станки устанавливают, из-за этого и новые КВ не строят, да и усовершенствование Т-34 откладывается.

«Главная цель гитлеровских войск в летней кампании 1942 г., судя по документам германского генерального штаба и высказываниям руководителей фашистской Германии, состояла в том, чтобы окончательно разгромить Советские Вооруженные Силы и закончить в этом году войну против СССР. Это, в частности, видно и из директивы немецкого командования № 41 от 5 апреля 1942 г., излагавшей общий замысел летнего наступления немецко-фашистской армии на Восточном фронте и план главной операции. [...]

Однако фашистская Германия уже не могла развернуть наступление одновременно на всех стратегических направлениях, как она это сделала в начале войны. Ее войска были теперь прочно скованы на всем огромном фронте от Баренцева до Черного моря. Гитлеровское командование надеялось достичь успеха проведением последовательных наступательных операций. «Первоначально, – указывалось в директиве № 41, – необходимо сосредоточить все имеющиеся силы для проведения главной операции на южном участке фронта с целью уничтожить противника западнее р. Дон, и в последующем захватить нефтяные районы Кавказа и перевалы через Кавказский хребет».

Фельдмаршал Паулюс также отмечает, что гитлеровское командование стремилось закончить войну на Востоке в 1942 г. В своих воспоминаниях Паулюс писал: «В общих рамках войны летнее наступление 1942 года означало попытку в новом наступлении осуществить планы, потерпевшие провал поздней осенью 1941 года, а именно: довести войну на Востоке до победного конца, т. е. добиться целей нападения на Россию вообще. Тем самым существовала надежда решить исход войны».

***«История Великой Отечественной войны Советского Союза», т. 2.
М., 1965.***

1 апреля 1942 г. Тихий океан

– Итак, парни, не забываем, что в случае посадки на воду у нас нет никаких шансов выжить. Поэтому тянем до китайского побережья. И да поможет нам Бог! – последнее наставление полковника оптимизмом даже не пахло. Но собравшиеся добровольцы и сами знали, на что шли. Молча, без шуток, расходились они по своим самолетам. С ревом запускались моторы, огромные, нереально выглядевшие на фоне авианосной палубы сухопутные бомбардировщики «Митчелл» по одному выруливали на старт и, с трудом отрываясь от слишком короткой взлетной полосы, устремлялись в мрачно-серое небо. Встречный ветер сильно раскачивал авианосец, затрудняя разбег, но при этом помогая

громоздким сухопутным машинам стартовать с авианосца и удержаться в воздухе. Но разбег все-таки маловат, и несколько машин, под невольным вырвавшимся огорченными криками моряков, просаживаются чуть ли не до самой воды. Для большинства все заканчивается благополучно. Лишь один, самый неудачливый из всех, цепляет волну крылом, тут же встает «на попа» и неестественно медленно переворачивается, разваливаясь от удара о волны. Наблюдатели не успевают перекреститься, как обломки вместе с людьми исчезают в волнах, а через несколько минут уже скрываются под килемдвигающегося корабля. Но взлет продолжается. Смелые экипажи, не обращая внимания ни на происшествие, ни на встречный ветер, вытягивающий из баков дополнительные галлоны столь драгоценного бензина и уменьшающий шансы добраться до спасительного китайского побережья, устремляются к целям на побережье Японии.

Командующий рейдом адмирал Хелси, наплевав на радиомолчание, велит передать улетающим краткое послание: «Удачи. С Богом!» Улетающие экипажи молчат, лишь покачивание крыльев, еле различимое в лучший морской бинокль, показывает, что радиограмма получена.

Ясная ветреная погода благоприятствует налету, и американцы выходят точно на назначенные им цели. Не ожидавшие подобного японцы никак не могут понять, что произошло. Наблюдения за воздухом нет, расчеты зенитных орудий и экипажи дежурных эскадрилий спокойно отдыхают. «Никто не посмеет покуситься на священную землю Ямато». Да и кого можно ожидать в глубоком тылу победоносно наступающей японской армии? Японские войска продвинулись до Бирмы и Индонезии, захватили Маршалловы острова и остров Уэйк. Нет земли на востоке, с которой могли бы нанести коварный удар заморские гайдзины. Но, как оказалось, коварство красноносых варваров превосходит всякое воображение. Их бомбардировщики внезапно появились над Токио, и сейчас вражеские бомбы воют в воздухе!

В советском посольстве – обеденный перерыв. Полномочный представитель, другие работники сидят в столовой и чинно принимают пищу, негромко обсуждая друг с другом новости этого беспокойного времени. Вдруг все слышат неожиданный гул моторов, не похожий на звук полетов японских истребителей, и несколько взрывов. Заинтригованные сотрудники посольства выбегают на крышу. М. И. Иванов, работавший в советском посольстве в Токио, позднее вспоминал об этом налете: «Около 14 часов, во время обеденного перерыва, мы услышали гул авиационных моторов. Поднявшись спешно на крышу посольского здания, мы обнаружили летевшие со стороны Тихого океана на высоте около четырехсот метров с большой скоростью американские самолеты... Самолеты сбросили небольшие бомбы и обстреляли из пулеметов порт и заводы района Токио – Кавасаки. В воздух не поднялся ни один японский истребитель. Да и зенитный огонь был открыт после того, как самолеты уже удалились на запад».

Налет удался. Поспешно поднятые истребители пытаются догнать уходящие на запад самолеты. На земле в районе токийского порта разгорается несколько пожаров, а на верфи в Йокосуке спешно вызванные инженеры осматривают повреждения стоящего на стапеле гигантского корпуса линкора «Синано».

Отбомбившиеся американские бомбардировщики, уйдя от истребителей, тянут на последних каплях топлива над негостеприимными морскими волнами. Наконец внизу мелькает побережье Китая. Несколько машин, полностью выработавших горючее, планируют вниз, пока их летчики лихорадочно подыскивают подходящие места для приземления. Сейчас никто из них не думает, на оккупированной территории придется садиться или нет. Главное – сесть, а остальные проблемы будут решаться уже на земле.

Другие, более счастливые или более умелые, продолжают полет, стремясь дотянуть до районов, обозначенных на карте как удерживаемые китайской армией или партизанами. И некоторым из них, в том числе и полковнику Дулиттлу, удастся дотянуть до дружественных китайцев.

Один из экипажей бомбардировщиков, отогнав атаковавшие его японские истребители,

ушел так далеко на север, что вынужден был взять курс на СССР. Благополучно перелетев Японское море, он приземлился в тайге неподалеку от Хабаровска. Обломки самолета впоследствии были вывезены для изучения в Москву, а интернированный экипаж остался во Владивостоке до мая сорок четвертого года. Впоследствии американские летчики с удовольствием вспоминали о гостеприимстве русских и вкуснейшей русской икре под крепкую русскую водку, которой их угощали при праздновании побед русской армии местные власти.

«После атаки все бомбардировщики пошли к китайскому побережью. Один самолет сбился с курса и сел около Хабаровска, в Сибири, где его экипаж был интернирован русскими. Ни один самолет не добрался целым до аэродрома в Китае. Некоторые упали в море или на оккупированной противником территории, другие – на территории дружественного нам Китая. Восемь человек были захвачены японцами, и некоторые из них были обезглавлены. Шестьдесят четыре человека действовали в частях китайских партизан и в конце концов вернулись в США. Среди них был и подполковник Дулиттл, которому суждено было прославиться на других театрах военных действий и заслужить чин генерал-лейтенанта.

Потери в процессе рейда на Токио составили 11 летчиков и 16 самолетов. Весь мир взволновался, когда узнал об этом событии, и в течение многих месяцев оставалось тайной, откуда вылетали самолеты. Президент Рузвельт заявил, что самолеты приходили из таинственной «Шангри-ла». Лишенные воображения японцы, должно быть, усердно просматривали свои атласы, пытаясь найти эту несуществующую местность...»

Ф. Шерман. Война на Тихом океане. Перевод с англ., М., 1956.

**18 апреля 1942 г. Великобритания,
г. Лондон**

Кабинеты во всех официальных учреждениях всегда чем-то похожи один на другой. Не составлял исключения и кабинет начальника СИС. Мензис, глава СИС, сидел за столом, а стоящий напротив начальник отдела Джордж Хилл в очередной раз думал, что у главы русского энкавэдэ кабинет, он готов поспорить на что угодно, отличается только незначительными деталями.

- Садитесь, Джордж.
- Спасибо, сэр.

– Без церемоний... Я вызвал вас по делу «Визит». Агентурные сведения подтверждают, что под видом приемки наших самолетов русские намереваются совершить тренировочный полет перед визитом самого Дяди Джо в Шангри-Ла. Премьер-министр поставил задачу не допустить личной встречи Дяди и Главного Кузена. До планируемой даты полета осталось девять дней. Завтра у меня на столе должны лежать ваши соображения по данному вопросу. Необходимые документы получите у миссис Манипенни.

- Разрешение на жесткие действия?
- Разумеется. Любые необходимые, по вашему мнению, меры. Единственное ограничение – никаких действий против Дяди Джо. Русские нам пока еще нужны в боеспособном состоянии.
- Понимаю вас. Пусть они сдерживают джерри в одиночку как можно дольше.
- Конечно, Джордж. Жду ваших предложений.
- Есть, сэр. Сегодня же засажу своих экспертов за разработку. Код операции?
- Назовем ее... «Гастингс».
- Есть «Гастингс», сэр. Разрешите идти?
- Да. И помните – это задание самого премьера.

20 апреля 1942 г. Москва, Кремль.

Кабинет тов. Сталина

- ...Все переговоры идут через командование Первой авиатранспортной дивизии,

товарищ Сталин. Командование АДД задействовано не больше, чем обычно.

– Это хорошо, товарищ Голованов. Экипаж?

– Экипаж подобран. Командир корабля – майор Сергей Андреевич Асямов, которого я хорошо знаю по совместной работе и полетам в Восточной Сибири. Три года проработали мы вместе на Севере, и я не знал ни одного случая, когда в чем-либо можно было упрекнуть товарища Асямова. Второй летчик...

– Достаточно, товарищ Голованов. Мы вам верим и на вас полагаемся. Действуйте, как найдете нужным, так как вы в первую очередь несете за все ответственность. Но помните, что правды об этом полете никто знать не должен...

«Вылетев 28 апреля в 19 часов 05 минут, экипаж Асямова, как и ожидалось, через семь часов десять минут полета 29 апреля прибыл к месту назначения. Было еще темно, самолет в воздухе дождался рассвета и благополучно произвел посадку на аэродроме Тилинг в 4 часа 00 минут по Гринвичу. В 6 часов 25 минут 7 человек, включая четверых из состава экипажа, на подготовленном для них самолете вылетели с аэродрома Тилинг в Лондон, где и приземлились в 9 часов 05 минут, о чем посольство доложило непосредственно в штаб АДД. 30 апреля майор С.А. Асямов в сопровождении членов нашей военной миссии полковника Пугачева, инженера 2-го ранга Баранова и помощника военного атташе по авиации майора Швецова в 9 часов утра вылетел из Лондона в Тилинг на английском самолете типа «Фламинго». На самолете, кроме наших товарищей и четырех членов английского экипажа, находились офицер связи воздушного министерства Вильтон и офицер связи подполковник Эдмондс. Самолет благополучно прибыл в Тилинг, а затем вылетел в Ист-Форчун для осмотра аэродрома и самолетов.

Из Ист-Форчун самолет вылетел в Лондон. В районе Йорка, в 200 милях от Лондона, с ним произошла авария, в результате которой все десять человек, находившиеся в самолете, погибли. Точные данные об аварии пока не получены. Ждем сообщения от нашего посольства».

Донесение командующего АДД генерала Голованова.

30 апреля 1942 г. Великобритания,

г. Лондон. СССР. Москва, Кремль.

Кабинет тов. Сталина.

Тов. Сталин

Советское посольство работало в прежнем режиме, лишь висели на доске объявлений окаймленные траурной лентой портреты. Типично английское солнце, едва пробивающееся сквозь низкие тучи, заглядывая в окошки, с трудом освещало холл, в котором стояло несколько военных в английской форме, с черными повязками на правой руке у каждого. Они поджидали спускающихся по лестнице русских – главу военной миссии СССР в Великобритании адмирала Харламова и его помощников.

– Здравствуйте, сэр! Разрешите представиться – бригадный генерал Файербрас, Имперский Генеральный Штаб. Разрешите от имени Правительства и Вооруженных Сил Империи выразить свое сочувствие в связи с произошедшим. Мы скорбим вместе с вами о погибших в несчастном случае.

– Благодарю вас, господин бригадир. Вы уже получили точные данные о том, что произошло?

– Мое командование уполномочило меня передать вам, что произошел взрыв самолета в воздухе. Для расследования причин происшествия создана специальная комиссия. Имперское командование предлагает вам или специально назначенному вами лицу принять участие в работе этой комиссии...

Я иду по кабинету, держа невозмутимую маску на лице. Сидящий за столом генерал Голованов старается смотреть прямо перед собой, но временами непроизвольно поворачивает голову в мою сторону. Лаврентий и Вячеслав сидят напряженные, словно

готовые моментально сорваться выполнять мои распоряжения. Молчат.

– Очевидно, – взмахиваю рукой с зажатой в ней трубкой, – что некоторые высокопоставленные лица в этой стране узнали о готовящейся встрече руководителей нашего государства с президентом Северо-Американских Соединенных Штатов. Поскольку она являлась для них нежелательной, а пресечь или отдалить эту встречу обычными дипломатическими путями уже оказалось невозможно, поскольку и мы, и руководство Штатов уже достигли определенной твердой договоренности о встрече, эти лица пошли на крайние меры, надеясь пусть не сорвать, но заставить нас отложить ее. – Поворачиваюсь к Лаврентию. – Кто погиб с английской стороны?

– Кроме четырех членов экипажа самолета, также офицер связи от воздушного флота подполковник Вильтон и офицер связи подполковник Эдмонс. По имеющимся сведениям, оба они являются сотрудниками секретной службы Британской Империи.

Понимающе качаю головой, делаю несколько шагов и останавливаюсь прямо напротив Молотова.

– Своих не пожалели, – бросает реплику он.

– Все по правилам искусства: погибли официальные английские лица, нам предложено участвовать в расследовании причин происшествия, – откликается Берия.

– Неосведомленные в нравах английской политики люди вполне могут поверить в случайно происшедшее несчастье. Но мы с вами хорошо помним, сколько раз такие «случайные» совпадения неожиданно меняли ход событий в сторону, выгодную англичанам, – делаю еще два шага и сажусь. Раскуриваю трубку, одновременно продумывая, как мы можем ответить. Получается, пока никак. Но зарубку на память я себе сделал. – Хороши союзнички. Да, наша уверенность в безопасности нахождения советских людей на территории союзника оказалась преждевременной. Но главное не это. Главное во всем этом заключается в том, что самолет без командира обречен надолго застрять на аэродроме Тилинг. Ну и что же нам теперь делать? Встреча с Рузвельтом должна обязательно состояться. Вы еще что-нибудь можете предложить?

– Разрешите, товарищ Сталин, – отвечает Голованов. Киваю разрешающе. – Летчик Пусэп, находящийся сейчас в Англии, является командиром корабля. Он полярный летчик, привыкший по многу часов летать на Севере без посадки. Да и во время войны ему приходилось подолгу быть в воздухе, поэтому он один доведет самолет домой. Здесь мы пополним экипаж, и можно будет отправляться в путь.

– Вот как! – я искренне удивлен. Одно дело – лететь семь часов на самолете с автопилотом и другое дело – пилотировать такое же время тяжелый самолет, непрерывно прикладывая отнюдь не малые усилия для демпфирования колебаний по курсу и высоте. – А вы уверены в этом?

– Да, уверен, товарищ Сталин.

– Ну что же, действуйте.

Отпускаю Голованова, и мы остаемся втроем. Обсуждаем, кто же все-таки отправится в Америку. Молотов и Берия в два голоса убеждают меня, что я не могу лететь ни в коем случае. А я в душе и не очень сопротивляюсь. Конечно, хотелось бы наладить прямой контакт с Рузвельтом, возможно, даже уговорить его на попытку более раннего открытия Второго фронта. Но уверенности в этом нет, на Тихом океане американцам приходится очень несладко. Так что пусть летит Молотов. Наконец останавливаемся на этом решении. Молотов тоже уходит. А вот Лаврентия я прошу остаться. И мы обсуждаем возможности установить, кто и чьи команды выполнял в этом случае. Я хорошо помню про «кембриджскую пятерку». Но раз они нас не предупредили, значит, это дело прошло мимо них. Настраиваю главу НКВД, что необходимо не только найти виновных в гибели наших людей, выполнявших важную миссию, но и покарать их при первом же удобном случае. Надо постепенно вбивать в головы всех остальных деятелей мира, что нас лучше не трогать. Пусть не сразу, пусть после войны, но вбить каждому. Пусть боятся трогать любого нашего гражданина...

«Велико было удивление англичан, когда тяжелый четырехмоторный бомбардировщик с одним летчиком поднялся в воздух, лег курсом на восток и через несколько часов благополучно приземлился на своем аэродроме.

Вскоре после возвращения самолета я был у Сталина. Он спросил, можно ли лететь к Рузвельту, и, получив утвердительный ответ, дал указание готовить самолет для полета в Вашингтон. Взглянув внимательно на меня, сказал, что в Америку полетит Вячеслав Михайлович Молотов.

– Этого никто не должен знать, – продолжал Сталин. – Чем быстрее будет организован полет, тем лучше. Ответственность за этот полет лежит лично на вас.

Две недели спустя после этого разговора советский тяжелый бомбардировщик поднялся с одного из подмосковных аэродромов и лег курсом на запад, к английским берегам».

А. Е. Голованов. Дальняя бомбардировочная. М., 1980.

10...15 мая 1942 г. Юго-Западный фронт

– Слева за склоном стрельба! Наши!

– Володя, налево и короткая!

Тяжелый КВ-2с неторопливо, подвывая мотором, поднимается по склону, укрываясь от возможных взоров наблюдателей противника за торчащим бугром. Едва башня танка возвышается над высотой, как командир кричит в ТПУ:

– Короткая! Огонь!

Туша танка содрогается от отдачи, а в сторону стоящих в укрытии немецких самоходок летит сорокакилограммовый фугасный подарок. Не собираясь наблюдать за результатом, командир требует от мехвода: – Задний и вниз!

Танк сползает по склону, снова скрываясь за бугром. Тем временем двое заряжающих загоняют в ствол шестидюймовой короткоствольной пушки очередной снаряд и гильзу с полным зарядом. Следует доклад о готовности к стрельбе. На сей раз немцев ждет еще более неприятный сюрприз – в стволе стопятидесятидвухмиллиметровки ждет своего мгновения морской полубронебойный снаряд. Теперь все зависит от мастерства наводчика. Он торопливо опускает орудие из положения для заряжания вниз, для стрельбы со снижением. Танк тем временем опять ползет вверх по склону. Опять громоздкая башня появляется над вершиной, громкий выстрел... тяжелый снаряд, пущенный не более чем с трехсот метров вниз, пробивает насквозь одну из самоходок и, пролетев с десятков метров, взрывается в воздухе. Тяжелые осколки впиваются в соседнюю самоходку. Они пробивают броню двигательного отсека. Над отсеком повисает быстро тающее облако распыленного бензина, которое тут же воспламеняется. Экипаж самоходки успевает выскочить, но тут же падает, расстрелянный пулеметами атакующих русских танков. Впрочем, русские не имеют особых причин радоваться – несмотря на удачный огонь тяжелого КВ, уже не менее пяти легких танков атакующего в лоб батарею штугов русского танкового батальона горят, выбрасывая в небо интенсивный черный дым. Три самоходки, выведенные из строя попаданием двух снарядов, – явно неэквивалентный размен. Оценив ситуацию, командир «Клима Ворошилова» приказывает снова подниматься по склону. Но на этот раз немцы его уже ждут. Едва башня «чудовища» появляется над бугром, в его сторону стреляет не менее взвода артштумов. Русский танк успевает выстрелить, но его фугасный снаряд разрывается слишком далеко от самоходок, чтобы причинить им существенные повреждения. Зато в башню КВ-2 ударяет два бронебойных снаряда.

Удар, грохот, от которого закладывает уши, чей-то дикий, быстро прервавшийся крик, полный чудовищной боли. С трудом отстыковав штекер шлемофона, весь в порезах и ушибах от ударов о выступающие углы, старший лейтенант Кутуз Валетов выскочил из башни и тут же одним движением упал вниз, укрываясь от очередей немецких пулеметчиков. Удар о землю столь силен, что Валетов на время потерял сознание.

Очнулся он ближе к вечеру, когда над полем установилась тишина. Осторожно осмотревшись, Кутуз обыскал лежащее рядом тело механика-водителя, лейтенанта Климова, забрал у него документы, револьвер и патроны. Свой револьвер он тоже вытащил из кобуры и теперь шел, словно ковбой, держа в каждой руке по револьверу. Внезапно он остановился и начал всматриваться в сгущающуюся тьму. Потом, подумав, начал негромко насвистывать мотив песни «Вставай, страна огромная». Ответом ему послужил столь же негромкий окрик:

– Ты кто?

– Свой. Старший лейтенант Валетов.

– Подходи. Только неторопливо и руки вверх. Оружие в кобуру.

Подойдя ближе, Кутуз увидел целящегося в него из окопа пехотинца с винтовкой. Еще двоих он заметил позднее. Они вырыли себе окопчик прямо под подбитым Т-26. Оттуда выглядывал ствол ручника, по блеску которого лейтенант и засек пулеметную точку.

– А я вас знаю, товарищ старший лейтенант, – заметил пехотинец. – Вы из полка, что нашей бригаде придали.

Оказалось, что здесь заняли оборону остатки семьдесят седьмой танковой бригады третьего гвардейского механизированного корпуса, которому перед наступлением придали отдельный тяжелый танковый полк. Немцы пока отошли, но сил в бригаде для дальнейшего наступления не осталось. Поэтому мотострелки вместе с танкистами готовились к обороне.

Попав на командный пункт сводного батальона, Кутуз узнал, что бригада, вернее, ее остатки, отсечена от основных сил корпуса, и комбриг решил занять оборону. Наступление на Киев продолжалось, так что решено было дожидаться прорыва наших войск к обороняющимся. Три дня немцы, подтянув резервы, пытались раздавить перехватившую один из «роллербанов» бригаду. Три дня обстрелов и боев, в которых принимали участие все, способные держать оружие. Валетов, несмотря на контузию, стрелял из трофейного «шмайссера», потом, когда кончились патроны к немецким автоматам, – из подобранной у одного из убитых мотострелков СВТ. Винтовка ему понравилась – дергать затвор не надо, патронов в магазине аж десять штук. Да, чистить и следить за состоянием надо после каждого боя. Зато стрелять намного удобнее, чем непрерывно дергая затвор, как у мосинки. Нет, определенно – для подготовленного бойца самое лучшее оружие...

На четвертый день стало ясно, что помощь не придет. Связи с командованием не было, боеприпасы кончались, и на спешно собранном военном совете решено было прорываться к своим. Немцы удара в северном направлении не ожидали. Поэтому остатки обороняющихся, расстреляв последние снаряды и патроны, при поддержке двух оставшихся Т-50, в которые слили уцелевшие запасы газойля, сумели вырваться из кольца. Но единой колонной уйти не удалось, в небе зловещими стаями висели немецкие «лаптежники», гоняясь за каждой движущейся машиной и за отдельными группами солдат.

Кутуз и еще несколько танкистов, отстав после очередной бомбежки, сменили направление движения на восточное и неожиданно для себя быстро вышли к одной из наших кавалерийских бригад. Бригада тоже находилась в окружении, но не потеряла связи с командованием. И вместе с кавалеристами Валетов вырвался из окружения.

А вырвавшись из окружения, Кутуз, пройдя проверку, вернулся в расположение остатков полка. Встретивший его командир роты Иван Дубовик замер и, чуть ли не заикаясь, спросил:

– Ты живой?

– А что со мной будет?

– Так на тебя уже похоронку отправили...

«В мае 1942 г., когда шли ожесточенные бои в районе Харькова, развернулась напряженная борьба за возвращение Киева. Как уже говорилось выше, на этом участке фронта обе стороны намеревались начать летнюю кампанию активными наступательными операциями. [...]

Во второй половине марта Военный совет Юго-Западного фронта обратился в Ставку Верховного Главнокомандования с предложением провести

наступательные операции с целью разгрома противостоящих группировок противника[...]

Первыми утром 5 мая после часовой артиллерийской и авиационной подготовки в наступление перешли советские войска. Ударные группировки Юго-Западного фронта прорвали оборону немецкой армии севернее и южнее направления на Киев. За три дня напряженных боев наши войска продвинулись на 20–30 километров. Войска... – й немецкой армии оказались в тяжелом положении. Командующий группой армий «Юг» обратился к верховному командованию с просьбой срочно перебросить для ликвидации прорыва, образовавшегося южнее Киева, три-четыре дивизии из резервов.

К исходу 7 мая создались выгодные условия для ввода в бой подвижных соединений советских войск с целью развития успеха и завершения окружения немецкой группировки в районе Харькова. Однако командование Юго-Западного фронта, введенное в заблуждение необоснованными данными разведывательного отдела штаба о том, что противник сосредоточивает крупную танковую группировку в районе..., задержало ввод в бой механизированных корпусов второй механизированной армии. Отказ от использования подвижных соединений 7–8 мая для наращивания удара стрелковых войск отрицательно повлиял на развитие операции. Наступавшие войска истощили свои силы, и темп наступления резко снизился. Противник за это время успел подтянуть резервы и организовать оборону на тыловых рубежах. В результате механизированные корпуса увязли в обороне противника, который, при остановив наступление наших войск, в свою очередь нанес контрудары по флангам атакующих группировок.[...]

Поражение советских войск в Киевской наступательной операции, а позднее – в боях под Харьковом стало предпосылкой успешного наступления немецких войск на южном направлении».

**«История Великой Отечественной войны Советского Союза», т. 2.
М., 1965.**

20 июня 1942 г. Полигон ГАУ.

Тов. Сталин

Удивительно наблюдать, до чего же консервативно бывает человеческое мышление. Казалось бы, вот перед тобой великолепное оружие для поддержки пехоты – автоматический гранатомет. Так подумай и используй. К тому же боевой опыт уже есть. Но нет, игнорируя практику, все уверяют, что автоматический гранатомет намного дороже ротного миномета и не столь эффективен. Уже и конструкцию упростили, и тактику применения для него конструктор сам продумал. А наши чинуши из ГАУ все новые и новые возражения находят. Словно этот гранатомет их самих заставят выпускать на их деньги. Даже мысль появляется, что прочитанное у одного из авторов о минометном лобби может и правдой оказаться. Иначе почему ж они так сопротивляются очевидному. Вот, даже сейчас полковник Кузьмин с мрачным лицом выговаривает что-то Коровину. Недоволен чем-то? Почитаем отчет, посмотрим. Неужели успешного поражения мишеней мало? Неужели сейчас опять начнутся споры о том, что это оружие нашей пехоте не нужно, потому что для ближнего боя лучше гранаты, а малокалиберные минометы дешевле...

Или пример успешного использования носимых эрэсов. Из войск приходят отчеты об успешном применении их даже против бронетехники. Специалисты же ГАУ считают их неэффективными из-за высокого рассеивания на дистанциях свыше двухсот метров. Пришлось кое-кому фитиля вставить, чтобы выдали задание на противотанковую мину и пусковую установку для нее. Зато теперь двуствольная направляющая завода «Компрессор» на полигоне будет испытываться. Поглядим, что они там наконструировали. По моим прикидкам должно получиться неплохое противотанковое оружие, да и для поддержки пехоты на ближней дистанции может пригодиться.

Отстрелялись. Рассеивание на ближних дистанциях великовато, а дальше двухсот метров вообще стрелять смысла нет. Надо бы направляющие дорабатывать. Да и взрыватели тоже. На десять выстрелов три несрабатывания и один затяжной взрыв. Не пойдет.

– Товарищ Васильев. У вас получилась перспективная конструкция. Но она требует доработки. По самим минам мы с товарищем Вороновым дадим указания разработчикам. А вас я попрошу подумать, как улучшить вашу установку...

– Мы назвали ее переносным двухствольным противотанковым реактивным минометом, сокращенно ПДПРМ, товарищ Сталин.

– Очень хорошо. Однако слово «двухствольный» само по себе намекает на замену открытых лотков стволами. Вы не находите, что во время боя иметь всегда заряженное оружие надежнее? – Главный конструктор, да и несколько присутствующих при разговоре военных утвердительно кивают. – Вот видите, вы подтверждаете мои слова. Но в существующем виде транспортировать ваш... «миномет»... а может, лучше назвать его «ракетометом»?... так вот, перевозить вашу установку с лежащими на открытых лотках реактивными минами неудобно. Есть мнение, что лучшим вариантом будет применение легкого трубчатого ствола. Так что доработайте вашу установку с учетом наших замечаний. Заодно отработайте и одноствольный вариант. Такое противотанковое средство может весьма пригодиться нашим войскам. Товарищ Кузьмин хочет что-то сказать?

– Да, товарищ Сталин. Я считаю это оружие неудачным, товарищ Сталин.

– Обоснуйте ваше мнение, товарищ Кузьмин. А мы обдумаем ваши доводы.

– Товарищ Сталин, товарищи. Вы видели, что даже на двухстах метрах эти снаряды дают рассеивание большее, чем снаряды обычной противотанковой пушки. Между тем противотанковая пушка сорокапяти- или пятидесятисемимиллиметрового калибра позволяет уверенно поражать танки противника на вдвое-втрое больших дистанциях. То есть это оружие не позволит поражать танки на дистанциях эффективного огня противотанковой артиллерии, а на ближней дистанции наша пехота успешно использует уже имеющиеся средства в виде противотанковых ружей, ручных и винтовочных гранат. Подобное оружие – американские противотанковые реактивные ружья мы уже получили и при испытаниях в боевых условиях убедились в их невысокой эффективности...

– Мы поняли ваши соображения, товарищ Кузьмин. Мы подумаем над ними. Только у нас есть несколько вопросов к вам. Насколько эффективны противотанковые ружья против тяжелых танков, с броней, как у немецкой «четверки»? Какова дальность броска противотанковой гранаты? Каковы недостатки американских реактивных ружей и какие меры необходимы для их устранения? Какое количество артиллерии мы можем выделить для противотанковой обороны и что легче подавить – орудие на позиции или вот такую установку? Подумайте и доложите нам на совещании. Хорошо, товарищ Кузьмин?

– Есть, товарищ Сталин, подумать и доложить!

– Вот и хорошо. А сейчас давайте посмотрим на действие этих американских реактивных ружей. Я правильно запомнил порядок показа, товарищ Воронов?

– Так точно, товарищ Сталин.

– Пойдемте, товарищи, посмотрим, что нам прислали наши союзники. Действительно такое неэффективное оружие?

Вспоминаю, что читал по этому поводу. Наше командование упорно сопротивлялось введению оружия поддержки пехоты, упирая на лучшую эффективность артиллерии. Под этим предлогом закрыли и тему по ПДПРМ, прикрыли и другие разработки тоже. А потом пришлось срочно догонять. Только вот начатые в конце войны разработки были закончены только в начале пятидесятых.

«По заданию ГУВ ГМЧ летом 1942 г. СКБ московского завода № 733 «Компрессор» под руководством А.Н. Васильева разрабатывал станки для запуска 100-мм реактивных противотанковых мин МП-10. Было создано три образца станков. В июне был создан первый из этой серии, открытый двухзарядный станок МП-10. Он состоял из рамы, на которой сверху были закреплены две направляющие в виде открытого лотка, а снизу два ходовых колеса мал ого диаметра и тяговое устройство (дышло) для передвижения станка при смене позиций. Сбоку станка на кронштейне имелось прицельное приспособление в виде мушки и рамки с пусковым механизмом.

К сожалению, чертежа или фотографии данного устройства не найдено.

В августе 1942 г. СКБ московского завода № 733 «Компрессор» был создан опытный двуствольный станок для пуска реактивной противотанковой мины МП-10. Станок разрабатывался по заданию ГУВ ГМЧ КА, предназначался для поражения танков и бронемашин противника. Заводское название: переносной двуствольный противотанковый реактивный миномет (ПДПРМ).

Боевой станок (пусковая установка) для МП-10 представлял собой направляющие в виде двух тонкостенных гладких стальных труб, в которые сзади вставлялись мины МП-10. Снизу к направляющим крепились: спусковой механизм с рычагом и шепталом механического действия с двойным спусковым крючком, передний суппорт и задний упор, удерживающие мину от выпадения, трубчатая рукоять для наведения, передняя трубчатая сошка. Прицельные приспособления представляли собой простые открытые мушку и рамку, приваренные к стволу с левой стороны. Пуск мины производился нажатием на спусковой крючок, при этом механизм выдергивал из мины запал мгновенного действия. Прицеливание и пуск мины производился из лежачего положения. При пуске стрелок надевал на голову специальный защитный шлем.

Станок был испытан на артиллерийском полигоне ГАУ и был принят на вооружение РККА (в индексах вооружения ГАУ значился как: 52-У-931 – 2-зарядный станок серт. ТЗ-00149 для пуска 100-мм противотанковых мин 52-У-941Б, журнал № 0018, 1942 г.) Заводом «Компрессор» была изготовлена опытная серия. В сентябре 1942 г. была создана одноствольная версия станка для пуска реактивной противотанковой мины МП-10. Конструкция была полностью аналогична двуствольному образцу³².

В конце 1942 года, после доводки, ППРМ-42 (переносной противотанковый реактивный миномет, или ракетомет) стал поступать в войска. Им переоснащались взводы ПТР механизированных частей и стрелковых полков РККА. Расчет ППРМ-2 состоял из 2 человек, стрелка и заряжающего, он же носил БК из четырех мин. Дальность эффективной стрельбы составляла до 100 м. Бронепробиваемость – 90—100 мм.

Войска приняли новинку настороженно, но первые же бои зарекомендовали ППРМ-42 как эффективное средство борьбы с танками противника. Со временем выработалась и эффективная тактика борьбы с бронетехникой. ППРМ-42 отлично зарекомендовал себя в жесточайших боях 1943–1944 годов, многократно усилил противотанковую оборону сухопутных войск.

В 1943 г. ракетомет прошел незначительную модернизацию, получил пистолетную рукоять от ППС-42, трубка механизма была смещена на левую сторону ствола, и введен небольшой раструб в дульной части. Выпускался под обозначением ППРМ-42М. В том же году была принята на вооружение новая 100-мм фугасно-осколочная мина МФО-10 и зажигательная мина МЗ-10.

В войсках по аналогии с БМ «Катюша» ППРМ получил ласковое прозвище «Петруша».

Оставался на вооружении до 1960 года».

С. Сыч. Оружие пехоты. М., 1981.

27 июня 1942 г. Москва. Кремль.

Кабинет т. Сталина.

Тов. Сталин

– ...Таким образом, несмотря на то, что обстановка остается сложной, можно констатировать, что за истекшие сутки наши войска сумели остановить наступление противника. В качестве трофеев захвачены два новейших германских танка, один из которых

³² Все написанное, включая данное предложение, – реальные факты. Почему данное оружие не производилось, точно неизвестно.

полностью в исправном состоянии. Танки отправлены для изучения в Кубинку.

Что-то новенькое. Неужели немцы уже построили «Тигры», или это какие-то другие машины? Прохожу вдоль столов, стараясь не терять из вида расстеленные на столе карты. Интересное положение на фронте складывается. Немцы опять пытаются на всех трех направлениях наступать, или остальные наступления отвлекающие?

– Хорошо, товарищ Василевский. Новейшие танки... Значит ли это, что немцы твердо решили наступать на юге? Что скажет товарищ Берия?

– По нашим данным, так и есть, товарищ Сталин. Сведения подтверждает как агентурная разведка, так и органы «Смерш». Немцы перебросили на юг большую часть резервов, а их шпионская сеть на юге активизирована.

Уточняю:

– Это интересно. То есть немцы решили получить украинский хлеб, уголь и сталь для дальнейшего ведения войны?

– Товарищ Сталин, по нашим сведениям, они планируют прорыв к Волге и на Кавказ. Хотят отрезать нас от нефти и южного ленд-лиза.

Обсуждение возможных вариантов действий немецко-фашистских войск и наших ответов на них затянулось. Наконец все было решено, и я, вновь прогуливаясь по кабинету, раскуриваю свою любимую трубку. Внезапно останавливаюсь за стулом, на котором сидит Берия, и спрашиваю, глядя на Василевского:

– А как наши танки показали себя в бою против немецких?

– Плохо, товарищ Сталин, – отвечает, вставая, Василевский. – Тяжелые танки противника смогли уничтожить вдвое больше наших новейших КВ-15, и только умелое использование танков КВ-2с позволило уничтожить три из пяти участвовавших в бою немецко-фашистских танков. Два танка, как я уже докладывал, захвачены, причем один в исправном состоянии.

– Это хорошо. Кто конкретно отличился в бою?

– Товарищ Сталин, в бою участвовали подразделения Первой гвардейской тяжелой танковой бригады гвардии полковника Мельниченко.

– Мельниченко? Это командир тяжелой танковой бригады, который отличился в боях против Гудериана, командуя подвижным отрядом армии, фактически сводным механизированным корпусом? – Делаю вид, что не помню одного из основных фигурантов «Припяти».

– Так точно, товарищ Сталин!

– Героя он получил за это, если я не ошибаюсь?

– Да, товарищ Сталин, – подтверждает Лаврентий, опередив Василевского.

– А почему тогда он до сих пор не командует корпусом? – Валять ваны, так уж до конца. Как будто мне неизвестно, что у него никого из знакомых «наверху» нет, а вот завистников и даже врагов вполне хватает.

– Есть неясности в его биографии, товарищ Сталин. Кроме того, он и его окружение находятся на контроле, товарищ Сталин, – опять Лаврентий пришел на выручку Василевскому. Великолепно помнивший, что Хозяин о деле «Припять» осведомлен и, значит, эти вопросы задает лишь для уточнения какого-то собственного решения, Лаврентий решил мне подыграть.

– Не понял? – прищурившись, я оглядел присутствующих начинающими поблескивать желтыми тигриными глазами, отчего все, на кого падал взгляд, невольно съеживались. – Он что, плохо воюет?

– Нет, товарищ Сталин, хорошо, но... – начал Василевский.

– Он что, не справляется с корпусом?

– Справляется, т-товарищ Сталин. – Василевский выглядел уже менее уверенным.

– И, как я помню из ваших докладов, импровизированным. Как вы думаете, если дать ему штатный корпус, он будет воевать лучше?

– Так точно, товарищ Сталин.

– Тогда Ставка считает, что надо так и поступить.
– Но, товарищ Сталин, у нас нет свободных корпусов...
– Тогда надо сформировать новый, присвоив ему название Третьего гвардейского механизированного корпуса, вместо разбитого под Киевом.

Через пятнадцать минут заседание Ставки заканчивается, и все встают, собирая бумаги. Все, кроме меня. Делаю вид, что полностью поглощен чисткой трубки, дожидаясь, пока Берия начинает подниматься из-за стола.

– А вас, товарищ Берия, я попрошу остаться.

Едва все выходят из кабинета, как я перехожу на грузинский. Обсуждаем расследование дела о попаданцах. Все-таки чувствуется иная эпоха и отсутствие фантастических произведений на эту тему. Лаврентий и его сотрудники даже не подозревают истину, судя по докладам. Пока они отрабатывают десяток версий. Поддакиваю, когда он начинает рассуждать о возможном английском варианте, создавая у наркома впечатление, что сам склоняюсь к этому. Приходится маскироваться, а то Лаврентий, кажется, что-то подозревает. Очень уж при некоторых моих указаниях глаза у него такие... спокойно-отрешенные становятся. Причем он старается в этот момент от моих взглядов укрыться. Так что немного маскировки не помешает. Лаврентий, при всей его преданности, вполне способен и меня начать разрабатывать, если что-то заподозрит, поэтому не будем его лишний раз беспокоить.

6 июля 1942 г. Район Воронежа.

439-й истребительный авиаполк ПВО.

Николай Козлов

Получив от разведки сведения, что люфтваффе готовят массированный налет на станцию и оборонительные порядки защищающих Воронеж войск, командир полка собрал командиров эскадрилий и поставил задачу быть в полной боевой к восьми часам.

К указанному времени все летчики сидели в кабинах, включив радию на прием. Сидел в кабине и командир третьей эскадрильи Николай Козлов, привычно выжидая команды. Все спланировано заранее, его шестерка идет в верхнем эшелоне, а звено Баренберга – в нижнем, с задачей связать боем прикрытие. Остается только ждать...

Взлетают первая и вторая эскадрильи, которые ведет сам командир полка. Но третья пока сидит на земле. Недолго – едва взлетевшие самолеты скрываются за горизонтом, поступает команда на взлет третьей.

– От винта! – Разбег, взлет, набор высоты, курс на запад... В небесно-голубой дали видна приближающаяся группа самолетов. Николай, присмотревшись, насчитывает до полусотни «лаптежников», прикрытых не менее чем двумя звеньями «Мессершмиттов».

– Странник Нику. По плану. Худые твои. Прием.

– Ник Страннику. Понял. Атакую.

Баренберг и его звено в пологом пикировании атакуют не заметивших их фрицев. Андрей – опытный летчик, и за его действия Козлов спокоен.

– Двойки, атака!

Шестерка, ведомая Николаем, пикирует на строй из пяти девяток «Юнкерсов». Время, как всегда в такой момент, словно размазалось, потекло ленивым потоком. Кажется, если вглядеться внимательнее, то успеешь уловить каждый оборот винта. Но отвлекаться некогда, летчик ловит в прицел ведущего первой девятки. Заметивший атаку немец пытается резко уйти в пикирование, но расстояние неумолимо поглощается несущимся МиГом. Вот уже кабина «лаптежника» заняла весь прицел. Немец еще пытается ускользнуть. Поздно! Николай жмет на гашетку. Видны уже перекошенные лица пилота и что-то орущего стрелка. Трассеры мелькают в воздухе, но следить, попал или нет, некогда, резко потянув ручку на себя, Козлов выходит из пике. Воздух противится, не пускает тяжелую, больше трех тонн весом, машину. Ему помогает инерция, от перегрузки темнеет в глазах. Наконец самолет становится практически на дыбы. Перейдя в набор высоты, Николай осматривается. Ведомые повторяют его маневр, тоже набирая высоту. «Лаптежники» развалили строй. Одна,

самая упорная девятка фрицев встала в оборонительный круг, от которого уже тянутся в сторону истребителей первые очереди самых неопытных и нетерпеливых стрелков. Но куда там, расстояние, которое до этого непрерывно сокращалось, теперь столь же неумолимо увеличивается, и трассеры их пукалок пехотного калибра бессильно исчезают в воздухе. «Надо атаковать, пока не опомнились», – решает Николай.

– Двойки, делай, как я!

Переворот через крыло, и снова пикирование. Теперь пикировать не просто – навстречу устремляется плотный поток пуль, на дулах пулеметов проблескивают язычки пламени. Не испугаться и не попасть под огонь, сохранив направление на цель – сейчас главная задача атакующих. Николай успевает вспомнить свой верный «ишачок», закрывавший его от огня «лбом» не боявшегося попаданий мотора.

И вторая атака достигает цели. Вспыхивает и устремляется к земле еще один самолет противника, словив несколько снарядов из очереди, выпущенной Николаем. Шарахнувшегося в сторону соседа добивает его ведомый. Два! Но бой еще не кончен. Как раз в этот момент вспыхивает получивший сразу несколько попаданий наш, бортовой «семнадцать», истребитель. Еще один сообщает, что мотор забарахлил и, запарив, сваливается в сторону.

Николай входит в вираж, за ним тянется ведомый. В этот момент в прицел Козлова влезает ударающий от оставшегося без ведущего Кости Турובה один из сбивших его ведущего бомбардировщик. Стрелок всю палит по Косте. Летчик тоже сосредоточен на опасности сзади и не замечает несущегося на него МиГа. Расстояние великовато, но стрелять можно. Николай дает длинную очередь, бой все равно закончился, остальных фрицев разогнали так, что они поспешно разлетаются в разные стороны. К тому же от фронта на уцелевших фрицев идет эскадрилья соседей из семсот тридцать третьего полка. Николай попал и в этого. Винт «Юнкерса» вдруг резко останавливается, из движка валит черный дым, стрелок молчит, а сам «лаптежник» резко сваливается в пике.

Остатки эскадрильи выходят из боя и собираются в колонну пар. Всего шесть самолетов из взлетевшего десятка. Потеряли четверых, но один, как помнит Козлов, только подбит, и есть надежда, что он дотянет до аэродрома.

Домой эскадрилья добирается без происшествий. Козлов как комэска садится крайним, на последних остатках топлива. Едва самолет сворачивает с взлетно-посадочной полосы, как двигатель, чихнув, резко выключается. Выжатый до предела боем, Николай выбирается из кабины с помощью техника. Остальные уже ждут и, как только летчик спрыгивает с плоскости, дружно откатывают самолет в капонир. Оставив технику парашют, освобожденный от лишнего груза, Козлов устало бредет к домику предполетной подготовки. Туда же постепенно стягиваются и другие летчики. У входа уже ждет командир и новенький боевой листок. Третья эскадрилья впереди: дюжина сбитых, все уже подтверждены. У первой – три, у второй восемь сбитых. Только вот и потери третьей эскадрильи самые высокие. Трое летчиков уже никогда не сядут на землю, которая стала им пухом...

«Почти полтора года грозное пламя войны бушевало на нашей земле. В тяжелом единоборстве с немецко-фашистскими захватчиками советский народ отстаивал свою свободу, честь и независимость, будущее всего человечества. Шла гигантская по масштабам и небывалая по напряжению борьба. Злобный и сильный враг стремился уничтожить все завоевания советского народа, грабил и топтал плоды его многолетних трудов, глумился над его национальным достоинством. Кровавый путь фашистских войск был отмечен заревами пожаров, горами развалин, трупами сотен тысяч советских людей. К осени 1942 г. захватчики не только продолжали удерживать оккупированную территорию – Эстонию, Латвию, Литву, Белоруссию, часть Украины, Молдавию, ряд западных и южных областей Российской Федерации, часть Карело-Финской Республики, – но и глубоко продвинулись на восток в направлении нижнего течения Волги и Кавказа. Немецко-фашистские войска все еще находились в 150–300

14 июля 1942 г. Москва. Кремль.

Кабинет т. Сталина.

Тов. Сталин

По заведенному порядку вновь назначаемый командир корпуса должен был встретиться со мной как Верховным Главнокомандующим. Такая встреча предстояла и Андрею Мельниченко, одному из так заинтересовавшей меня группы. Дело «Припять», да. Неплохо воюют товарищи. За год от не известного никому командира запаса до командира корпуса...

Но ведь он этого достоин. Есть, конечно, недовольные, но ничего. Лаврентий присмотрит, чтобы они сильно не зарывались. А интересно, как он выглядит наяву, этот возможный пришелец из будущего. Вот, кстати, и он. Судя по первому впечатлению – кадровый. Форма сидит как влитая, здоровается четким, отточенным движением. Жестом предложив ему сесть, инстинктивно оглядываюсь на сидящих, тут же подхожу к Мельниченко вплотную.

– Здравия желаю, товарищ Верховный Главнокомандующий! Представляюсь по случаю назначения на должность командира корпуса! Гвардии полковник Мельниченко!

– Здравствуйте, товарищ Мелниченко. Проходите к столу, – отвечаю, а сам стараюсь взглянуть в предполагаемого пришельца внимательней. Нет, я все же не ошибся. Человек явно оттуда. Волнуется, но совершенно иначе, не так, как наши, собой владеет лучше. Да и просто реакция быстрее, хотя на спортсмена и не похож, а сейчас такой только самые тренированные спортсмены и могут похвастаться.

Мельниченко прошел вперед, за стол, усевшись на заранее приготовленный стул, прямо против моего места и почти напротив Лаврентия. Пока Мельниченко садится, обхожу стол и, усевшись напротив, начинаю чистить трубку, давая время освоиться.

– Товарищ Мельниченко, мы знакомы с результатами вашей полководческой деятельности и на этом основании приняли решение о назначении вас командиром корпуса, – продолжая свои манипуляции с трубкой, начинаю разговор, – но хотелось бы узнать ваше мнение – справитесь ли вы с такой должностью? – внимательно смотрю на реакцию.

– Постараюсь оправдать оказанное мне доверие и выполнить все приказы Верховного Главнокомандования, – отвечает он. Хорошо отвечает, реагирует быстро.

– Хорошо, товарищ Мельниченко. А как вы считаете, – закуриваю и, выдохнув первый клубок ароматного дыма, продолжаю, – что необходимо вам и вашему корпусу для лучшего выполнения приказов? Какие недостатки вы успели заметить во время предыдущих боев?

Не тушется, говорит убедительно, выводы логичны. Смотри-ка, и фамилии не боится называть. Свои ошибки тоже отмечает. Кажется, я не ошибся, до действия закона Паркинсона еще далеко. Что ж, если хорошо проявит себя на корпусе, можно будет и об армии подумать.

Разговор, к которому присоединились и все присутствующие, продлился около часа, время, потраченное на него, вполне себя оправдало. Я получил много новых и интересных данных, которые обязательно сегодня же обдумаю. Судя по всему, на остальных присутствующих Мельниченко тоже произвел самое лучшее впечатление.

Затем Мельниченко были вручены принесенные Поскребышевым бумаги, и я, приказав дежурному генералу отправить его в гостиницу под надежной охраной, простился и пожелал ему удачи на нелегком фронтовом пути.

– Ну что, товарищи, у нас остался вопрос по правоприменению указа Президиума Верховного Совета от 26 июня. Товарищ Поскребышев, позовите товарища Вышинского.

Входит. Явно настроен поразить нас фактами. А я и так знаю, что он мог накопать. Бюрократия, она и в СССР бюрократия. Всегда норовит сделать поменьше, а людей

потомить подольше. Ничего, будем разбираться и приучать, что такое поведение оканчивается штрафной ротой в военное время или принудительными работами на стройках социализма в мирное.

Начало доклада слушаю не очень внимательно, но дальше идут конкретные факты, вот их и я стараюсь не пропустить.

– Проверкой работы Управления по учету погибшего и пропавшего без вести рядового и сержантского состава вскрыты серьезные недостатки в работе с письмами, поступающими от трудящихся – родственников военнослужащих. Отсутствует элементарный порядок в приеме, учете и разборе поступающих писем. Просмотр и принятие решений по письмам производится механически, без анализа их содержания. По письмам, вместо прямого ответа, по принятому в Управлении порядку запрашиваются от отправителей всякого рода ненужные дополнительные справки. Волокита с этими справками длится месяцами, и семьи военнослужащих не получают ни удовлетворительного ответа, ни, соответственно, положенных им льгот. Розыск военнослужащих по письмам их родственников не налажен, установлена неправильная практика отнесения таковых военнослужащих к числу пропавших без вести только потому, что они потеряли связь со своими семьями.

Аккуратно, чтобы не выдать закипающей злости, кладу трубку на стол, встаю и прохожу мимо стола к окну. Взгляд на небо немного успокаивает.

– Товарищ Вышинский. Вы нам приводите факты ошибок и неправильной работы, не называя конкретных виновников. Но у каждой такой проблемы всегда есть фамилия, имя и отчество. Мы уже поняли, что положение в этом управлении неблагополучно. Составьте списки всех причастных к данным фактам с указанием степени вины. Предлагаю принять постановление ГКО с мерами по исправлению недостатков и наказанием виновных. Самых виновных – под трибунал и на фронт – искупать кровью. Остальным меру наказания в соответствии со степенью вины установит Наркомат обороны. Дело поставить на ваш личный контроль. Доложите нам о результатах на заседании ГКО через месяц. Все понятно? Кто «за»? Единогласно? Хорошо. Вам все понятно, товарищ Вышинский?

«Указ Президиума ВС СССР от 26.06.41 о порядке назначения и выплаты пособий семьям военнослужащих рядового и младшего состава в военное время»³³

...

9. В случае увольнения военнослужащего с военной службы по инвалидности назначенное его семье пособие выдается ему впредь до назначения пенсии по инвалидности. Семьи убитых, умерших или пропавших без вести военнослужащих продолжают по лучать установленное им пособие впредь до назначения им пенсии.

*Постановление Совета
Народных Комиссаров СССР № 63
24 июля 1942 г. Москва, Кремль.³⁴*

О льготах для семей военнослужащих, погибших и без вести пропавших на фронтах Отечественной войны.

1. Сохранить на все время войны за семьями военнослужащих, погибших и без вести пропавших на фронтах Отечественной войны, все льготы, предоставляемые семьям военнослужащих, состоящих в Красной Армии, Военно-Морском Флоте и войсках НКВД.

2. Сохранить на все время войны за семьями военнослужащих рядового и младшего начальствующего состава, погибших и без вести пропавших на фронтах

³³ Реальный документ.

³⁴ Реальный документ, изменена только дата с 24.07.1943 г. на 24.08.1942 г.

Отечественной войны, получающим пенсии, все льготы, предоставляемые семьям военнослужащих, получающим государственное пособие согласно Указу Президиума Верховного Совета СССР от 26 июня 1941...

Государственный архив СССР.

16 июля 1942 г. Восточный фронт

Командующий группой армий «А», одной из двух, на которую была разделена бывшая группа армий «Юг», генерал-полковник Максимилиан фон Вейхс пребывал отнюдь не в лучшем настроении. Его войска с трудом преодолевали сопротивление быстро и искусно подтягиваемых русскими подкреплений. Так что теперь на равнинах Придонья русские и немецкие войска играли в кровавую игру «поймай недруга». Массы пехоты, кавалерии, танков и артиллерии маневрировали, стараясь нащупать слабое место неприятельского фронта, или прикрыть свой слабый участок. Над ними с таким же ожесточением стремились сбросить друг друга с неба тучи самолетов.

Не улучшало настроение генерал-полковника и то, что почти половину его войск составляли союзники – итальянцы, венгры и румыны. Впрочем, венгры из них были самыми боеспособными, жаль, что их так мало. Хитрый сухопутный адмирал-регент отозвал свои кадровые части с фронта при первой же возможности, заменив их резервистами. Но даже венгерские резервисты были куда боеспособнее румынских кадровых частей. Да еще эта взаимная ненависть между венграми и румынами. Их же даже рядом расквартировать нельзя, не то чтобы в бой пустить!

И как же не хватало генералу нормальных немецких войск, которые превосходили русских в подвижности и настоящем арийском боевом духе. Впрочем, не хватало не только войск, проклятый Восточный фронт сильно проредил и части снабжения. Автомобили, как и люди, не выдерживали этой дикой азиатской природы и ломались, ломались, ломались.

Но больше всего раздражали генерала именно коварные азиатские унтерменши. Никакого сравнения с цивилизованной войной в Европе здешняя мясорубка не имела. Орды азиатских варваров на фронте, отряды непокорного населения и диверсантов в тылу, ночные налеты «швейных машинок», пилотируемых «ночными ведьмами», помехи радиосвязи и уничтожение посыльных. И самое опасное – русские очень быстро учились. Если в прошлом году их выдумки хватало, в большинстве случаев, на жесткую оборону и прямолинейные контратаки, то теперь они маневрировали немногим хуже опытных частей вермахта. Спасало немцев пока отсутствие у русских достаточного количества автотранспорта. Даже в подвижных частях его явно не хватало. Но, учитывая, что проклятые американцы включили большевиков в программу ленд-лиза, все могло измениться. И тогда... тогда, как думал генерал, оставалось надеяться только на Господа Бога.

«Закончившая формирование к 12 октября 1942 года Вторая механизированная армия включала два механизированных корпуса – 3-й гвардейский и 4-й, 1-ю гвардейскую тяжелую танковую бригаду, 39-ю мотострелковую бригаду, 10-ю зенитно-артиллерийскую бригаду, 1814-й тяжелый самоходно-артиллерийский полк, 124-й гвардейский минометный полк, 2-й мотоциклетный батальон и... (другие части обеспечения и обслуживания). Командующий армией – генерал-лейтенант бронетанковых и механизированных (бтмв) войск Прокофий Логвинович Романенко, член Военного совета – генерал-майор бтмв Гайк Лазаревич Туманян, начальник штаба армии – генерал-майор Алексей Ил ьич Данилов.

На вооружении армии числилось...танков и САУ...орудий и минометов... гвардейских минометов... бронетранспортеров... автомобилей. Таким образом, укомплектованность основными видами вооружения и техники достигала 96 %, за исключением БТР и автомобилей, некомплект которых составлял шестнадцать и тридцать процентов соответственно. Личным составом армия была укомплектована на 99,7 %.

«Боевой путь Второй Механизированной армии», ЦАМО, оп.

*Ночь с 18 на 19 июля 1942 г.**Небо над г. Берлин*

Тяжелая четырехмоторная машина словно протискивалась сквозь лес из ярких лучей прожекторов и неожиданно возникающих на пути обманчиво-красивых вспышек разрывов зенитных снарядов. Наконец штурман оторвался от прицела, удовлетворенно кивнул, коротко сказал по СПУ:

– На боевом, – и снова приник к прицелу, высматривая пятно цели.

Лежащая внизу столица Третьего Рейха давно уже погрузилась во тьму светомаскировки. Прилетающие почти каждую ночь английские, а затем еще и советские бомбардировщики уже приучили население прятаться в бомбоубежищах, проклиная некоего Майера за его неумение держать свое слово. Наступление немецких войск на Москву, а сейчас и где-то на юге этой гигантской азиатской страны принесло некоторое облегчение жителям – русские стали прилетать реже, а англичане переключились со столицы Рейха на районы Рура и французские заводы. Но русские все равно прилетали, пусть в меньшем числе, но от этого легче не становилось. Бомбили они промышленные районы и железную дорогу, но ведь бомба – она дура и летит не всегда туда, куда пытались ее сбросить. Так что укрываться приходилось всем жителям. И сидеть в тесной полутьме под землей, ожидая сигнал отбоя и гадая, какой район пострадает на этот раз.

Александр Молодчий, один из перспективных летчиков Авиации Дальнего Действия, старательно удерживал заданный курс и высоту, несмотря на все усиливающийся зенитный огонь. Сегодня ему предстояло выполнить особое задание – используя новую аппаратуру прицеливания, с помощью подпольщиков в стане врага нанести точный удар по одному из вокзалов вражеской столицы.

По сигналу штурмана он буквально на волосок повернул самолет по курсу, спарировал попытку многотонной машины скабировать... и в этот момент самолет, избавившись от бомбового груза, слегка подпрыгнул вверх. Сразу же переведя самолет в набор высоты и закладывая вираж, Александр довольно улыбнулся. Судя по репликам штурмана и стрелков, задание выполнено успешно. От радости хотелось сотворить что-нибудь такое, неожиданное, как в недавно просмотренном фильме «Гусарская баллада». Отправить донесение о вылете товарищу Сталину? Говорят, он всегда ждет, пока ему о результатах не доложат, спать не ложится.

– Радист, передавай: «Москва. Кремль. Товарищу Сталину. Нахожусь над Берлином. Задание выполнено успешно».

Самолет еще набирал максимальный потолок, когда взволнованный радист доложил:

– Игнатьич, получена квитанция о приеме и ответная телеграмма от... товарища Сталина.

– Читай!

– Все понятно. Благодарим. Желаем благополучного возвращения. Сталин.

Ошеломленный экипаж, совершенно забыв об усталости, встретил эти слова дружным «ура», переданным по самолетному переговорному устройству. Самолет, словно почувствовав состояние экипажа, бодро продолжал набирать высоту, когда правый стрелок Григорий Белоусов открыл огонь из своей поддвигательной установки. Его поддержал пушечным огнем хвостовой стрелок, Дима Кожин. Получивший отпор истребитель быстро исчез вдали, но через несколько минут борттехник Юра Смирнов сообщил, что падает давление масла в крайнем правом двигателе. Пришлось отключить его, зафлюгировав винт. Самолет стало уводить вправо, это приходилось парировать рулем, причем усилиями сразу обоих летчиков. Долго так продолжаться не могло, и пришлось отключить крайний левый двигатель. Летящий на двух двигателях самолет постепенно терял высоту. Становилось ясно, что до базового аэродрома дотянуть не удастся. Но мастерство – великая вещь. Летящий с небольшой скоростью самолет все же незамеченным преодолел в рассветном мареве линию

фронта и дотянул до запасного аэродрома неподалеку от нее. Вылет можно было считать успешным.

Анализирувавший налеты на стратегические объекты фрицев оператор отметил появление большого количества ночных истребителей, которые, после анализа произведенных атак, вероятнее всего наводились по данным радиолокаторов. Необходимо было менять тактику налетов и усовершенствовать технику. Получивший эти сведения Голованов доложил об этом самому Верховному. Задача была поставлена, и в лабораториях закипела работа.

«Алекса?ндр Игна?тьевич Моло?дчий (27 июня 1920 год а, Луганск – 9 июня 2002 года, Винница, похоронен в Чернигове) – советский военный деятель, дважды Герой Советского Союза; еще дважды представлялся командованием полка и дивизии к эт ой высокой награде (3 ноября 1943 года «за освобождение Киева» и 13 мая 1944 года «за освобождение Украины»). Один из наиболее результативных летчиков АДД, совершивший 311 боевых вылетов (в том числе 287 ночных) и первый дважды Герой Советского Союза в составе АДД. Участвовал во многих бомбардировках крупных военных объектов врага. При выполнении боевых заданий налетал в общей сложности 600 тысяч километров. Около 190 тысяч километров пролетел над территорией врага, свыше 200 тонн бомб сбросил он на различные военные и промышленные объекты³⁵.

[...]

Его имя носит стратегический космический ракетоносец Ту-360».

19 ноября 1942 г. Москва. Кремль.

Кабинет т. Сталина.

Тов. Сталин

– Значит, вы решили действовать по мягкому варианту? – разговор идет на грузинском языке, родном для меня и Лаврентия. Обсуждаем результаты «сталинградского дела». Под грузом улик и найденных артефактов чекисты признали фигурантов пришельцами из будущего. Но тут же выяснилось, что мир, по предположениям самих попаданцев, параллельный. Не пойму пока, это мои действия они заметили как изменения, или действительно мир параллелен нашему. Но если подумать – так ли уж это важно? В любом случае изменения уже пошли, а вернуться в «свой мир» нам точно не удастся.

– Да, товарищ Сталин. Мы учли, что они абсолютно добровольно вступили в войну на нашей стороне и решили, что так будет легче установить взаимопонимание. И, как вы видите, нам это удалось. Правда, товарищ Меркулов предлагает убрать их с фронта и изолировать от возможных контактов и опасностей.

– Понимаю, Лаврентий. Они, конечно, важны как носители чрезвычайно ценных сведений. Но, как мы узнали, они из другого мира. Пусть почти совершенно похожего, пусть отличающегося в очень незначительных мелочах, но другого. И я не уверен, что их сведения о будущих событиях будут столь ценны для нас. При этом их военный опыт, их искусство ведения боевых действий, основанное на опыте будущих войн и показываемое на практике нашим командирам, чрезвычайно необходимы нам. Поэтому забирать их с фронта преждевременно. Но при этом надо учитывать печальное происшествие с третьим членом их коллектива. Твоим орлам необходимо обеспечить им максимально возможную безопасность.

– Слушаюсь, товарищ Сталин. Сделаем все возможное.

– Нет, Лаврентий. Не надо делать все возможное. Надо сделать все невозможное и даже немного больше. Понял меня?

– Понял, товарищ Сталин.

– Вот и хорошо. Значит, говоришь, на охоту они ехали? Эх, если бы не Гитлер, мы бы

³⁵ Реальные факты.

тоже на охоту сходили... – закончив набивать трубку, я с мечтательным выражением на лице несколько раз затянулся, окутавшись клубами табачного дыма. Любил я охоту в свое время...

Лаврентий ждет, ничем не выдавая своего удивления. Он-то знал, что охоту я люблю не настолько, чтобы так из-за этого расстраиваться.

– Да, еще разберись, как получилось, что ни при приеме в кандидаты в члены партии, ни при проверке твоим наркоматом их не раскрыли, – вспоминаю и даю указание. Нет, мы, конечно, слегка их прикрывали, но чтобы ни одного сигнала о несоответствии в анкетах – очень странно.

– Уже разбираемся, товарищ Сталин. – Лаврентий даже слегка покраснел. Еще бы, такая недоработка. – Хотел доложить, когда получу полные результаты. Предварительно – в первом случае чистая халатность. Анкеты подшили, не проверив записанных в них сведений. Мне доложили, что при внимательном чтении сразу обнаруживались несоответствия и даже фактические ошибки. Оригиналы моим ведомством изъяты, в дела вшиты правильно заполненные копии, практически им соответствующие. Во втором случае вина моего наркомата – при проверке не запрашивался архив НКО.

– Разберись, кто конкретно в партаппарате допустил халатность, передашь фамилии через Поскребышева. Так у нас скоро немецкие шпионы в партию вступать будут, в анкетах указав свои истинные данные. С работниками своего ведомства разберись своей властью.

– Слушаюсь, товарищ Сталин.

– И еще раз тщательно проверь силами своего наркомата, под любым прикрытием, легенду гостей. Нигде не должно быть ни малейшей зацепки, ни малейшего сомнительного документа. Любой, самый подготовленный проверяющий должен видеть перед собой обычных советских людей. Никаких нестыковок, ты понял, Лаврентий? И никакой утечки. Ни противник, ни «союзики», ни наши люди даже в твоём наркомате не должны сомневаться ни в одной, самой ничтожной справке.

– Делаем, товарищ Сталин. В принципе они и сами неплохо замаскировались, при беглой проверке не обнаружишь. Мои работники сейчас, так сказать, дошлифовывают придуманные ими легенды, придают им полную убедительность.

– Хорошо, Лаврентий. Именно так – нам нужна полная убедительность для любой проверки сведений об этих людях. Пусть даже сведения, полученные от них, будут не всегда важны, уже один факт наличия параллельных миров, да еще настолько ушедших вперед от нас – информация чрезвычайной важности. К тому же у меня нет полной уверенности в том, что они именно из параллельного мира, а не прибыли из нашего будущего. Различия, отмеченные ими, могут объясняться просто плохими знаниями или забывчивостью гостей. Необходимо тщательно, используя все возможности, проверить. Проверить, перепроверить и еще раз проверить. Не должно остаться никакого сомнения. Никакого и ни у кого.

– Понял, товарищ Сталин.

– Вот и хорошо. Теперь займемся делами, – и я вызываю Поскребышева. Едва он появился в дверях, коротко приказываю: – Приглашайте всех.

Очередное заседание Ставки начинается с доклада о ходе наступления. Начальник Генерального штаба генерал Василевский выглядел озабоченным и начал свое выступление с положения на Южном фронте:

– Наступление Девятой и Двадцать Шестой армий успеха не имело. Противник парировал удары, подтянув резервы. Обнаружены части Четвертой танковой армии противника... Соединения Первой механизированной армии вовремя подойти не успели... Авиация использовалась неудачно и не смогла задержать резервы противника... Более успешно действовали войска Восемнадцатой армии, умелым маневром прорвавшие оборону противника севернее Ростова и ворвавшиеся на его окраины. По сведениям авиаразведки, противник поспешно эвакуируется из Ростова-на-Дону.

Я прошелся вдоль стола, все больше окутываясь табачным дымом, потом внезапно остановился и спросил Василевского об удивившем меня факте: – А что делает

представитель Ставки товарищ Жуков? Или он отстранился от помощи местным товарищам?

– Товарищ Сталин, Жуков докладывает, что генерал Кирпонос не справляется с управлением фронтом... – Василевский договорить не успевает, я его прерываю:

– Он что, туда просто наблюдать направлен? Мы направили его, чтобы он помогал товарищу Кирпоносу, а он вместо помощи шлет нам донесения? – Зло осмотрев присутствующих, резко затягиваюсь и выдыхаю клуб дыма, на время скрывая лицо, чтобы успокоиться. В наступившей в кабинете полной тишине слышны были только мои легкие шаги:

– Есть мнение, что товарищ Кирпонос не справляется со столь сложным видом боевых действий, как наступление. Есть мнение, что его надо заменить на товарища Жукова. У кого будут возражения?

Молчание в кабинете стало почти физически ощутимым.

– Возражений нет? Продолжайте, товарищ Василевский.

– На направлении главного удара Юго-Западного фронта частями Второй механизированной и Десятой армий разбиты первая и седьмая румынские пехотные дивизии, нанесены большие потери сто восемнадцатой немецкой пехотной дивизии. Введенные в прорыв части Второй механизированной армии продвинулись на пятьдесят километров и вступили в соприкосновение с частями сорок восьмого танкового корпуса противника...

В последний час

НАСТУПЛЕНИЕ НАШИХ ВОЙСК ПРОДОЛЖАЕТСЯ!

В течение 23 ноября наши войска, продолжая наступление, в северо-западном направлении прошли до 30 километров и заняли гор. Миллерово, гор. Ворошиловград и местечко Кантемировка. В результате наступления войсками Красной Армии западнее Ростова-на-Дону в боях за 20–23 ноября разгромлены немецкие 49-й горнострелковый корпус, дивизия СС «Викинг» и 16-я танковая дивизия.

К исходу 23 ноября количество пленных увеличилось на 11 тысяч, и теперь количество пленных составляет 24 тысячи.

Всего захвачено трофеев к исходу 23 ноября: орудий – 557, автомашин – 2.826, железнодорожных вагонов – 1.200, пулеметов – 2.625, самолетов исправных – 32, танков исправных – 35 и большое количество ручного оружия и боеприпасов, пока еще не учтенных.

Уничтожено: самолетов – 70, танков – 157, орудий – 186.

За 23 ноября противник оставил на поле боя до 12 тысяч трупов солдат и офицеров».

Сообщение ТАСС

Вперед, на Запад!

Кто-то встал в полный рост

И, отвесив поклон, принял пулю на вдохе,

Но на запад, на запад ползет батальон,

Чтобы солнце взошло на востоке.

В. Высоцкий

31 декабря 1942 г. Москва.

Радиостанция им. Коминтерна.

Тов. Сталин

– Товарищи красноармейцы и краснофлотцы, командиры и политработники, партизаны и партизанки! Трудящиеся Советского Союза! От имени Советского Правительства поздравляю вас с наступающим Новым годом!

Мы встречаем Новый год, товарищи, в окопах и у станков, в бою и в боевом походе, на земле и в воздухе. Жестокая и кровопролитная война с врагом, напавшим на нашу священную Родину, продолжается. Полтора года назад немецко-фашистские войска и их союзники, коварно нарушив договор о ненападении, внезапно атаковали наши войска на всем протяжении западных границ Советского Союза. Полтора года злобный и сильный враг стремится уничтожить все завоевания советского народа, грабит и уничтожает плоды наших многолетних трудов, глумится над нашим национальным достоинством. Кровавый путь фашистских войск отмечен заревами пожарищ, горами развалин, трупами сотен тысяч советских людей. Но враг ошибся в своих расчетах. Ни внезапность нападения, ни его жестокость, ни превосходство врага не заставили советский народ сдаться. Наш народ, наши доблестные Красная Армия и Флот, наши пехотинцы и артиллеристы, танкисты и летчики, матросы и морские пехотинцы встали стеной на пути наступающих орд захватчиков. В начале этого года Красная Армия уже нанесла нацистским войскам серьезные удары.

Летом, однако, положение на фронте ухудшилось. Воспользовавшись отсутствием Второго фронта в Европе, немцы и их союзники собрали все свои резервы и, нанеся удар на юге, сумели ценой больших потерь продвинуться до Дона, поставить под угрозу Черноморское побережье, Сталинград, Крым. Но стойкость и мужество Красной Армии сорвали планы врагов. Остановив наступление противника, наши войска перешли в контрнаступление, разбили и окружили несколько армий немецко-фашистских войск и их союзников. Уничтожая окруженные части, наши войска развернули широкое наступление на запад, освобождая захваченную нацистами и их союзниками советскую землю.

Товарищи! Враг еще силен и продолжает сопротивляться наступлению нашей армии. Но можно констатировать, что период, когда на его стороне действовали такие временные факторы, как внезапность нападения и превосходство в военных силах, закончился. Теперь превосходство в силах, обеспеченное превосходством нашего строя, превосходством социалистической экономики, переходит к нам. Наступает коренной перелом в ходе войны. Недалек тот день, когда враг узнает силу новых ударов Красной Армии. Недалек тот день, когда, полностью освободив землю своей Родины, наши войска приступят к освобождению от нацистского и фашистского рабства стонущих под его игом народов Европы. Недалек тот день, когда наши войска добьют фашистского зверя в его логове. И от нас зависит, когда он наступит.

Поэтому приложим все усилия к тому, чтобы наступающий новый год стал годом решающей победы Советского Союза, годом полного разгрома коварного и жесткого врага!

С Новым годом, товарищи!

Закончив выступление, дожидаясь, пока погаснет красная лампочка, и снимаю наушники. Да, с этого года вводим новую традицию – поздравления не только на очередную годовщину Октября, но и на Новый год. Своеобразное такое подведение итогов прошедшего и постановка задач на следующий год. С тех пор, как мы в тридцать пятом разрешили празднование Нового года, он все больше и больше входит в быт народа. Да, ошиблись в шестнадцатом церковники из Синода, запретив этот праздник как немецкий обычай. Он уже давно обрусел.

Прощаюсь с работниками радио и выхожу на улицу, где уже ждет лимузин. Праздник праздником, а война продолжается. Сегодня на головы берлинцам свалятся очередные подарки от нашей авиации дальнего действия. В честь праздника решено сбросить над городом несколько миллионов листовок и еще раз разбомбить железнодорожные вокзалы и заводы. В ударе участвуют аж две дивизии Голованова, все тяжелые «пешки» и «ермолаевы», что есть на вооружении. Надеюсь, Адик похвалится.

Наступающие войска зацепились за окраины Харькова и Киева. Надеюсь, скоро будем праздновать освобождение этих городов. Дадим праздничный салют...

Так, приехали. Лаврентий ждет в приемной. Что-то новенькое получил от своей агентуры? Сейчас узнаем.

– Товарищ Поскребышев, пригласите товарища Берию.

«...Три врага делают нашу жизнь очень тяжелой: русские, голод, холод», – писал в дневнике 8 декабря ефрейтор Зур. Солдат Отто Зехтиг из 227-го пехотного полка 100-й легкопехотной дивизии 29 декабря сообщал своим родным: «...Вчера мы получили водку. В это время мы как раз резали собаку, и водка явилась очень кстати... Я в общей сложности зарезал уже четырех собак, а товарищи никак не могут наесться досыта...» В канун Нового года обер-ефрейтор Генрих Гейнеман писал жене: «...С тарый год приближается к концу. Только что говорил Геббельс, энтузиазма он у нас не вызвал. Уже много недель, как энтузиазма и в помине нет. Что у нас в изобилии, так это вши и бомбы...» «В 1943 г. будет еще хуже, – вторил ему в письме родителям обер-ефрейтор Георг Шнелль. – Если положение не изменится и окружение не будет прорвано, то мы все п огибнем от голода. Никакого просвета...» Положен ие, в котором оказалась окруженная под Сталинградом армия, Паулюс охарактеризовал так: «Больш ое количество личного состава вследствие перенапряжения и истощения от боев, холода и голодания находилось на грани смерти»³⁶.

В. И. Белоусов. Коренной перелом в ходе Великой Отечественной войны. Роман-хроника.

1 января 1943 г. Москва. Кремль.

Кабинет т. Сталина.

Тов. Сталин

Василевский резко проводит указкой по карте, рисуя невидимую пока черту предполагаемой линии фронта – ...ожесточенные бои в районе Харькова продолжаются, по поступившим сведениям, несмотря на то, что нашими войсками освобождены... – набиваю трубку, сосредоточенно разламывая папиросы и засыпая табак. «Герцеговина Флор», да. Хороший табак. Лучше, чем положение на фронте. Этот английский боров все никак не хочет всерьез начать нам помогать, и немцы опять тянут резервы с запада, закрывая образованную успешными действиями Красной Армии в излучине Дона брешь. Наши же войска двигаются недостаточно быстро, снабжение отстает. Эх, сейчас десяток тысяч дополнительных грузовиков нисколько бы не помешали. Но англичане опять затягивают с очередным конвоем, ссылаясь на опасность от «Шарнхорста» и «Тирпица». Немцы действительно перегнали оба своих линкора на Север, но ведь у англичан просто намного больше линкоров. Не хотят воевать, да. Берегут свои плавающие железки для послевоенных разборок. А мы не бережем...

Но то, что Василевский предлагает, совсем неправильно. Остановить наступление и дать немцам великолепный шанс не только подтянуть войска, но и опомниться и даже, возможно, перейти самим в контрнаступление.

– Кто считает правильным предложение товарища Василевского? – так, трое. Ну что же, придется подавить авторитетом. – Есть мнение, что предложение товарища Василевского неправильное. Пока немцы не опомнились и не подтянули все свои резервы, мы должны продолжать наступление.

– Товарищ Сталин, разрешите? – Василевский не уgomонился. Ладно, послушаем.

– Товарищ Сталин, товарищи. Наши войска прошли с боями более четырехсот километров. Система снабжения нарушена, погодные условия на большей части фронта затрудняют как продвижение войск, так и действия авиации и подачу к войскам предметов снабжения и резервов. Для восстановления боеспособности наступающих войск мы, как вам всем известно, вынуждены прибегать к призыву местных контингентов непосредственно войсками. Ввиду недостатка времени и средств призывники часто вместо учебных частей бросаются в бой. Дальнейшее наше наступление может привести к тому, что немцы подтянут резервы и нанесут серьезное поражение передовым частям, а затем подходящим основным

силам, разбивая их по частям...

Прерываю монолог, взмахнув трубкой.

– Мы понимаем стоящие перед нашими войсками трудности. Но вы предполагаете полностью остановить наступление в то время, когда наши войска начали бои за Харьков и вышли на окраины Киева. Мы имеем еще две резервные общевойсковые армии и четыре механизированных корпуса. Есть мнение, что мы можем перебросить 25-ю армию под Киев. Одновременно мы можем передать двадцать вторую армию и шестой мехкорпус Западному фронту, продолжив наступление в рамках операции «Марс».

– Товарищ Сталин, двадцать вторая армия еще не закончила обучения до конца, а остающихся в резерве трех мехкорпусов будет недостаточно. – Василевский упрямо держится своей точки зрения. Может, он все же прав?

– Товарищ Василевский. Вы забываете, что кроме этих сил мы будем располагать к концу месяца еще и частями, заканчивающими уничтожение окруженных группировок противника.

– Товарищ Сталин, мы все равно не сможем мгновенно перебросить их к линии фронта. К тому же после боев эти части будут требовать отдыха, пополнения и переформирования.

– Товарищ Василевский, вы уверены в своей правоте?

– Так точно, товарищ Сталин.

– Выйдите и еще раз подумайте.

Василевский, поблуднев, выходит. Я возвращаюсь к столу и сажусь на стул. Неторопливо выбиваю трубку в пепельницу. Все молчат, а поддерживавшие Василевского Жуков, Молотов и Кузнецов сидят как статуи и даже, кажется, не дышат.

– Пока товарищ Василевский обдумывает свое предложение, предлагаю выслушать товарища Берия.

– Товарищ Сталин, товарищи! Восстание в тылу Приморского фронта подавлено. Разрозненные остатки отрядов крымских националистов пытаются маскироваться под мирных жителей и скрываются в горах. В ходе боевых действий отличились тридцать вторая и двенадцатая дивизии войск НКВД, сто двадцать третья стрелковая дивизия, а также отдельная разведывательная эскадрилья автожиров из состава Приморского фронта. В настоящее время в действиях по прочесыванию местности используются только войска НКВД и отдельная разведывательная эскадрилья. За прошедшую неделю арестовано более десяти тысяч националистов, а также поддерживающих их лиц. В настоящее время военными трибуналами фронта совместно с тройками НКВД рассмотрено более пяти тысяч дел на ранее арестованных бандитов и их пособников. Приговорено к расстрелу три тысячи пятисот двадцать пять бандитов, приговор приведен в исполнение в отношении одной тысячи пятисот пяти человек, приговорено к содержанию в лагерях одна тысяча двести восемьдесят два человека, отправлено на спецпоселение сто пятьдесят человек, освобождено двести пять человек.

– Хорошо, товарищ Берия. Мы полагаем, что с этим вопросом ваше ведомство справится само, не требуя привлечения дополнительных сил и средств.

– Да, товарищ Сталин. Прошу оставить в распоряжении войск НКВД эскадрилью автожиров.

– Мы думаем, что эту просьбу можно удовлетворить. Вернемся к предыдущему вопросу.

Василевский входит твердой походкой с видом человека, готового ко всему. Я встаю и неторопливо оглядываю стол. Василевский стоит у карты, внимательно и сосредоточенно глядя на меня.

– Товарищ Василевский, вы обдумали ваше предложение?

– Да, товарищ Сталин.

– Вы по-прежнему считаете, что вы правы.

– Да, товарищ Сталин.

– Мы думаем, что ваше предложение должно быть принято. Но наступление должно

быть приостановлено только после освобождения Харькова и Киева. Мы считаем, что к вопросу о возобновлении наступления будет необходимо вернуться после завершения ликвидации окруженной группировки. Есть другие предложения? Нет? Тогда перейдем к следующему вопросу. Товарищ Кузнецов, прошу.

Бывший начальник штаба 2-й гвардейской армии, ныне Маршал Советского Союза, С.С. Бирюзов вспоминает о трудностях этого наступления: «По заснеженным дорогам, навстречу колючему ветру, форсированным маршем шли гвардейцы на запад. Пехоту обгоняли танкисты и самоходчики. Тягачи тащили через сугробы артиллерию, а там, где у них не хватало сил, выручало плечо солдата... Много хлопот доставляла коварная погода. По ночам там решали морозы, а днем под солнцем таял снег. Хорошо экипированные для действий в суровых зимних условиях красноармейцы оказались в тяжелом положении. За день валенки у них намокали и разбухали, а ночью становились как железные и уже совсем не согревали ног. Многие обмораживались. Но и в этих условиях темп движения частей не снижался».

«Краткий очерк истории Второй мировой войны» под ред. полк. Гареева М.С. М., 1975.

***Ночь на 5 января 1943 г. Полевой аэродром. 907-й истребительный авиаполк ПВО.
Николай Козлов***

Наши войска наступают, и полк, в который Николая перевели заместителем командира, перебрасывают западнее, вместе с отдельным взводом ВНОС, оснащенным радиолокатором. Причем взвод незадолго перед перебазированием получил новую, усовершенствованную модель РУС-2. Немцы, попавшие в несколько крупных котлов, стремятся удержаться любой ценой. Говорят, Гитлер пообещал, что примет все меры к их деблокированию, а пока приказал Герингу наладить снабжение окруженных войск по воздуху. ВВС Красной Армии делает все, чтобы сорвать планы нацистов. Днем прорывающиеся транспортные самолеты перехватывали истребители ВВС, поэтому немцы решили прорываться под прикрытием ночной темноты. Именно поэтому на этот участок и перебросили полк, укомплектованный летчиками-ветеранами, с опытом полетов ночью с наведением от «радиоуправляемых самолетов».

В этот полк перевели не только Николая, ему как заму по боевой подготовке удалось перетащить сюда нескольких знакомых, в том числе и Вячеслава Коротина. Поставленный на должность начальника парашютно-десантной службы полка, он сразу согласился летать в паре с Козловым, ведомым.

О чем только не передумает, сидя в кабине и ожидая вылета. Дежурное звено, готовность номер один. «Ждем, когда немцы своим картошку повезут», – Николай улыбается своей мысли, которую перебивает сигнал на взлет.

Движок запускается сразу, рация работает как часы, ни одной помехи. Новая модель, связь идет в таком диапазоне, что немцы разговоры советских летчиков не только подавить, но и перехватить не могут. Да еще и легче старой на килограмм. Вообще МиГи последней серии облегчены, к тому же движок другой поставлен, форсированный и модернизированный. Так что МиГ-3У получился намного лучше предыдущих моделей и очень нравится Николаю.

– Серый Пятому. Цель одиночная, курс... высота... скорость... квадрат... Прием.

– Пятый Серому. Принял, иду на перехват.

Пробивший облачный слой истребитель летит словно над водной поверхностью. Подсвеченные луной и звездами тучи при взгляде на них сверху напоминают море. А вот и непрошенный гость. Судя по бегущему силуэту – «Хейнкель -111». МиГ осторожно заходит сзади сверху, там у него есть уязвимое окно. Стрелки наконец-то заметили атакующий самолет и пытаются отогнать заградительным огнем. Но ясно видимые в темноте языки пламени из стволов пулеметов только дополнительно демаскируют летящий транспортник.

– Пятый Серому. Цель вижу, атакую. Прием.

Отбросив колпачок гашетки, Николай дает двоянную очередь. Трассы пушечных снарядов, ясно видимые в ночном небе, исчезают где-то внутри темного силуэта. Мгновение, потом, скрипя набором фюзеляжа, самолет Николая резко взмывает вверх. У летчика темнеет в глазах от перегрузки. Перейдя в горизонтальный полет, Николай осматривается и успевает заметить комок пламени, пробивающий облачный покров.

– Пятый Серому. Цель уничтожил. Прием.

– Серый Пятому. Подтверждаю. Прием.

«Ничего себе. Новый прибор у них так точно работает, что даже сбитый самолет смогли засечь. Это здорово. Тогда и наводить точнее будут». Николай еще раз осматривается, в надежде засечь еще одну цель.

– Серый Пятому. Остаток? Прием.

– Пятый Серому. Остаток пятьсот двадцать. Прием.

– Серый Пятому. Цель скоростная, высотная. Квадрат...курс... высота... скорость.... Атакуйте. Прием.

– Пятый Серому. Понял. Прием.

Николай, форсируя мотор, набирает высоту. Скорость резко растет, но если смотреть на звезды, кажется, что самолет застыл на месте, словно муха в янтаре. Теперь самое главное для летчика – не поддаться «очарованию бездны» и не потерять ориентировку.

– Серый Пятому. Цель...

Немец маневрирует так, словно засек атакующего его Козлова. «Неужели видит? Как? Такой же «радиоуправляемый» на борту? Надо обманывать...» – Николай резко бросает самолет вниз, словно потеряв цель. Одновременно он по радиации просит командный пункт непрерывно передавать координаты цели. Похоже, немец успокаивается и пытается сам выйти наперерез МиГу. Зная, благодаря офицеру наведения, примерное расположение немецкого самолета, Козлов заходит к нему сзади. Наведение получилось довольно точным, истребитель Козлова пробивает облака прямо под летящим ночным немецким истребителем.

Очередь! Немец пытается увернуться. Еще очередь! Попадание, противник пошел вниз.

«Жаль, что при падении с такой высоты все побьется к чертям. Интересно бы узнать, что за оборудование у него на борту», – думает Николай, одновременно контролируя уровень топлива и докладывая на КП о второй победе. По команде офицера наведения он разворачивает самолет на обратный курс. Посадка, к большому облегчению Козлова, проходит хорошо. Техник помогает отстегнуться и выбраться из кабины.

– Как дела, Петя? Что, говоришь, Вячик подбил? Огромный транспортник, и тот сумел неподалеку сесть? Кто сообщил? Понятно. Да, мне тоже можешь две звездочки рисовать.

18 января 1943 г. Юго-Западный фронт. Штаб Третьего Гвардейского Механизированного корпуса

– Товарищ генерал, докладывает полковник Черепанов. Авангард тридцать третьей мотострелковой под личным командованием полковника Ходова вышел на окраину Мерефы. Главные силы задержаны у Александровки ликвидацией опорного пункта противника.

– Петр Евгеньевич, что у нас с третьим батальоном Махрова?

– Через полчаса должен подойти к Александровке.

– Понятно. Свяжитесь с Чвановым и Смирновым, пусть согласуют штурмовой удар. Помню, что нам обещали как минимум полсотни самолетов-вылетов вторых Илов. Вот пусть и поработают.

– Сейчас сделаем. Иванов. Связь с авиаторами, быстро!

– Что у нас в итоге?

– Первая тяжелая танковая основными силами взяла Ржавец и продвигается в районе между Яковлевкой и Першотравневым, третий батальон бригады выдвигается на помощь главным силам Ходова. Земляной, прорвав оборону противника, главными силами выдвигается к Першотравневному, пока от него новых сведений нет. Седьмая танковая во втором эшелоне, по последним сведениям, должна находиться в Яковлевке. Силы Егорова

остановлены контратакой противника силами до усиленного танкового полка южнее Александровки, здесь и здесь.

– Выдвигайте Хватова на помощь Егорову. Оставьте в резерве разведывательный батальон. Хватов пусть атакует с правого фланга Егорова. Задача – угрозой окружения совместно с частями Егорова отбросить контратакующие силы и силами второго эшелона выйти на помощь Ходову.

– Усилить Хватова самоходным иптапом?

– Хорошая мысль. Согласен. Давайте приказ.

– Поступило донесение от наших авиаторов.

– Что там?

– Бои в квадрате десять по улитке семь.

– Так, посмотрим, подумаем... Петр Евгеньевич, надо связаться с Земляным. Похоже..

– Уже. Докладываю: части третьей танковой, вышедшие на дорогу севернее Мерефы, натолкнулись на колонну пехоты с артиллерией, идущую на помощь гарнизону Мерефы. Чтобы не допустить прохода пехоты, Андрей Еремеевич принял решение на атаку. В результате боя колонна противника частью уничтожена, частью рассеяна. Выделив на преследование отступающих сводный отряд из разведывательной, танковой и мотострелковой рот, третья танковая бригада основными силами продолжает наступление на Мерефу.

– Что с авангардом Ходова?

– Он принял решение атаковать, не дожидаясь подхода основных сил. Преодолевая упорное сопротивление противника, поддержанные огнем подошедших батарей сто восьмого сап, автоматчики ворвались на восточную окраину Мерефы.

– Какие силы может бросить противник на ликвидацию Ходова? Что у нас с Александровкой?

– По данным разведки, в Мерефе не более пехотного полка. Для контратаки, по нашей оценке, может быть выделено до батальона пехоты при поддержке артштурмов. Но необходимо заметить, что противник должен учитывать угрозу с севера от сил Земляного, а также то, что с юга возможен удар Хватова. Александровка взята штурмом, остатки обороняющихся отброшены в сторону наступающих частей Хватова.

– Хорошо. Уточните возможность авиаудара по отступающим. Если таковая имеется – выделите пятидесятый бомбардировочный.

– Есть...

Обычный день войны подходил к концу. Немцы упорно обороняли Мерефу, но под совместными ударами частей третьего механизированного вынуждены были отступить. Очередной освобожденный город. Сколько их впереди...

Первые улицы, развалины и неожиданно уцелевшие дома. Из землянок и подвалов выбираются люди. Осторожно оглядевшись, они приближаются к нашим бойцам. Растерянность на их лицах сменяется радостью: пришли наши! Женщины, девушки бросаются к красноармейцам, целуют их и плачут от счастья....

«Харьков был настолько большим по площади и укрепленным оборонительными рубежами, что пять корпусов четырех армий Юго-Западного фронта генерала Рокоссовского брали его 18 дней, с 30 декабря по 15 января. Самой первой освобожденной частью нынешнего Харькова стал ХТЗ, освобожденный 9-й армией 31 декабря – за 15 дней до освобождения центра.

6 января 2-я механизированная армия освободила Рогань, находившуюся за тогдашней городской чертой, а 7-я гвардейская армия в тот же день частично – изолированный от остального города Орджоникидзевский район (поселок ХТЗ), взяв станцию Лосево.

Первыми освободили сердце Харькова – площадь Дзержинского – воины 183-й стрелковой дивизии полковника Василевского. Символом победы стал красный флаг над Госпромом, водруженный утром 13 января. Самыми последними

освободили районы Змиевской улицы и отделенный от города рекой Уды изолированный Краснобаварский район, то есть юг города. Окончательно угроза контрудара немцев в центр города была ликвидирована 18 января, когда советские войска освободили Мерефу».

Харьков во времена Великой Отечественной войны. Страница рус: бви: сссп: история: украина: вов: харьков»

14 февраля 1943 г. Москва, Кремль.

Николай Козлов

Москва встретила Николая вполне мирной обстановкой. Если бы не практическое отсутствие мужчин призывного возраста и не сохранившаяся маскировка на домах, а также на стенах и башнях Кремля, можно было решить, что война закончилась.

Автобус, на который собрали таких же, как и Козлов, приехавших на награждение фронтовиков, быстро домчал до гостиницы. Сопровождающий предупредил, что у них всего два часа на переодевание и подготовку к мероприятию, и уехал. Но с оформлением номеров никого не мурыжили, в номерах была горячая вода, уютги, и все успели подготовиться точно к сроку. Тот же автобус отвез их к Кремлю, где всех награждаемых собрали и провели в Георгиевский зал. Всего собрались до полутора сотен военных и гражданских. Не успели прибывшие налюбоваться на оформление зала и прочитать написанные на прикрепленных к стенам табличках имена награжденных, как открылись вторые двери, и в зал вошли, под немедленно раздавшимися громовыми аплодисментами, Сталин, Калинин и еще несколько человек. Вопреки ожиданиям Николая, Сталин молчал, с небольшой поздравительной речью выступил Калинин, и сразу же началась церемония награждения:

– Указом Президиума Верховного Совета СССР от...

Один за другим выходят вызываемые, получают награды, благодарят, жмут руку по очереди Калинин и самому товарищу Сталину. Вот вызвали и Козлова. Дальнейшее для него проходит, как во сне, и окончательно он пришел в себя, когда всех пригласили в соседний зал, где награжденных уже ждали накрытые столы, а на эстраде негромко наигрывал какую-то мелодию небольшой оркестр.

Рассаживались за столы по возможности, в результате Николай сел рядом с получившим Звезду Героя Социалистического Труда геологом. Короткий тост произносит сам товарищ Сталин, сразу после чего уходит.

– Понятное дело, война – она отсрочки не дает. Это мы можем немного отдохнуть, а у него на плечах вся держава, – констатировал, выпив, сосед. После нескольких тостов и номеров программы они разговорились. Оказалось, что награжден он был за открытие в Сибири стратегических месторождений, которые нам помогут с американцами торговать. Камешки, подробностей сосед старался не упоминать, но Козлов быстро догадался и сам. Ничем иным, кроме алмазов, о которых он читал в журнале «Вокруг света» еще до войны, эти камушки быть просто не могли.

После очередного тоста все разбрелись по группкам – знакомые к знакомым, моряки вообще собрались за отдельным столом. Николай заметил у дальнего стола нескольких летчиков и решил с ними познакомиться. Но не дошел – по пути разговорился с немолодым орденосцем, который оказался авиаконструктором Поликарповым. Знаменитый «король истребителей» сразу начал расспрашивать имевшего боевой опыт летчика о достоинствах и недостатках истребителей, наших и немецких и очень обрадовался, узнав, что Николаю нравились его И-16. В разговоре выяснилось, что у Николая Николаевича сейчас испытывается новый истребитель. Десяток машин на фронте уже побывал, отзывы отличные. Скорость и вооружение, которые назвал Поликарпов, произвели на Козлова такое впечатление, что он не удержался и заявил:

– Вот бы нам такие в полк. Немецкие бомбардировщики как уток бить будем.

– А в чем проблема? Давайте с вашим начальством переговорим. Вон за тем столиком Новиков сидит, попробуем с ним решить.

– С Новиковым не получится. Мы ж не ВВС, а ПВО.

– Так вы Михаилу Степановичу подчиняетесь, Громадину? Тогда еще проще. Вы когда планируете на фронт?

– Пока точно не знаю, обещали еще два дня отдыха дать.

– Вот давайте на завтра договоримся и встретимся на платформе Беговая в... – Поликарпов достал записную книжку, полистал, почитал, – в четырнадцать часов. А если не сможете, звоните мне по этому номеру, – и он вырвал и отдал Николаю листочек с номером, после чего извинился и попрощался.

«Видно, что человек болен, а время на меня не пожалел. Интересно ему было о возможностях самолетов и фронтовых буднях узнать. Настоящий человек, точно. Да, хорошо, если все сложится, получим мы такие машинки. Покажу я тогда фрицам, где раки зимуют, – подумал, вставая и пытаясь пробраться к летчикам, Козлов. – Эх, пока с Поликарповым разговаривал, авиаторы и разбрелись кто куда. Ну да ладно, вернусь за столик, еще с соседями поговорю. А завтра с утра еще и жена с дочкой приедут. Хорошо!»

«И-185 – советский одномоторный поршневого истребитель-моноплан 40-х годов, созданный в ОКБ Поликарпова. По сумме характеристик превосходил все серийные советские (равно как и опытные образцы этих серийных) и иностранные поршневые истребители тех лет. Самолет был задуман в 1939 году (проект 62). В то время как конструкторы Гуревич, Микоян, Лавочкин, Яковлев и др. работали над проектами, похожими на существующие немецкие машины, Поликарпов ставил задачу с «дальним прицелом». По его мнению, истребитель должен обладать следующими параметрами: высокая скорость и скороподъемность во всем диапазоне высот, мощное вооружение, высокие характеристики вертикального и горизонтального маневра, устойчивости и управляемости, производственная и эксплуатационная технологичность. [...]

В конце декабря 1942 г. проходил фронтовые испытания на Калининском фронте, испытания проводил 728-й Гвардейский истребительный полк[1]. Летчики: капитан Д. Купин, старший лейтенант Н. Игнатъев, сержанты А. Боровых, А. Томильченко.

Первый боевой вылет И-185 состоялся 9 декабря 1942 г., последний – 12 января 1943 г. Летали в двух парах, причем ведущим обычно являлся офицер (Игнатъев, Купин), а ведомым – сержант (Боровых, Томильченко). Истребители часто выпускали в полет, когда над нашей территорией шел воздушный бой. На полной скорости проносились И-185 сквозь строй немецких самолетов, стреляя из пушек, а потом с разворотом уходили на свой аэродром. Два полета выполнено на прикрытие действовавшего в районе Ржева разведчика. Один полет был осуществлен на «свободную охоту» над нашей территорией. По воспоминаниям Н.П.Игнатъева, А.Е.Боровых при этом сбил или повредил один немецкий самолет. [...] Всего каждым летчиком было выполнено по 10–11 боевых вылетов. [...]

В это же время на заводских испытаниях эталон И-185 уже значительно превзошел по летным данным первые образцы: летчик Логинов достиг скорости 667 км/ч; время подъема на 5000 м уменьшилось на полминуты (с 5,2 до 4,7 мин).³⁷ [...]

Одними из первых получили эти истребители летчики первой и второй эскадрилий 907 иап ПВО (позднее 18-й Гвардейский иап ПВО). [...]

**Страница рус: бви: ссер: авиация: самолеты: вов:
истребители:И185»**

5 апреля 1943 г. Западный фронт

В неглубокой, зато сухой траншее, наспех отрытой в еще не полностью оттаявшей от зимних морозов земле невысокого пригорка, капитан Ершов, пригнувшись к брустверу, осторожно рассматривал в бинокль высоту, которая прикрывала единственный удобный путь

³⁷ Гугля Ю.А., Иванов В.П. Роковой И-180. Аэрохобби. № 1, 1994.

между болотами.

– Укрепляется, сволочь, – негромко бросил стоявший рядом начальник штаба батальона капитан Валентинов.

– Да, вы правы, – подтвердил Петр, опуская бинокль. – Надо было вчера атаковать. Ошиблись. – Настроение было опять на нуле. Надо было рискнуть, несмотря на недостаток сил и отсутствие артиллерии. Но соседи отставали, приданная артиллерия тоже, у единственной батальонной «сорокапятки» осталось десяток снарядов, а у минометчиков – три исправных миномета и столько же мин. На запрос Ершова по телефону комполка майор Максимушкин ничего не ответил. Ну, это было понятно без лишних объяснений – наступление выдыхалось, дневную задачу полк выполнил, дивизия никаких новых задач не ставила. А комполка очень не любил рисковать, стремясь лишь выполнять задачу от и до. Зато любую задачу, поставленную сверху. И обязательно первым отчитаться в ее выполнении. Так что решать надо было самому Ершову. Только вот сил у него после двух недель в наступлении было с гулькин нос, а пополнение и снабжение никто не обещал. Поэтому и рисковать он не стал, как сейчас оказалось – зря. Потому что немцы, еще вчера драпавшие без оглядки, сейчас зацепились за эту весьма выгодную высоту, и к рассвету на ней можно было различить траншею, а еще в нескольких местах поблескивали на солнце лопаты – немцы вгрызались в землю, не обращая внимания на редкий ружейно-пулеметный огонь.

– Ладно. Петров, наблюдайте и слушайте. В случае чего – немедленный доклад. И не вздумайте курить, снайпера у фрицев уже наверняка на позициях. Пойдемте, – проинструктировав дежурного наблюдателя, Ершов, пропустив вперед начштаба, быстро пошел вниз, к отрытой на обратном склоне землянке, к ждущему впереди теплу, относительно уюту и котелку с горячей кашей и салом. Погода отнюдь не радовала весенним теплом, несмотря на начало уже второго весеннего месяца.

В землянке действительно было жарко натоплено, ординарец комбата, Гуткин, стоя у небольшого стола, разливал по стаканам горячий, парящий чай. Вошедший ранее Валентинов уже наворачивал кашу из котелка, успевая левой рукой перелистывать какие-то бумаги. Петр протиснулся мимо телефониста к столу, присел, опустил ложку в котелок и с наслаждением заглотил несколько ложек горячей каши. Заморив первый голод, он спросил начштаба:

– Из полка звонили?

– Звонили. К вечеру обещали подкинуть боеприпасы и пополнение.

– Про высоту не спрашивали?

– Нет. Думаете, заставят брать?

– Могут.

– Да ну. Там уже и дзоты строят, а у нас девяносто шесть человек на довольствии. – Названная цифра не была откровением для Петра, но неожиданно заставила вспомнить, что всего две недели назад у него было в три раза больше людей. И где они сейчас? Кто в санбате, а кто и в земле. Потери, потери. Казалось бы – легко и быстро продвигались вперед, а глядь, и две трети батальона выбыло. Не успел Ершов до конца пережить свои думы, как несколько разрывов грохнули неподалеку, заставив крошки земли посыпаться в щели потолка. Огонь в копилке, освещавшей внутренности землянки, только начал дрожать, как взрывы повторились снова, дополнившись звуками ружейно-пулеметного огня. Петр бросил котелок, схватил лежавший рядом ППШ и выскочил вслед за Гуткиным в траншею. Тот еще осматривался, когда с высоты басовито заработал немецкий крупняк. Очереди прошли над траншеей куда-то в сторону рощи. Оглянувшись, Ершов увидел на окраине несколько поспешно скрывавшихся за деревьями легковых автомобилей. Но один из этой колонны так и остался стоять, постепенно разгораясь ярким, видимым даже при дневном свете пламенем.

– Кого еще черт принес? Гуткин, возьми двоих и срочно туда. Выясни, в чем дело, – отдав приказание, Ершов вернулся в землянку, где уже вовсю надрывался телефон. Разговор с комполка отнюдь не улучшил настроения, тот тоже ничего не знал и по уже устоявшейся

привычке во всем обвинял комбата.

Через четверть часа в землянке появился Гуткин, сопровождающий незнакомого раненого генерала, в теплой бекеше, с обнаженной головой, по которой текла кровь. Недовольно оглядевшись, генерал жестом остановил пытавшегося доложить Ершова и, все еще распаленный после всего происшедшего, обрушился на комбата и свою свиту с руганью. Оказалось, по данным штаба дивизии, батальон уже продвинулся за высоту и эта дорога абсолютно безопасна. Вот и выехал член военного совета армии со свитой прямо под немецкий обстрел. А теперь, как компенсацию за пораненную голову, которую сейчас бинтовал фельдшер батальона, ограниченно годный к строевой очкарик Алексей Иванкин, требовал срочно и непременно взять эту проклятую высоту восемьдесят прямо на его глазах. Появившийся в это время майор Максимушкин возражать генералу не стал, лишь продублировал приказ и предложил генералу перебраться на наблюдательный пункт полка, уверяя, что оттуда атаку будет видно лучше.

Начальство еще не успело доехать до места, а Ершов уже здоровался с прибывшими артиллеристами – комбатом Выхиным из дивизионного артполка и командиром взвода управления батареи тяжелых гаубиц старлеем Сердаровым.

– Ну, «боги войны», чем обрадуете?

– А ничем. По двадцать дыnek на ствол и обязательно провести артподготовку, – мрачно заметил Выхин.

– Твою...! Вы хоть по десяточку на потом оставьте. Ведь вылезет какая-нибудь сволочь, и нечем будет подавить.

– Приказ ЧВС, – пожал плечами Сердаров.

– Попробуем, – пессимистичным тоном заметил Выхин. Переговорив с Ершовым, они принялись обустраиваться на наблюдательном пункте.

Следующий час для комбата прошел в непрерывных хлопотах по подготовке атаки. Причем каждые пятнадцать минут его пытались вызвать к телефону, у которого его ждал комполка. Желая отыграть на нижестоящем все то, что получил от генерала, Максимушкин вынужден был ограничиваться разговором с начштаба. Но вот наконец раздались первые залпы. Разрывы стодвадцатидвух- и стопятидесятидвухмиллиметровых снарядов покрыли вершину. Но опытный взгляд бывалых фронтовиков сразу замечает, что их мало, очень мало для надежного подавления обороны. Многие бойцы перешептываются, с недоумением поглядывая на проходящего по траншее комбата. Канонада быстро замолкает, бойцы выскакивают из окопчиков и, пригибаясь, устремляются вперед. Немцы молчат, и это молчание обнадеживает. Но вот оживает один участок немецкой траншеи, за ним другой. По цепям начинают хлестать плети пулеметных очередей. Стоящие рядом с Ершовым артиллеристы мгновенно реагируют, и в этих районах встают разрывы. Одновременно несколькими залпами поддерживают атаку и минометчики. Попадавшие было фигурки снова поднимаются, устремляются вперед и... снова ложатся почти у самой высоты, кое-где начиная поспешно отползать назад. На равнине встают разрывы немецких мин, а откуда-то с высоты внезапно открывает огонь молчавший до того крупнокалиберный пулемет.

– Минометы мне подавите, – кричит в отчаянии на артиллеристов Ершов. В этот момент на атакующие цепи пехоты, на окопы, из которых она вышла, и на сам НП обрушивается огненный вал. Последнее, что успевает заметить Петр – как Гуткин, успевший оттолкнуть комбата в сторону, падает, лишившись сразу половины головы. Лицо Петра заливают чужая кровь, но он ничего не успевает. Удар и адская боль выбрасывают его в темноту...

Очнулся Ершов только в дивизионном медсанбате, спустя почти двенадцать часов после этого боя. И о том, что майор Максимушкин снят с полка, отправлен в штрафбат, а член военного совета вообще исчез в неизвестном направлении, он узнал еще намного позднее. Как и о том, что от его батальона осталось в живых после немецкой контратаки всего двенадцать человек...

8 апреля 1943 г. Москва. Кремль.

Кабинет т. Сталина.

Тов. Сталин

– Таким образом, прекращение наступления союзников в Африке, неудачи в боевых действиях на Тихом океане позволили немцам не опасаться открытия Второго фронта в этом году. Поэтому все имеющиеся резервы они перебрасывают на наш фронт, готовясь к наступлению. Ввиду ограниченности крупных резервов противник вынужден будет весной и в первой половине лета этого года развернуть свои наступательные действия на более узком участке фронта. Видимо, на первом этапе противник, собрав максимум своих сил, в том числе до пятнадцати танковых дивизий, при поддержке большого количества авиации нанесет удар своей северной группировкой в обход черниговско-северской группировки Первого Украинского и Второго Белорусского фронтов с северо-запада и южной группировкой в обход с юго-запада. Переход наших войск в наступление в ближайшие дни с целью упреждения противника считаю нецелесообразным. Лучше будет, если мы измотаем противника на нашей обороне, выбьем его танки, а затем, введя свежие резервы, переходом в общее наступление окончательно добьем основную группировку противника.

– Хорошо, товарищ Жуков. Мы поняли ваши доводы и считаем, что они соответствуют действительности. Не так ли, товарищ Василевский?

– Так точно, товарищ Сталин. Генеральный штаб уже разработал план боевых действий на лето-осень этого года в соответствии с этими предположениями.

– Получается, что мы вообще не будем наступать? Не кажется ли вам, что отдавать инициативу в руки противника опасно? Сколько раз немцы прорывали самую подготовленную оборону наших войск? Не стоит ли, наоборот, нанести удар самим и немедленно, пока немцы не подтянули всех резервов? Я думаю, что так будет намного лучше.

– С точкой зрения товарища Ворошилова мы ознакомились. Теперь предлагаю выслушать товарища Антонова.

Не ожидал, не ожидал заместитель начальника Генштаба такого. Но справился быстро, ценю.

– Исходя из анализа имеющихся сведений, предложение товарища... Жукова, – кажется, хотел вначале по званию назвать, но вспомнил, что я предпочитаю фамилии, – является оптимальным. Теряя в темпе операций, мы выигрываем в качестве. Несмотря на то, что в настоящее время инициатива находится в наших руках, целесообразнее первоначально измотать и обескровить врага на заблаговременно подготовленных, плотно занятых войсками оборонительных позициях, истребить максимальное количество танков противника, составляющих его главную ударную силу, а затем немедленно перейти в решительное наступление и полностью осуществить намеченные стратегические планы. К тому же нами, извините, Генеральным штабом запланировано провести наступление на севере.

– Есть мнение, что нам следует рассмотреть планы на лето более подробно. Кто будет докладывать? Товарищ Антонов? Хорошо. Начинайте.

– ...По условиям местности и погоды наступление на северном участке фронта может быть начато не ранее начала июня. Первым перейдет в наступление Карельский фронт. Силами 21-й армии при поддержке Северного флота планируется разгромить немецко-фашистскую армейскую группу, освободить город Печенга (Петсамо) и продолжить наступление по норвежской территории с одновременной высадкой морских десантов. Конечным результатом операции намечено освобождение...

– Извините, товарищ Антонов. Товарищ Кузнецов, Северный флот справится с такой задачей?

– Учитывая, что англичане недавно потопили линейный крейсер «Шарнхорст», а «Тирпиц» серьезно поврежден атакой нашей подводной лодки и налетом бомбардировщиков товарища Голованова, нацисты смогут противопоставить нам только легкие силы. К тому же, мы планируем привлечь к участию в боевых действиях английские подводные лодки,

базирующиеся на севере. Поэтому я считаю, что флот справится с поставленными задачами, товарищ Сталин.

– Есть мнение, что после окончания доклада товарища Василевского необходимо заслушать товарища Кузнецова подробнее. Есть возражения? Нет? Продолжайте, товарищ Антонов.

– Далее нанесет удар Ленинградский фронт, одновременно на Карельском перешейке и севернее Ладожского озера. Когда финские войска будут скованы на этих участках фронта, в наступление перейдет южный фланг Карельского фронта...Анализируя возможные последствия этих ударов, Генеральный штаб считает, что конечным результатом станет вывод из войны Финляндии. Мы освободим не менее чем полумиллионную группировку войск, которую можно будет использовать для усиления наших войск на направлениях главных ударов, которые намечаются на германо-советском участке фронта. Здесь планируется провести три последовательные операции. Первая из них, с кодовым названием «Довмонт», предполагает переход в наступление в конце мая Прибалтийского фронта...Затем, после начала наступления на Черниговский выступ, в наступление переходит Второй Белорусский фронт...

Тут снова разгорелась бурная полемика. Жуков, поддержанный Молотовым и Борисом Михайловичем, предложил, чтобы наступление в Прибалтике тоже началось после начала наступления немецких войск. Спорили долго, но в результате решили, что так действительно будет лучше. Главное – не спугнуть немцев, заставить их поверить, что у нас все силы и внимание сосредоточены на северном участке фронта. Что мы, так сказать, так хотим захватить Финляндию, «что прямо кушать не можэм». Ну, а потом развернем наступление по всему фронту. Все резервы придется задействовать, но мы должны полностью выйти к границам Союза.

После решения армейских вопросов поговорили об авиации. Сейчас у нас на вооружении три основных типа истребителей – Яковлева Як-7, которые постепенно будут на Як-9 заменяться, Лавочкина и Горбунова ЛаГ-5, которые модернизируются в ЛаГ-5Ф, Микояна и Гуревича МиГ-3УМ, в авиации ПВО. Все они, даже новейшие модели, уступают новейшим немецким самолетам, не говоря уже о самолетах союзников. Поликарпов же свой И-185 наконец-то довел до ума. И мотор М-71 тоже довели. Вот и решаем, стоит ли его в серию пускать или отдать завод Лавочкину. Нарком уверяет, что дальность истребителя до сих пор точно не определена и необходимо провести еще одни испытания. Но я подстраховался, и теперь у меня на столе лежит не только письмо Поликарпова, почему-то дошедшее до меня только благодаря усилиям Лаврентия, но и добытые Берией же копии отчетов фронтовых испытаний. Зачитываю их и предлагаю прения по самолету закончить, уже выпущенные машины передать в истребительные полки особого назначения, для вооружения асов. Решение проходит единогласно, но тут слово просит Громадин. Не понимаю, для чего, но даю ему высказаться. Оказывается, он просит часть самолетов передать в ПВО. Смешанные полки? Вроде бы опыт начала войны показал, что они неэффективны? Но раз он заверяет, попробуем, согласимся с его предложением. А с Шахуриным надо что-то решать. Иначе «авиационное дело» уже во время войны придется начинать. Вон как на него Лаврентий поглядывает. Вроде незаметно, а я вижу. Взгляд как у рыбака, поймавшего большую рыбину и теперь прикидывающего, как ее вытащить из воды... Надо будет с ними по очереди поговорить тет-а-тет. Шахурина слегка простимулировать на более качественную работу, а Лаврентию указать, чтоб не гнал расследование. Таких коней на переправе не меняют. Впрочем, надо присмотреться к перспективным кадрам. Может быть, и поменяем лошадей, вопреки пословице.

Наконец перешли к самому больному месту нашего совещания. Флот... Жаль, что некоторых «товарищей» нельзя повторно допросить и снова расстрелять. До сих пор их делишки аукаются. Очень целенаправленно у нас флот уничтожали во время революции, словно по заказу одного из наших «искренних союзников», да. Затопленный Черноморский флот, расстрел Щастного, теория борьбы только с флотами лимитрофов Тухачевского...

Сколько же тайн так и не раскрыли. И уже не раскроем. Только последствия нам разгребать придется. Что же, послушаем Кузнецова. Человек за флот болеет искренне, хотя и у него перегибы есть...

10 мая 1943 г. Новгород-Северский.

907-й истребительный авиаполк ПВО.

Николай Козлов

Над аэродромом, да и над всем Черниговским выступом ясное безоблачное небо, нисколько не радующее новоиспеченного командира полка. Николай никак не ожидал, что попавшего в аварию командира полка заменят именно им. Теперь же на него свалилось столько забот, что впору с сожалением вспомнить о времени, когда он был простым заместителем. Прием дел, повседневные бумаги, изучение дел у зама по вооружению, начштаба и полеты. Полеты тем более интенсивные, что в полк поступили новые поликарповские истребители, которые надо освоить максимально быстро, и почти одновременно немцы развернули массированное воздушное наступление. Становилось ясно, что они готовятся к летнему наступлению, а перед ним пытаются завоевать господство в воздухе. Бои шли по всему фронту, но особо интенсивные сражения завязались над Черниговским выступом. Такого количества самолетов и такого напряжения боев летчики не могли вспомнить ни в сорок первом, ни в сорок втором году. Фронтовые истребители делали по четыре-пять вылетов в день, часто уставших летчиков приходилось вынимать из кабин, самостоятельно они просто не могли выбраться.

В таких условиях полку, имевшему опытный летный состав, никто не дал прохладиться, и едва новые истребители были хотя бы немного освоены, девятьсот седьмой истребительный был переброшен под Новгород-Северский, где и базировался уже третий день.

– Тревога! Звездный налет!

– Первая и вторая – на взлет, третья – в резерве! – командует Николай, поспешно надевая «сбрую» и забираясь в кабину. Звено управления сегодня усиливает первую эскадрилью.

– От винта!

Едва начинается разбег, как Николай замечает вдали знакомые худые силуэты. «Мессеры»! Прорвались на малой высоте и собираются подловить самолеты полка на взлете.

– Внимание всем! «Мессеры» на два часа, дистанция до тысячи. Форсаж!

Николай форсирует двигатель, «иван», получив дополнительное ускорение, рвется вперед. Но немцы приближаются быстрее, чем истребитель успевает закончить разбег. Козлов тянет ручку на себя, самолет отрывается от полосы, и в тот же момент впереди на земле встает строчка разрывов. Немец поспешил и промахнулся. А Николай успевает рвануть самолет у самой земли в вираж и ударить из всех стволов. Попадание! «Худой», в который попало сразу несколько снарядов, вспыхивает и на лету начинает разваливаться на части.

– Серый, Вече. Прикрой, атакую! Прием.

– Вече, Серому. Есть.

Заняв положение ведомого, Николай прикрывает взлетевшего очень удачно Коротина, летящего наперерез рванувшим в сторону после его попадания «Мессершмиттам». Есть еще один! Тут же они отработанно меняются местами, и Козлов выходит в ведущие. Не ожидавшие такого сильного отпора немцы, заметив еще одно взлетевшее звено, боя не принимают и, форсируя до предела моторы, дымя, со снижением уходят на запад.

Пока поднимаются остальные самолеты, шестерка, взлетевшая первой, набирает высоту и устремляется на запад. Несколько минут полета – и впереди видны летящие к аэродрому три девятки Ю-87, прикрытых истребителями.

– Я Серый, впереди на тройку – «лапти»! Атакуем! «Чех», прикрой! «Третий», квадрат шесть, необходима поддержка, – командует Николай и с полупереворота пикирует на бомбардировщики.

Немцы, заметив атакующие истребители, перестраиваются в оборонительные круги. Бомбы летят куда-то вниз. Огонь из всех стволов! «Юнкерс», поймавший в фюзеляж все четыре очереди, разваливается на части! Горка, и Николай переходит во вторую атаку. Трасса задевает кабину ближайшего «Юнкерса». Он переворачивается. Мимо истребителя Козлова проносится страшная счетверенная очередь Вячика и вонзается в «живот» Ю-87. Еще один бомбардировщик разваливается на части. Мощь огня И-185 настолько впечатляет немцев, что они, не принимая боя, вспугнутыми птицами разлетаются в разные стороны, стремясь ускользнуть от советских истребителей.

Снова уход горкой вверх, со скольжением на крыло.

Голос «Третьего» в наушниках:

– Серый, атакуйте бомберов. К вам идет помощь, Седой на подходе.

Взгляд влево. Седой точно идет. Но и ему навстречу мчится колонна пар.

– Седой, Серому. Колонна фоккеров, на единицу выше. Прием.

Разворот для новой атаки. Но тут в наушники врывается голос Сухова:

– Серый, Чеху. Прикрываю вас. Пара Голубя ушла. Голубь подбит. Прием.

Не успев перейти в атаку, Николай замечает в хвосте Сухова «мессер». Ведомого нет, похоже, подбит. Николай кричит изо всех сил, словно это поможет быстрее донести весть до Сухова:

– Чех, Серому! Сзади «месс»! Тяни! Ручку на себя и крути сильнее!

Видно, как очередь бьет мимо самолета успевшего уйти скольжением Сухова.

– Вече, атакуй бомберов. Я – на худых!

Атака не ожидавшего этого четверки «мессеров». Забыв про ускользнувшего Сухова, они набрасываются на Козлова. Радостно-зло оскалась, он переходит в вертикаль. «Мессершмитты» пытаются тянуть вверх, за более быстрым «ишаком» Козлова, но тут вернувшийся Сухов сбивает крайнего ведомого. «Мессеры» выходят из боя, но успевший развернуться буквально «на пятке» Николай атакует ведущего. Тот резким маневром ускользает от огня. Но очереди Козлова задевают летящий следом «Мессершмитт» ведомого. Из-под крыла «мессера» тянется белая струйка пара. Явно пробит радиатор охлаждения мотора. Подбитый немецкий истребитель уходит со снижением на запад. За ним потянулась и уцелевшая пара...

Сделав два пологих виража, Николай осматривается. К нему присоединяются Коротин и Сухов. Ведомого Сухова, Голубева, не видно. Вдали видна пришедшая на смену третья эскадрилья. Связавшись с ними и дав указание смотреть в оба, Николай с облегчением вздыхает и разворачивается к аэродрому.

Самолет Голубева так и не появился. И никто не заметил, как и куда он исчез...

«Воздушные сражения над Черниговским выступом стали предтечей летнего наступления нацистских войск. Спровоцированные ударами советских ВВС по аэродромам ответные действия люфтваффе вызвали, в свою очередь, противодействие советской авиации. В результате, начиная с 3 мая до конца июня 1943 г., происходили воздушные бои, в которых немецкая авиация воздушного флота сражалась с 3-й, 4-й воздушными армиями, усиленными тремя авиакорпусами Резерва ВГК, несколькими истребительными полками особого назначения и особой группой авиации ПВО. Целью воздушных боев с немецкой стороны было завоевание господства в воздухе на центральном участке советско-германского фронта перед летним наступлением вермахта. В отдельные дни проводилось до пятидесяти групповых воздушных боев с одновременным участием до полусотни самолетов и более с каждой стороны. В результате сражения противник потерял до тысячи двухсот самолетов, из которых свыше 900 были сбиты в воздушных боях. Непосредственно перед началом операции «Цитадель» бои затихли, так как немецкое командование решило усилить воздушную группировку перед началом активных действий, а советское скрывало свою подготовку по противодействию немецким планам. С началом операции «Цитадель» бои возобновились с прежней интенсивностью и продолжались до

начала наступления советских войск. Воздушные сражения над Черниговским выступом положили начало стратегическому господству советской авиации в воздухе на всем советско-германском фронте.

Страница рус: бви: сср: авиация: история: вов: сражения: Чернигов»

1 июня 1943 г. Карельский фронт

Над седой равниной моря реял отнюдь не буреветник или ветер, а истребители и бомбардировщики. Ровный строй девяток «Петляковых», «Ильюшиных» и «Архангельских», под прикрытием «Яковлевых», «Харрикейнов» и ЛаГов, быстро приближался к берегу. Навстречу им вылетело всего несколько звеньев «Мессершмиттов», все, что уцелело на северных аэродромах после систематических бомбежек, в которых принимали участие, кроме авиации фронта и флота, также самолеты АДД, и даже части английского Бомбардировочного командования. Воздушный бой еще продолжался, когда на позиции зенитной и береговой артиллерии, на готовящиеся к обороне немецкие войска обрушился град бомб. Кроме обычных фугасок, русские применили тяжелые, невероятной разрушительной силы бомбы, превосходящие своей мощностью обычные в несколько раз. По крайней мере, такое донесение пошло «наверх» от уцелевших после этого удара штабов. Последние бомбардировщики еще разворачивались на обратный курс, когда с моря на землю обрушился град снарядов морской артиллерии, а под его прикрытием к берегу, поднимая буруны, устремились катера с десантом. С нескольких остановившихся неподалеку от берега самоходных барж даже спустили на воду с помощью кранов и такой-то матери с полдюжины плавающих танков, вооруженных крупнокалиберными пулеметами. Едва танки успели вылезти на каменистый берег, как черно-зеленая людская волна сорвалась с бортов уткнувшихся в этот момент носами в берег катеров и под громкое «Полундра!», матерный рев, крики «Ура! Даешь!», словно прилив, затопила полуразрушенные береговые укрепления. Высадка десанта прошла успешно, части шестьдесят третьей бригады морской пехоты Северного флота закреплялись на занятых позициях, высылая во все стороны разведку. А в это время с подошедших второй волной транспортов высаживался на берег второй эшелон, полки закаленной в сражениях сто восьмьдесят девятой стрелковой дивизии.

Немецкое командование, без сомнения, приняло бы все меры для уничтожения десанта, угрожающего тылу и захватившему Линнахамари, но практически в это же время на фронте загрохотали сотни орудий, и после непродолжительной артподготовки под прикрытием огневого вала устремились вперед части четырнадцатой армии. Поэтому основная часть резервов, готовящихся выступить против моряков, направилась в совершенно другую сторону, туда, где грохотали орудия наступающих советских войск.

– Сто тридцать первый стрелковый корпус совместно с частями шестьдесят восьмой и пятой танковых бригад прорвали оборону противника и вышли к заданному рубежу – реке Титовка. Части группы генерал-лейтенанта Пигаревича ведут сдерживающие действия восточнее реки Западная Лица. Менее удачно идут боевые действия в полосе наступления девяносто девятого стрелкового. Овладеть опорными пунктами противника на главной полосе обороны ему не удалось. Мною принято решение провести дополнительную подготовку и нанести новый удар в 2.00 завтрашнего дня. На это направление перенацелены находившиеся в резерве батальоны пятой танковой бригады. Сто двадцать шестой легкострелковый корпус начал обходной маневр. Противник явно не ожидал удара на этом направлении, и корпус, сбивая боевое охранение, успешно продвигается в направлении Луостари.

– Очень хорошо, – доклад командующего армией явно обрадовал командующего фронтом. Но взглянув на Головки, Горбатов слегка помрачнел. – Что у вас, Арсений Григорьевич?

– У меня? У меня, если пользоваться чисто флотской терминологией... – и тут адмирал выдал такой пассаж, что невольно пригнулся даже сидящий у входа телефонист. – Группа Пигаревича не наступает, в результате высаженные нами десанты могут быть в любой

момент уничтожены. Особенно тот, что в Лиинахамари. А я могу поддержать их только своей малочисленной авиацией и несколькими эсминцами, боезапас которых не бесконечен. Авиаторы ваши даже в воздушном прикрытии эсминцев отказали, якобы все самолеты задействованы на фронте. И что мне прикажете делать?

– Не надо так переживать, Арсений Григорьевич. Не забывайте, что в десанте и наши силы участвуют. Авиаторы действительно работают с предельным напряжением сил. Но резервы для помощи мы найдем, обязательно. Не так ли, товарищ генерал-лейтенант?

– Так точно, товарищ командующий, – отвечавший генерал-лейтенант Соколов неодобрительно покосился на отошедшего к телефону адмирала, продолжая между тем имитировать «вид лихой и придурковатый». «Ну не виноват же он, что большую часть его истребителей составляют «Харрикейны», у которых движки от нашего топлива и масла начинают быстро «стрелять» шатунами? Так что пара боев – и нет самолета. А новые самолеты стоит побережь – ходят слухи, что на центральных фронтах что-то грандиозное готовится. Поэтому пополнения техникой ждать точно не приходится...»

– Так что доставайте из заглазников все что можно, но прикрытия и поддержку десанта обеспечьте. И не вздумайте хитрить, мне известно, что у вас есть на самом деле, – прервал размышления авиатора Горбатов. – Сейчас добавим врага, и потом нам записки не понадобятся. А недорубленный лес опять вырастет. Так что извольте выполнять мои указания досконально.

– Есть, товарищ командующий, – теперь интонация Ильи Михайловича была не столь восторженной. В этот момент вернувшийся от телефона Головкин прервал начинавший приобретать нехороший оттенок разговор.

– Мои летчики сумели провести разведку в тылу обороняющихся. По полученным ими данным, немецкие резервы брошены на оборону Луостари и против девяносто девятого корпуса. На Лиинхамари нацелены незначительные силы, не более горнострелкового полка.

– Ну вот, видите, а вы переживали, – облегченно заметил Горбатов. – Материалы разведки когда придут?

– Через полчаса будут здесь.

– Тогда, – Александр Васильевич посмотрел на часы, – давайте пообедаем. А после прибытия разведанных будем думать дальше. Есть возражения? Нет? Тогда пойдемте в столовую.

2 июня 1943 г. Ленинградский фронт. Карельский перешеек

«Артиллеристы, Сталин дал приказ, артиллеристы, зовут Отчизна нас» – слова недавно услышанной песни крутились в голове лейтенанта Орлова. «И кто сказал, что здесь бывает лето? Конечно, не скажешь, что морозы, но перепады температур ночью и днем ничуть не лучше», – думал Евгений, контролируя работу расчета, при этом слегка дрожа от ночного холода. Зато бойцам, за действиями которых он наблюдал, было совсем не холодно. Еще бы, за полчаса необходимо перевести орудие весом в восемнадцать тонн в боевое положение, установив на лафет почти семитонный ствол, вбив сошники, убрав все лишние повозки и приготовившись к стрельбе. А между прочим, у этой пушки, носящей марку Бр-2, одна осколочно-фугасная граната тянет под полсотни килограмм, а к ней еще и картуз с пороховым зарядом, немногим легче. Все это удовольствие – ручками, ручками, как можно шустрей.

– Давай, давай, шевелись, парни, – подбадривает Евгений батарейцев. До рассвета и, значит, до срока готовности к открытию огня остается всего несколько минут. Вот уже первые солнечные лучи касаются вершин окружающих огневую позицию сосен. Раздается внезапное «Ах-ангх!!» выстрела первого орудия, заставляя невольно содрогнуться всех окружающих, и тут же, ему вдогонку, ударяют прогревающие холостые выстрелы второго, третьего и четвертого орудий.

– Товарищ полковник, дивизион к бою готов! – доложил на НП старший офицер командиру дивизиона Пятьдесят первого пушечного полка Артиллерии Резерва Главного Командования. Одновременно зазвенел телефон. Это с поста разведки передали первые

координаты цели. Цель – батарею немецких стопятидесятимиллиметровых пушек, переданных ими своим финским союзникам и весьма досаждавшую фронтовым артиллеристам, засекли до этого несколько постов артиллерийской разведки и авиаторы. Не помогла финнам ни маскировка, ни лесная местность. Едва телефонист успел передать полученные данные и опустить трубку, как снова зазвенел телефон. Поступил приказ от командующего артиллерией: – Открыть огонь.

– Началось. Значит точно завтра наступление, – констатирует комбат. И начинает диктовать, телефонист тем временем дублирует в трубку телефона:

– По батарее! Гранатой! Взрыватель осколочный! Заряд третий!

– Буссоль сорок – пять ноль ноль!

– Уровень тридцать – ноль один!

– Прицел пятьсот пятьдесят!

– Первому один снаряд!.. Огонь!

На огневой лейтенант Орлов вслушивается в повторяемые телефонистом слова и командует номерами расчета, вслушиваясь в доносящиеся неразборчивые выкрики командиров орудий, сменяющиеся одинокой командой расчета первого орудия.

Не успевает она затихнуть, как «БА-БАХ!» – до широко открывшего рот и прикрывшего уши Евгения долетает звуковая волна выстрела, как будто ударяя огромной пуховой подушкой и гася все остальные звуки. Едва снаряд уносится вдаль и где-то там, за холмами и редколесьем взрывается, как с постов АИР, как в еще с трудом успевшие освободиться от шума уши телефонистов приходят доклады о засечке звука разрыва.

– Правее один-сорок, – кричит полуоглохший офицер, одновременно следя, как у орудия, из которого только что выскочил соломенно-желтый, ослепительный даже на фоне лучей солнца язык пламени, идет необходимая для повторного выстрела работа.

– Откат нормальный! – кричит, докладывая командиру орудия, что тормоза отката сработали штатно, наводчик. Пока люлька и ствол под воздействием накатника возвращаются в первоначальное положение, заряжающие готовят второй снаряд. Лязгает затвор. Наводчики уточняют сбившиеся установки прицела, плавными движениями вращая рукоятки вертикальной и горизонтальной наводки, а заряжающие тем временем уже вталкивают почти сорокавосемькилограммовую тушку снаряда в ствол. Вслед за ним туда же отправляется картуз с зарядом. Затвор с лязгом закрывается.

– Первое готово! – доклад командира орудия дублирует телефонист, оповещая командный пункт, и тут же передает ответные распоряжения: – Влево один-сорок, прицел пятьсот сорок! Первое – огонь!

Наводчик быстро вносит поправки, тут же раздается команда расчету. – Орудие! – и все повторяется снова. Но теперь, кажется, цель накрыта. Приходит новая команда. Орудия батареи стреляют одно за другим, гарантируя непередаваемые ощущения всем, находящимся на позициях батареи. После второго залпа приходит новая команда:

– Беглый огонь!

Полуоглохшие и вспотевшие артиллеристы уже давно сбросили ватники. Дублирующий команды и контролирующий их исполнение Орлов уже ни о чем не думает, автоматически повторяя раз за разом одни и те же действия. Утро плавно переходит в день, а батарея, делая перерывы на охлаждение стволов, ну и еще два раза на быстрый прием пищи, стреляет и стреляет. Своеобразная артиллерийская прелюдия к наступлению Ленинградского фронта, наступлению, призванному вывести Финляндию из войны.

Пятнадцать часов тяжелые, большие, как чемоданы, снаряды летят и летят на вражеские позиции. Опускается флажок, дергается спусковой шнур, и орудие, вздрогнув, отправляет очередной снаряд далеко-далеко вперед. Там он падает в отведенное ему математической теорией и стараниями наводчика место. Срабатывает взрыватель. Взрыв! Летят в стороны куски земли, обломки орудий или оборонительных сооружений. А стоящее на позиции орудие вновь съедает очередную порцию и выплевывает очередной снаряд. Так раз за разом, все отведенное для стрельбы время. Снаряды рвут землю, превращая бывшую

линию обороны в некое подобие лунного пейзажа и расчищая дорогу для будущего наступления. Наконец огонь стихает, и оглушенные, почти потерявшие человеческий облик уцелевшие финские солдаты выбираются из окопов. С нетерпением они ждут, когда же эти русские пойдут в атаку, чтобы расквитаться за все перенесенное. И с удивлением обнаруживают, что атаки все нет и нет. И так до рассвета, пока опять гигантский молот артиллерии не начинает добивать оставшееся целым после первого дня. Но теперь артиллерийская подготовка плавно переходит в артиллерийское наступление...

«Я решил, как только позволит погода, провести наступление «Цитадель» как первое наступление в этом году. Этому наступлению придается решающее значение. Оно должно быть проведено быстро и с сокрушающей силой. Оно должно дать нам в руки инициативу на весну и лето текущего года. Поэтому все приготовления следует проводить с величайшей тщательностью и энергией...»

Из директивы А. Гитлера от 15/04-1943 г

3 июня 1943 г. Первый Украинский фронт

Под утро Сергей Кокорин внезапно проснулся и заснуть уже не смог. «Похоже, начинается», – подумал он, выходя из блиндажа и забираясь на бруствер траншеи. Действительно, впереди, там, где еще недавно тихо лежала, словно затаившаяся змея, линия фронта, повсюду гремело. Сергей прислушался, потом крикнул вдоль траншеи, подзывая часового. Тот еще не успел ответить, как с неба донесся характерный прерывистый гул немецких самолетов.

– Подъем! Воздух! По щелям! – крикнул Сергей, соскакивая с бруствера. Первые самолеты уже с воем сваливались в пике, когда в щель, прикрывая всем телом хрупкие окуляры стереотрубы, заскочил старший офицер батареи, Иван Болотин. Мгновением позже в нее же свалился, запаленно дыша, разведчик Олег Горошко. Отдышавшись, он достал из кармана кисет и обрывок газеты и попытался свернуть сигарку. Получалось плохо, близкие разрывы бомб мешали уложить табак. Беззвучно матерясь и роняя крошки на землю, Олег все-таки закрутил сигарку и где-то с третьего раза раскурил. Не успел он сделать и пары затяжек, как бомбежка сменилась звуками воздушного боя.

Выглянув из щели, они увидели, как два советских краснотелых истребителя, жужжа, нарезают круги вокруг собравшихся в круг и активно отстреливающихся «лаптежников», а еще несколько наших крутят непонятные виражи с «мессерами». Прямо на их глазах один из «мессеров» словил очередь и взорвался в воздухе, потом задымил и с ревом устремился к земле «лаптежник». Остальные, форсируя моторы, со снижением ушли куда-то на запад. Вслед за ними унеслись и наши «ястребки». Наши вернулись быстро, но в гораздо меньшем количестве, причем один самолет дымил и все больше отставал от общего строя.

Чем закончилось дело у летчиков, досмотреть батареяцам не удалось. Подбежавший часовой выкрикнул, что вызывает комдив. Все трое дружно выскочили из щели и побежали – Сергей с Иваном на КП, а Олег – к землянке взвода управления.

Почти два часа батарея вела огонь по все более приближающимся к ее расположению координатам. Затем связь с КП дивизиона прервалась, а грохот впереди резко усилился и так же резко затих. Примерно четверть часа спустя Сергей заметил несколько групп солдат,двигающихся по полю куда-то в сторону. Потом снова налетели самолеты. На этот раз налет был коротким, но зато сразу после него на траншеи окопавшегося перед батареей батальона и на позиции обрушился огневой налет. Били откуда-то из-за недалеких холмиков, похоже, работала самоходная артиллерия гансов.

Кокорин, едва стихли взрывы, прильнул к стереотрубе, осматривая впереди лежащее поле. Трава, невысокая и повыбитая за время мирного стояния транспортом, почти не скрывала черные круги воронок. Ветер разносил по полю дым, вытекающий откуда-то из-за холмиков и медленно поднимающийся к небу.

Прошел еще один артналет, и на позиции батальона обрушилась очередная группа

немецких бомберов. Еще не отбомбились самолеты, как Болотин, наблюдавший в бинокль, обернулся к Сергею со странным, неуместно-веселым, выражением лица:

– Танки!

Прильнув к окулярам стереотрубы, Кокорин наблюдал, как угловатые неторопливые машины одна за другой появляются из-за гребня холма.

Впереди ползли новые, узнаваемые лишь по изображению на листовках, тяжелые машины «Тигр». «Лобовая броня – сто тридцать корпус и двести башня. Даже нашей двадцатидвухмиллиметровке взять не просто», – подумал Сергей и посмотрел левее. Там, на самом удобном для танков направлении, одна рота пехотинцев вместе с батальонными и взводом самоходных противотанковыми пушек занимали так называемый противотанковый опорный пункт. Замаскированные до начала налета кустарником пушки сейчас были видны, наверное, со всех сторон. В одном из укрытий всю возились самоходчики, а одна из «сорокапятки» валялась, вся изломанная, на боку, а окоп, в котором она стояла, превратился во все еще дымящую воронку.

Одна из самоходок вдруг завелась, выбросив клуб черного дыма, и попятилась из укрытия назад. Пушка ее чуть-чуть не задевала своим срезом землю. Постояв, она отползла чуть в сторону и открыла огонь.

– Что делает, сволочь! – выкрикнул в сердцах Болотин. Присмотревшись, Кокорин различил на рубке тактический номер «триста один» и вспомнил, как ему позавчера жаловался командир взвода, что все экипажи у него только что из учебки, необстрелянные, и как поведут себя в реальном бою, он не знает. Вот, видимо, и сдали у кого-то нервы.

Танки, до того бодро двигавшиеся по полю, встали. Более старые машины, шедшие сзади и в промежутках между «Тиграми», стали расползаться, укрываясь за неуязвимыми на такой дистанции коллегами. Сергей опять прильнул к панораме. «Вот оно!» На переднем скате холмов остановилась шестерка самоходных орудий. Выскочившая чуть вперед машина артиллерийской разведки медленно отползала в сторону, стараясь укрыться в уцелевшем кустарнике. Не отрываясь от стереотрубы, Сергей подал команду. Телефонист повторил с той же интонацией, копируя, незаметно для себя, даже движения губ.

– Огонь!

Над головами прошелестело, и несколько разрывов встало рядом с немецкой машиной. Та стала разворачиваться в сторону, Сергей успел заметить отблески от стекол стереотрубы и снова скомандовал, чуть прибавив прицел. Третий снаряд попал точно. Слабобронированная машина, неспособная устоять против двадцати пяти килограммов стали и взрывчатки, развалилась, как картонная. Немецкие артиллеристы, лишившиеся управления, открыли огонь по демаскированной открывшей огонь самоходкой позиции ПТОП. Им вторили танки, целясь по самоходке. Теперь уже и остальные самоходки отвечали им, молчала только «сорокапятка». Откуда-то слева ударила дивизионная пушка. Теперь уже в бой вступила вся артиллерия, стараясь расстрелять неподвижно стоящие танки и самоходки фрицев. Но те не отвлекались, стремясь в первую очередь уничтожить обнаруженный противотанковый пункт. Сосредоточенный огонь приносил свои плоды – сначала взметнулся огонь над пораженной в лоб стоящей открыто самоходкой, потом рвануло в окопе «сорокапятки». Сергей бросил взгляд на затянутый дым и пылью опорный пункт и отвернулся.

– Никто не выскочил, – хрипло заметил Иван и сплюнул. Сергей ничего не ответил, снова прильнув к окулярам. Через несколько секунд последовала новая команда, и среди продолжавших вести огонь самоходок встали новые разрывы. Те прекратили огонь и начали расползаться в стороны, но новый залп орудий Кокорина остановил две из них. Одна вспыхнула, вторая просто замерла на месте. В этот момент немецкие танки перенесли огонь на высоту, и земля задрожала от близких попаданий.

Сергей, сутулясь перед стереотрубой и, казалось, не обращая внимания на окружающее, командовал заградительным огнем батареи. Танки то останавливались, то ползли вперед, и мнилось, что ничто не способно задержать их неумолимое движение.

Несколько танков горело, еще часть застыла на месте, либо подбитая, либо из-за поломок. Некоторые продолжали вести огонь, и тогда Сергей старался накрыть их сосредоточенным залпом батареи. Неизвестно откуда появившаяся немецкая пехота захватила часть траншей и оттуда НП иногда обстреливали. Но фрицам было не до артиллеристов – Болотин, собрав разведчиков и уцелевшую «махру», пытался выбить их назад, на голое поле, сулящее верную смерть.

Оказалось, что у стрелков в ПТОПе было новое противотанковое оружие. Подошедшие ближе танки неожиданно были обстреляны чем-то вроде компактных эрэсов. Так что сейчас два тяжелых «Тигра» горели, а остальные немецкие танки как будто потеряли всякое желание двигаться вперед.

Приближался вечер, но казалось, что бою не будет конца. Вдруг откуда-то слева с громким ревом моторов на поле стали выползать советские танки. Фрицы попятились.

– Наши пришли! Резервный фронт перешел в контрнаступление! – крикнул телефонист. Сергей, отдав команду прекратить огонь, выпрямился.

А на равнине разгорался танковый бой.

11 июня 1943 г. Москва. Кремль.

Кабинет т. Сталина.

Тов. Сталин

– Есть мнение, что необходимо перейти в наступление немедленно, пока немцы не успели укрепиться на захваченных рубежах. Есть возражения? Нет? Подготовьте соответствующий приказ, товарищ Василевский. Все свободны, товарищи.

Подхожу сзади к поднимающемуся со стула Лаврентию:

– А вас, товарищ Берия, я попрошу остаться. И вас, товарищ Молотов. И еще вас попрошу, Борис Михайлович.

Все, кроме названных мною, уходят. Дождавшись, пока две девушки в форме с сержантскими петлицами уберут на столе карты и принесут чай, я подхожу к торцу стола и присаживаюсь.

– Что у нас с подготовкой к конференции, Вячеслав?

– Договоренность достигнута. Благодаря материалам, полученным от товарища Берии, товарищу Громыко удалось достигнуть договоренности о том, что Рузвельт разместится в нашем посольстве. Но американцы хотели бы получить дополнительные сведения об источнике утечки. Мы можем передать им эти сведения?

– Что скажет товарищ Берия?

Лаврентий отвечать не торопится, видимо, пытается предугадать мое мнение. Вот уж нет. Затягиваюсь и выпускаю клуб дыма. Пусть решает сам. Всем хорош Лаврентий – неплохой профессионал, толковый администратор и организатор, но может действовать только на вторых ролях. Жаль. Преемник получился бы неплохой, а так придется искать другого.

– Пока нам не удалось получить достоверных сведений об источнике утечки. Полученные моим ведомством сведения позволяют лишь утверждать, что он находится в одном из посольств Великобритании. Наиболее вероятным источником можно считать завербованного работника посольства.

Говорит, а сам на меня поглядывает. Первоначальную информацию он от меня получил. Намеками, но ему хватило. Сейчас копает вовсю. Так что есть вероятность, что не будет этот слуга, что на немцев работал, мемуары писать после войны, похваляясь своим предательством. Жаль, что я их не читал, слышал только.

– А не может эта утечка быть инспирирована самими англичанами? – Вячеслав, как видно, все еще помнит случай с полетом в САСШ и холодный прием в Англии. Я тоже помню, и пусть точно знаю, что англичане если и допустили утечку, то не намеренно, вступаю в разговор.

– Есть мнение, что это вполне возможно. Не все в правящих кругах Англии поддерживают Черчилля. Да и сам сэр Уинстон как ярый антикоммунист всегда готов

сделать нам какую-нибудь гадость. Даже если это не принесет никакой пользы ни ему, ни его стране.

– Я могу передать эти сведения нашему послу?

– Обязательно, Вячеслав. Причем пусть он и озвучит и наши предположения. Кроме того, необходимо уточнить позицию президента по Турции.

– Турция? – Молотов явно ждет разъяснений.

– Борис Михайлович, как вы считаете – объявление Турцией войны Германии было бы полезным для нас? – спрашиваю я Шапошникова. Бедняга, что-то ему и лечение плохо помогает. Видно, что чувствует себя нехорошо, но держится. Военная закалка, сразу видно.

– Да, товарищ Сталин. Для нас сейчас было бы очень выгодно выступление Турции на стороне антифашистской коалиции. Трудно сказать, насколько турецкая армия боеспособна. Но дело не столько в армии. Сам факт объявления Турцией войны Германии имеет немалое политическое и стратегическое значение. В этом случае позиции Германии на Балканах становятся весьма уязвимыми, а союзники получают возможность использования турецких ресурсов и самое главное – территории для ведения войны. Мы и наши союзники сможем создать, например, авиационные базы для бомбардировок Румынии, районов Эгейского моря и балканских стран.

– Спасибо, Борис Михайлович, за исчерпывающий анализ. Вы себя хорошо чувствуете?

– Благодарю вас, товарищ Сталин. Я чувствую себя вполне нормально.

– Хорошо. Тогда перейдем к следующему вопросу. Товарищ Берия, вы принесли необходимые документы?

– Так точно, товарищ Сталин. Вот они. – Лаврентий достает из заранее подготовленного портфеля две довольно толстые папки-скоросшиватели. – В этих папках заверенные копии приговоров на лиц, причастных к уничтожению пленных красноармейцев и мирного населения Западной Белоруссии в двадцатые годы. На все три тысячи сто девяносто два человека.

– Вот эти папки наши послы в САСШ и Великобритании обязаны передать правительствам этих стран вместе с соответствующими разъяснениями по поводу германских заявлений о Катыни. Товарищ Майский пусть дополнительно доведет на словах до Идена, что неконструктивная и недружественная политика польского правительства в Лондоне, поддерживаемая определенными кругами Великобритании, является препятствием для развития и углубления союзнических отношений между нашими государствами.

– Будет выполнено, товарищ Сталин. Я могу быть свободен?

– Конечно, товарищ Молотов. Как только придут сообщения о реакции правительств на наши заявления – немедленно доложите мне. Товарища Поскребышева я предупрежу.

Молотов прощается и уходит. Мы остаемся втроем. Три человека, посвященные в тайну «Припяти» и возможного будущего. Правда, с учетом уже произошедших изменений, оно становится все менее и менее вероятным. Но кто знает...

– Лаврентий Павлович, прошу вас доложить о новостях по проекту «Эноромоз».

– Мы продолжаем теоретические исследования и накапливаем материал для создания котла... У группы Зельдовича прорыв в методах расчета реакции...

– Это хорошо, Лаврентий Павлович. А как обстоят дела у американцев и англичан?

– Несмотря на объединение усилий, они по-прежнему отстают от теоретического графика разработки. По нашим выкладкам, создание первого взрывающегося устройства возможно не ранее лета сорок пятого года.

Обсуждаем возможности закончить войну и разбить Японию до этого срока. Останавливаемся на том, что при поражении Германии не позднее мая – июня следующего года мы можем подготовить наше наступление на Востоке к сентябрю того же года.

Затем вместе с Шапошниковым разбираем возможные военно-политические итоги войны и их последствия для строительства вооруженных сил. Расходимся далеко за полночь. Я своей властью объявляю Шапошникову два, а Берии один день отдыха. Мне нужны полноценные работники, а не заспанные исполнители.

На ночь читаю книгу Черчилля о походах британской армии в конце девятнадцатого века и все больше осознаю, что корни нацизма не столько в Германии, сколько в добропорядочной викторианской Англии.

«Черниговская битва заняла в Великой Отечественной войне особое место. По своему ожесточению и упорству борьбы эта битва не имеет себе равных. Общий замысел германского командования сводился к тому, чтобы окружить и уничтожить оборонявшиеся в районе Чернигова – Новгород-Северского войска 1-го Украинского и 2-го Белорусского фронтов. В случае успеха предполагалось расширить фронт наступления и вернуть стратегическую инициативу. Для реализации своих планов противник сосредоточил мощные ударные группировки. Большие надежды возлагались на новейшие танки «Тигр», «Леопард» и «Пантера», штурмовые орудия «Фердинанд», самолеты-истребители «Фокке-Вульф-190-А» и штурмовики «Хеншель-129».

Начавшаяся битва сразу же приняла грандиозный размах и носила крайне напряженный характер. Наши войска не дрогнули. Наступление ударных группировок противника было приостановлено. [...] Лишь ценой огромных потерь ему удалось на отдельных участках вклиниться в нашу оборону. [...] Окончательно похоронило гитлеровскую операцию «Цитадель» крупнейшее за всю Вторую мировую войну встречное танковое сражение под Краснознаменкой. Оно произошло 7 июня. В нем с обеих сторон одновременно участвовали 1200 танков и самоходных орудий. Это сражение выиграли советские воины. Фашисты, потеряв за день боя до 300 танков, вынуждены были отказаться от наступления. [...]

12 июня начался второй этап Черниговской битвы – контрнаступление советских войск. 3 июля советские войска освободили города Киев и Мозырь. Вечером 3 июля в честь этого крупного успеха в Москве впервые за два года войны был дан победный салют. [...]

«Краткий очерк истории Второй мировой войны» под ред. полк. Гарева М. С., М., 1975 г.

20 июня 1943 г. Новгород-Северский.

907-й (18-й гвардейский) истребительный авиapolк ПВО.

Николай Козлов

Фронт ушел далеко на запад, а полк пока по-прежнему охраняет город. На смену опытным летчикам, переведенным в другие полки, Козлову дали молодое пополнение из запасных авиapolков. Боевого опыта у них никакого, несмотря на неплохой налет, и Николай принял решение тренировать их во время патрулирования. Тем более, что топливо теперь поступает регулярно, по первому же запросу, и лимиты расхода повышены чуть ли не вдвое. Говорят, наши у американцев несколько новых нефтеперегонных заводов купили и ввели в строй, потому и горючего больше появилось. А еще американцы по ленд-лизу бензин авиационный гонят. Как рассказывал один из побывавших в отпуске летчиков, в Мурманск в каждом караване несколько танкеров с топливом приходит...

График облетов новой техники, график боевой подготовки... Бумаг на столе командира всегда много, а в такие, сравнительно спокойные дни тем более. Привычно пробегая глазами, подписывая, Николай перекладывает их из выросшей на краю стопки в папку. Внезапно он останавливается и вчитывается, словно не веря, в очередной документ снова.

«Твою ж компрессию! Мало того, что всех комэсок забрали, замполита сменили, теперь и Вячика забирают. На должность замкомандира... придется отпустить. Служебный рост штука нужная. Жаль, что чем выше растешь, тем меньше летать самому получается, больше на земле сидишь. Ну, замкомполка еще ничего, летает, а командир уже почти нет. Кстати, где там график облетов? Вот, точно, Вячеслава вычеркнуть придется. А не отвести ли мне душу? Раз уж на патрулирование практически не летаю, почему бы новые машины не облетать. Вот и впишем сюда себя», – отложив полученный приказ в сторону, Козлов быстро

вносит исправления в лежащий перед ним график и вызывает дневального:

– Дневальный! Графики – начштаба отнеси, а потом вызови ко мне начстройа и майора Коротина. Давай живей, одна нога здесь, другая там.

Переговорив с Вячеславом и поручив начальнику строевого оформить все бумаги на перевод, расстроенный предстоящим расставанием Николай едет на аэродром. Здесь, в привычной обстановке, к нему возвращается хорошее настроение. Оформив допуск к облету, он переодевается и идет на стоянку, где его уже ждет у самолета техник:

– Товарищ полковник! Самолет к облету готов! Техник самолета старшина Ельцов!

Поздоровавшись и сделав предполетный осмотр, Козлов садится в кабину, привычно проверяет приборы, запускает двигатель.

Отмашка техника, и истребитель выруливает из капонира. Пробежка по рулежке. Встав в начале полосы, Николай запрашивает разрешение на взлет. Разрешение дано, разбег, самолет устремляется в воздух.

Коробочка, набор высоты, затем проверка самолета на всех режимах. Петля, боевой разворот, переворот, перевернутый полет, выход в нормальный полет, опять петля, снижение и, в перевернутом полете, проход на бреющем над полосой. Все удовольствие от полета Николаю перебивает голос руководителя полетов.

– Приказ комдива – на посадку.

«Черт побери, сейчас точно получу втык. Не вовремя он приехал!»

Приземлившись, Козлов спешит в штаб: «Вот и Пал Палыч на крыльце стоит. Судя по виду, ждет меня полведра компрессии с патефонными иглами!»

– Товарищ...

– Не тянитесь, товарищ полковник. Знаете, я всегда считал вас умным человеком. Только вот сейчас увидел, что вы в полете вытворяете, и засомневался.

– Не беспокойтесь, товарищ комдив. С таким пилотажем я всегда справляюсь.

– Вы-то справитесь, не сомневаюсь. А другие? Особенно молодые летчики? Они – справятся? Они попытаются вам подражать и будут биться. Вы об этом не подумали? Ладно, идемте.

Пристыженный и расстроенный Козлов вместе с комдивом подходит к кабинету и только тут замечает стоящего у двери веселого начштаба. Они все вместе входят в кабинет, и слегка успокоившийся генерал говорит:

– Ладно, именинник. Читай приказ.

Начштаба подает Козлову папку с приказом о присвоении звания гвардейского и почетного наименования Новгород-Северского новоиспеченному восемнадцатому гвардейскому истребительному полку ПВО. Николай, прочитав, радостно улыбается и отвечает на поздравление комдива.

– Не спеши радоваться, – посерьезнев, продолжает комдив. – Второй приказ пришел. Забирают вас. В Липецк летите, для выполнения особого задания командования. Так что срочно организовывай построение, праздновать серьезно будете потом.

«Десять ударов», иногда называемые также «Десять сталинских ударов», – совокупность операций заключительного периода войны, закончившихся полным разгромом нацистской Германии и ее союзников. [...] «Первый удар» – стратегическая операция под кодовым названием «Александр Невский», наступление Карельского и Ленинградского фронтов, приведшее к выходу Финляндии из войны. [...] Вторым ударом называют операцию «Князь Довмонт», проведенную Прибалтийским фронтом. [...] Третий удар – операция Первого Украинского и Второго Белорусского фронтов «Кутузов»...»

«Краткий очерк истории Второй мировой войны» под ред. полк. Гареева М. С. М., 1975 г.

И на Тихом океане свой закончили поход

*Мы так давно, мы так давно не отдыхали.
Нам было просто не до отдыха с тобой.
Мы пол-Европы по-пластунски пропахали,
А завтра, завтра, наконец, последний бой...*
С. Ковалева

12 июля 1943 г. г. Тегеран

Владимир Величко вытер пот со лба и отпил еще глоток горячего чая. Стоило признать, что жизнь в Европах его здорово расслабила. Отвык от здешней жары. Хорошо уже то, что привычки пить горячий чай не утратил. Ничем больше в такую жару жажду не утолишь, обычную воду сколько ни пей – не поможет. А пить хочется постоянно, лето в этом году исключительно жаркое, даже привычные к такой погоде персы, и то удивляются.

Спокойно, есть сигнал. Вот и он. Точно, немец. Судя по повадкам этого господинчика – эсэсовец, наглость так и прет. Получается, сведения от «Макса» точные. Надо брать засранцев, пока они еще не сообразили, что так беспечно себя вести нельзя. Сверхчеловеки, как же.

Ну, что решать будем, капитан? Берем или нет? За линией фронта проще было, чем здесь. Если бы не знание фарси и не стажировка в Туркестанском округе, сидел бы он сейчас в какой-нибудь рощице, прикидывая, как ловчее заминировать очередной мост или стрелку и как не столкнуться потом ни с немецкой фельджандармерией, ни с польскими аковцами.

Пока Владимир не спеша допивал чай, в чайную зашел иранец, осмотрелся и подошел к его столику.

– Уважаемый господин позволит мне попросить освободить этот столик, – вежливо сказал он на фарси.

– Простите, но я вижу здесь еще несколько свободных столов, – ответ Владимира звучал грубо, но иранец сделал вид, что не понимает.

– Уважаемый господин прав, здесь есть еще шесть свободных столов, но у меня должна состояться важная встреча с уважаемым человеком именно за этим столиком. Он скоро подойдет, а вы уже насладились своим чаем. Поэтому я прошу вас... – Владимир, словно устав от назойливости собеседника, выложил на столик несколько монет, что-то пробормотал себе под нос и вышел из-за стола, словно не замечая вежливого поклона визави.

На улице он аккуратно проверился. Слежки не было, редкие прохожие не обращали внимания на о чем-то задумавшегося прямо посреди улицы человека. Постояв минуту, он словно что-то вспомнил и быстрой походкой свернул в ближайший переулок.

В переулке его ждали. Двое, в одном из которых без труда можно было узнать европейца, негромко спорили, словно не замечая подходящего к ним Величко. Но едва Владимир с ними поравнялся, как они прекратили разговор, и европеец доложил:

– Все спокойно. Наши на позиции, ждут сигнала. В случае необходимости можем позвонить в комендатуру, комендачи подъедут через двадцать минут.

– Комендантских ждать не будем. Они собрались все шестеро, когда уйдут – неизвестно. Будем брать.

– Брать так брать. Вариант А, я полагаю?

– Да. Юсуф, предупреди наших. Начнем через... пять минут. Сигнал – взрыв «Грозы». Успеешь?

– Сделаю, командир.

Привычно медленно потянулись минуты. На улице было пустынно, несколько прохожих быстро прошли по своим делам, не задерживаясь и вроде бы не обращая внимания на стоящих посреди дороги. Ночные перестрелки и драки, заканчивающиеся к утру обнаружением неопознанных трупов, давно стали повседневностью, а сейчас, в связи с приближением какого-то важного события, подобное иногда случалось и днем. Так что желающих узнать, чем занимаются появившиеся на их улице незнакомцы, не испытывал никто.

– Пошли, – выхватывая пистолет из кобуры скрытого ношения, командовал Величко. Его напарник, несколько приотстав, достал из-под мешковатого костюма маузер и нечто, напоминающее небольшую жестяную банку.

Штурмовать предстояло маленький одноэтажный домик, скорее даже виллу, стоящую чуть наособицу, среди небольшого сада, отгороженного от улицы глухим высоким забором. Пока командиры добрались до него, идущие впереди бойцы сняли единственного наблюдателя во дворе, открыли боковую калитку и рассредоточились вокруг дома, прикрываясь деревцами и кустарником. Перебравшись через забор, в непросматриваемом из окна секторе, Величко и его спутник присоединились к паре, расположившейся напротив большого окна. Владимир подал знак рукой, и в открытые форточки, брошенные вскочившими бойцами, влетели заранее приготовленные жестянки.

– Алярм! Гранатен! – раздались глухие крики, мгновенно сменившиеся сильным грохотом и звоном вылетевшего стекла.

В распахнувшуюся от взрыва дверь буквально влетел первый боец. За ним – еще трое. Пара, рядом с которой лежал Величко, вскакивает и запрыгивает в оконный проем. Ослепленные и оглушенные взрывами, ошалевшие от неожиданности немцы не стреляют. Ворвавшиеся в здание сразу с трех сторон бойцы вяжут не способных сопротивляться диверсантов.

Последними не спеша входят в дверь Величко с помощником, лейтенантом Авелем.

– Что тут у нас? – иронически спрашивает Авель стоящего посреди комнаты с автоматом наготове сержанта Калинина.

– Взяли всех, тепленькими. Хорошая штука эти новые гранаты. Кое-кто даже обделался от неожиданности. Сопротивления никакого.

– Рация цела?

– Цела. И радиста, похоже, взяли. Вон тот, чубатый. У него в кармане шифрблокнот был.

– Отлично. Лейтенант, вызывайте комендачей, будем увозить засранцев.

«Соединенные Штаты и Англию на Тегеранской конференции представляли более крупные делегации. Вот их состав:

От Соединенных Штатов: президент Ф. Д. Рузвельт, специальный помощник президента Г. Гопкинс, посол США в СССР А. Гарриман, начальник штаба армии США генерал Д. Маршалл, главнокомандующий военно-морскими силами США адмирал Э. Кинг, начальник штаба военно-воздушных сил США генерал Г. Арнольд, начальник снабжения армии США генерал Б. Сомэрвэлл, начальник штаба президента адмирал У. Леги, начальник военной миссии США в СССР генерал Р. Дин.

От Великобритании: премьер-министр У. Черчилль, министр иностранных дел А. Иден, посол Англии в СССР А. Керр, начальник имперского Генерального штаба генерал А. Брук, фельдмаршал Д. Дилл, первый морской лорд адмирал флота Э. Кеннингхэм, начальник штаба военно-воздушных сил Великобритании главный маршал авиации Ч. Портал, начальник штаба министра обороны генерал Х. Исмей, начальник военной миссии Великобритании в СССР генерал Г. Мартель».

В. И. Белоусов. Коренной перелом в ходе Великой Отечественной войны. Роман-хроника.

15 июля 1943 г. г. Тегеран.

Советское посольство ³⁸.

Тов. Сталин

Маршальская форма на мне, несмотря на все усилия портных, сидит, как на корове

³⁸ При описании событий 15 июля в Тегеране использованы материалы книги В. Бережкова «Тегеран-43».

кавалерийское седло. Ужасно неудобный этот стоячий воротник. Или мне это кажется? Привык к полугражданской униформе? Еще и трубку не закуришь, врачи советуют как можно меньше курить. Подхожу к столу и беру из пачки «Герцеговины Флор» папиросу. Пока еще их курить разрешают, а то бы совсем плохо было. Вот и переводчик пришел. Здравствуемся, и, пока он раскладывает на столике свои письменные принадлежности, я закуриваю папиросу.

– Отдохнули после дороги, товарищ Бережков? Готовы переводить? Беседа будет очень ответственной.

Отвечает сразу, не задумываясь:

– Готов, товарищ Сталин. За ночь хорошо отдохнул, – значит, считаем, что готов.

Подхожу к столу и объясняю, кто и где будет сидеть. Заодно раскуриваю потухшую папиросу и отхожу от стола. Пока Рузвельта нет, вспоминаю полет от Москвы до Тегерана. Летели «бортом особого назначения» номер один, а фактически – переделанным под пассажирский самолет бомбардировщиком Пе-8. Комфорт на нем относительный, единственное утешение, что салон сделали обогреваемый. Зато сопровождавшие его истребители мне понравились. Новые, Поликарпова и Гудкова, «ястребки» И-185. Красивый самолет всегда хорошо летает. Я не выдержал и во время посадки в Баку с летчиками поговорил. Гвардейцы, певеошники, воевали над Черниговским выступом. Командир – Герой Советского Союза. Вот куда надо Василия отправить, пока совсем не замучил меня просьбами перевести из инспекции на фронт. Точно, и времени пить у него не будет...

Дверь открывается, и слуга-филиппинец вкатывает коляску с сидящим в ней Рузвельтом. Улыбается во все тридцать два, но на подлокотники опирается тяжело. Стараются болезни не поддаваться, уважаю. И характер чувствуется, первым здоровается и протягивает руку.

– Хэлло, маршал Сталин. Я, кажется, немного опоздал, прошу прощения.

Перехватил инициативу американец, перехватил. Ничего, отыграемся.

– Нет, вы как раз вовремя. Это я пришел раньше. Долг гостеприимства обязывает, все-таки вы у нас в гостях, можно сказать, на советской территории...

Смеется. Понял, но не придавал значения. Отличный мужик. Подружился бы с ним.

– Я протестую. Мы ведь твердо условились встречаться на нейтральной территории. К тому же тут моя резиденция. Это вы мой гость.

– Не будем спорить. Лучше скажите, хорошо ли вы устроились, господин президент? Может, что-то требуется?

– Нет, благодарю, все в порядке. Я чувствую себя как дома.

Это хорошо. По крайней мере, часть задачи решена. Создать впечатление и расположить к нам американского президента – многого стоит. Ко всему прочему Лаврентию намного проще, будем знать позицию одного из важнейших участников переговоров.

– Значит, вам здесь нравится? Это хорошо.

– Очень благодарен вам за предоставленный мне дом.

Отвечает искренне. Похоже, мне удалось наладить с ним взаимоотношения. А это очень важно, по крайней мере до сорок пятого года.

– Ну что вы, господин президент. Это мой долг. Прошу вас поближе к столу, – показываю, слуга устанавливает коляску на указанное место, разворачивает, затягивает тормоз и уходит.

Предлагаю Рузвельту папиросу, но он, поблагодарив, отказывается. Достает портсигар, вставляет сигарету в мундштук, закуривает. Предлагает мне, но я тоже отказываюсь. Курит сигареты, которые в ТО время называли бы очень крепкими. Какая-то смесь табаков, судя по запаху.

– Привык к своим, – обезоруживающе улыбается и пожимает плечами. – Где же ваша знаменитая трубка, маршал Сталин, которой вы, как говорят, выкуриваете своих врагов?

Улыбаюсь в ответ и, прищурившись, отвечаю с той же долей иронии:

– Я, похоже, почти всех их выкурил. – Смеемся, даже переводчик улыбается. – Но, если говорить серьезно, врачи советуют мне поменьше пользоваться трубкой. Но я ее захватил сюда и, чтобы доставить вам удовольствие, обязательно возьму ее с собой в следующий раз.

– Надо слушаться врачей, – серьезно отвечает Рузвельт, – мне приходится это делать.

Перехожу на серьезный тон и спрашиваю, что хотел бы обсудить президент сегодня.

– Не думаю, что нам следует сейчас точно очерчивать круг вопросов для обсуждения. Можно просто ограничиться общим обменом мнениями относительно нынешней обстановки и перспектив на будущее. Мне было бы также интересно получить от вас информацию о положении на советско-германском фронте.

– Готов принять ваше предложение, – отвечаю сразу. Затем, чтобы немного собраться с мыслями, перебираю папиросы в коробке, закуриваю. – Если кратко, то в настоящее время мы продолжаем наступление сразу на трех участках фронта. Нашими войсками освобождены крупные города Житомир, Двинск и Херсон. Но немцы не прекращают попыток контрнаступления, подтягивая резервы из Европы.

– Я хотел бы отвлечь с советско-германского фронта тридцать-сорок германских дивизий, – сочувственно замечает Рузвельт. Ты, может, и хотел бы, только вот англичане и кое-кто у тебя в стране – нет, думаю я, улыбаясь собеседнику.

Дальше мы обсудили сложности, встающие перед американцами, перспективы вторжения в Италию. Рузвельт в общих чертах развивал мысль о послевоенном сотрудничестве между Соединенными Штатами и Советским Союзом. Я его поддержал, заметив, что СССР после войны может стать обширным рынком для промышленности США. Рузвельту эти перспективы понравились, а я печально подумал, что строить воздушные замки легче, чем осуществлять их на практике. Обсудили еще многое, неплохо подготовившись к первому заседанию. Очень хорошо, что мы достигли практически полного единства взглядов по вопросам колоний. Понятно, что планы на дальнейшую судьбу освобожденных стран у нас принципиально различные, но это уже не столь существенно. Жизнь покажет...

15 июля 1943 г. Тегеран.

Советское посольство. Зал заседаний

Пленарное заседание конференции происходило в большом зале, декорированном в стиле ампира. Посредине стоял большой круглый стол, покрытый скатертью из кремового сукна. Вокруг были расставлены обитые полосатым шелком кресла с вычурными подлокотниками из красного дерева. В центре стола стояла подставка с государственными флагами трех держав – участниц конференции. Перед каждым креслом на столе лежали блокноты и отточенные карандаши. Первой в зал вошла самая малочисленная советская делегация. Впереди шел И.В. Сталин, за ним, чуть приотстав – В.М. Молотов и С.М. Буденный. Вслед за ними вошли американская и английская делегации. Непосредственно у стола занимали место главные члены делегаций и переводчики, остальные, включая технический персонал, размещались в своих секторах на стульях, расставленных в несколько рядов. За столом справа от Черчилля сидел его личный переводчик – майор Бирз. Рядом с Рузвельтом разместился его переводчик Чарльз Болен, первый секретарь посольства Соединенных Штатов в Москве.

Заседание было предложено вести президенту Рузвельту. Он и выступил с первой приветственной речью.

– Я думаю, – заканчивает свое выступление Рузвельт, – что это совещание будет успешным и что три нации, объединившиеся в процессе нынешней войны, укрепят связи между собой и создадут предпосылки для тесного сотрудничества будущих поколений...

Прежде чем перейти к практической работе, Рузвельт поинтересовался, не желают ли Черчилль и Сталин сделать заявления общего порядка о важности этой встречи и о том, что означает она для всего человечества. Немедленно попросил слово Черчилль. Вслед за ним выступил Сталин, после чего главы делегаций коротко рассказали об обстановке на фронтах. Сначала выступил Рузвельт, рассказавший в основном о боях на Тихом океане. После него

выступил Сталин, описавший действия советских войск и подчеркнувший, что они были бы успешнее в случае сковывания противника на западе высадкой англо-американских войск. В ответ Черчилль сделал упор на успешной высадке войск в Италии, представляя это событие открытием союзниками Второго фронта в Европе. Отвечая, Сталин заметил, что Италия – это второстепенный театр военных действий.

В результате первое заседание практически полностью было посвящено обсуждению планов вторжения союзников на континент. В этой же связи некоторое время обсуждали вопрос о французском движении Сопротивления и возможных лидерах Новой Франции. Американцы отмечали, что де Голль не пользуется популярностью, и предлагали кандидатуру Жиро, англичане отстаивали своего протеже.

Заседание длилось три с половиной часа, но договориться о точной дате открытия Второго фронта так и не удалось. Решено было передать обсуждение этого вопроса на заседание комиссии военных экспертов.

Первый день конференции, которая должна была определить судьбы всех народов Земли, закончился.

16 июля 1943 г. Тихий океан.

Неподалеку от о. Саво

Огромный плавающий аэродром лихорадило. По палубе, накренившейся на угол больший, чем допустимые три градуса, носились, на первый взгляд беспорядочно, группы матросов, раскатывая шланги и заливая очаги пожара, убирая обломки и спихивая с нее поврежденные самолеты. Авианосец «Кага» получил многочисленные повреждения, но пока еще жил и сопротивлялся, и некому было нанести coup de grace, чтобы прекратить это сопротивление. Некому, потому что главный его соперник тоже пылал от носа до кормы. Пылал, не способный оказать ни малейшего сопротивления граду тяжелых снарядов. Неожиданно невезучим оказалось имя «Лексингтон» для американских авианосцев. Первый сгорел в Пирл-Харборе, второй, так и не сумев отомстить за своего предшественника, тонул в море на траверзе острова Саво.

Огонь по авианосцу вели линкоры японской эскадры, непонятно каким образом прорвавшейся прямо к мягкому подбрюшью авианосного ударного соединения Хэлси. Единственный линкор, охранявший ударную эскадру, недавно модернизированный «Теннеси», пытался прикрыть уходящие на полной скорости менее поврежденные авианосцы «Хорнет» и «Энтерпрайз», отбиваясь сразу от трех противников.

С мостика американского линкора японские противники выглядели четко очерченными силуэтами на фоне горизонта, как бы ожившими чертежами со страниц «Джейна». Не просто ожившими, а страшными в своей реальности картинками. Вот по силуэтам пробегает дружная серия еле заметных в свете солнца огоньков, сменяющихся клубками дыма – очередной залп. Спустя несколько мгновений всем находящимся в боевой рубке кажется, что они слышат проникающий даже сквозь броню рубки вой приближающихся снарядов. Время как будто застыло, а корабль, делающий левый координат, двигался медленно, словно муха в патоке. Но маневр удался, невыносимый вой прервался глухим ревом и дробью ударов по корпусу за ним, когда около полутора дюжин огромных столбов воды поднялись вокруг линкора.

«Конго», шедший первым в боевой линии, стрелял по «Теннеси» двумя кормовыми башнями, носовые были нацелены на горящий авианосец. И очередной залп снова оказался успешным. Два снаряда из четырех попали точно в цель. Огромный, несущийся словно болид снаряд упал на корму, вдребезги разнес поврежденный предыдущим попаданием самолетоподъемник и разорвался уже в ангаре. Аварийной команде, пытавшейся тушить пожары, не повезло. Летящие во все стороны раскаленные осколки, словно косой, срезали суетящихся людей, перебили рукава брандспойтов, разбросали пылающие остатки самолетов по ангару, вызывая появление еще сотни новых очагов пожаров. Столб дыма и огня, вырвавшийся из недр корабля, еще не успел подняться высоко, как второй снаряд, угодивший в корпус в районе ватерлинии, взорвался, заставив содрогнуться весь корпус.

Авианосец вздрогнул, наклонился на левый борт и уже не выпрямился. Крен нарастал и нарастал. Корабль был явно обречен. Громадные языки пламени лизали корпус, наклонившийся под невиданным углом к поверхности моря, из разнесенной вдребезги на корме взлетной палубы вырывались вверх клубы темного густого нефтяного дыма. С наклонившейся палубы сыпались самолеты и мелкие фигурки людей. Наклон все увеличивался, и, внезапно резко свалившись на борт, авианосец быстро скрылся под водой.

«Теннеси» и шедший ему в кильватер тяжелый крейсер «Индианаполис» продолжали вести огонь по японцам. Линейные крейсера Объединенного флота сосредоточили огонь по головному линкору, лишь изредка отвечая на залпы восьмидюймовок крейсера огнем своих шестидюймовок, практически не достигавших цели. Зато сосредоточенный огонь главного калибра японцев приносил свои плоды. Некоторое время «большой пятерке», в соответствии с традицией добровольно сунувшей голову в пасть льва, везло. Ему даже очень везло. Один из его четырнадцатидюймовых снарядов поразил идущий концевым «Хией» прямо в барбет кормовой башни главного калибра, пробил его и взорвался, превратив башню в сюрреалистическую скульптуру, вызвав с трудом потушенный пожар в погребах и сократив боевую мощь корабля наполовину. У «Хией» сегодня был неудачный день. С начала боя линейный крейсер успел поймать уже несколько восьмидюймовых гостинцев от «Индейского города», и даже единственный залп кормовой башни «Штата добровольцев» оказался неожиданно результативным. Но бой еще продолжался, и поврежденный, но не вышедший из линии линкор отомстил за свою неудачу. Очередной залп японских кораблей оказался фатальным для американцев. Сразу два снаряда, один из которых был выпущен орудием носовой башни «Хией», поразили американский линкор в самое сердце, лишив его хода. Казалось, что «Теннеси» резко замер на месте, заставив мателота резко свернуть в сторону японцев. Те приняли резкий поворот «Индианаполиса» за попытку сближения и открыли по нему бешеный огонь из всех орудий. Получив за короткое время больше полусотни попаданий, потерявший управление, пылающий крейсер все еще пытался сопротивляться, его восьмидюймовки били и били по все тому же многострадальному «Хией», получившему уже не менее двадцати попаданий. До последнего момента казалось, что американцу удастся приблизиться к японской линии для таранного удара, но неожиданно он резко нырнул носом в волну и... исчез, только мелькнули напоследок бешено вращающиеся винты. Это зрелище настолько привлекло внимание всех наблюдателей, что даже обходящие крейсер для атаки линкора японские эсминцы не сразу заметили приближающуюся «кавалерию из-за холмов» – спешащие на выручку американские линкоры «Вашингтон», «Норт Кэролайн», «Саут Дакота» и «Индиана»...

«Линейные корабли типа «Теннеси» – ... у «Теннеси» при ремонте полученных в Пирл-Харборе повреждений полностью изменился внешний вид корабля, делая его похожим на новейшие линкоры типа «Саут Дакота»... Получив тяжелые повреждения в бою у острова Саво, линкор был отправлен на ремонт в США. В пути перехвачен японской ПЛ «И-58», получив прямое попадание трех, а потом еще двух торпед, затонул.

Линейные крейсера типа «Конго» – ... «Хией»... тяжело поврежден огнем амер. ЛК «Теннеси», «Вашингтон» и КРТ «Индианаполис» (ок. 85 попаданий снарядов разл. калибра, в том числе 5—356..406 мм и до 25—203 мм). При отходе атакован американской авиацией, получил новые повреждения, потерял ход и затоплен кораблями эскорта.

«Киришима»... получил тяжелые повреждения от артогня американских линкоров «Вашингтон» и «Саут Дакота» (9 попаданий 406 мм снарядов и до 40 снарядов 127 мм с близкой дистанции). Затонул у острова Саво.

«Конго»... поврежденный попаданием 1—406 мм снаряда, при переходе в Японию в северной части Формозского пролива торпедирован амер. ПЛ «Си Лайон», через два часа взорвался и затонул».

Дашьян А.В. и др. Флоты Второй мировой. М.: Воениздат, 1965.

18 июля 1943 г. Тегеран.

Советское посольство.

Тов. Сталин

Затягиваюсь вкусным ароматным дымом, особенно приятным после долгого воздержания, стараясь на время отвлечься от забот. Но долго наслаждаться не удастся. Где-то неподалеку раздается странный звук, похожий на отдаленный взрыв. В комнату вбегают охранники, оттесняют меня в угол, несколько человек занимают позиции у окон. Чатлахи, у нас что, война началась? Немецкие десантники высадились, что ли?

– Что случилось, товарищ Доморацкий?

– Не могу знать, товарищ Сталин. Действуем по инструкции.

– По инструкции, по инструкции. Развели, понимаешь, бюрократию и секретность, ничего не знают, – ворчу скорее из внезапного чувства противоречия, чем от злости. Неужели не смогли полностью ликвидировать нацистскую агентуру? ТАМ – удалось, даже фильм про эти события был. Охранники молчат. Не успеваю рассердиться как следует, в дверях появляется Власик и с ним Лаврентий. Охранники сразу покидают кабинет.

– Разрешите? – можно подумать, я запрещаю, формалисты хреновы. Здороваемся, и Лаврентий докладывает:

– ...Перехвачена диверсионная группа противника, пытавшаяся проникнуть на территорию английского посольства через водоканал. При попытке задержания произошел взрыв имевшегося у диверсантов взрывного устройства. Погибло четверо диверсантов, один – тяжело ранен, захвачен. Один уцелел, легко ранен, ушел. Сейчас его ведет наружное наблюдение.

– На резидентуру выйти хотите?

– Да, товарищ Сталин. Есть надежда на «игру».

– Правильно. Что же, ваши действия одобряю, – поворачиваюсь к нетерпеливо переминающемуся с ноги на ногу Власику. – А что скажет товарищ Власик?

– Товарищ Сталин, начальник охраны президента требует объяснений. И англичане тоже... волнуются.

– А вы их успокойте, товарищ Власик, – отхожу к столу, набиваю трубку и обдумываю пришедшие в голову соображения. – Господину Майклу Рейли расскажите все, кроме информации об отпущенном диверсанта. Англичанам скажите лишь о предотвращении террористического акта и убитых диверсантах. С намеком, что их охрана эту группу прошлапила. Понятно? Не прямо, а намеком.

– Слушаюсь, товарищ Сталин.

– Можете быть свободны. А вас, товарищ Берия, я попрошу задержаться...

На вечернем заседании Рузвельт задумчив чуть более, чем обычно. Недавнее морское сражение с японцами, выигранное с большими потерями, если доверять данным нашей разведки, и сегодняшнее происшествие явно не прибавляли оптимизма президенту Северо-Американских Штатов. Зато Черчилль явно пытается взять реванш за утренний конфуз. Обсуждаем послевоенное положение в Европе. Раскуривая сигару, Черчилль говорит, что союзники должны нанести такой сокрушительный удар по Германии, чтобы она никогда больше не могла угрожать другим народам. Рузвельт согласен с этим. Я тоже, но добавляю, что, если не будут приняты особые меры, Германия скоро восстановит свой потенциал и будет снова представлять угрозу для мира. Поэтому я предлагаю ввести в Германии, как и в других странах, поддерживающих нацизм и фашизм, а также оккупированных нацистами, но поддерживающих их своим промышленным потенциалом, внешнее управление в виде Союзных Контрольных Комиссий. При этом я выдвигаю предложение о том, что держава, освободившая от фашистов более половины оккупированной территории любой страны, имела преимущественное право влияния на эту страну.

Черчилль в ответ замечает:

– Как же тогда законное польское правительство? Мы начали войну с Германией из-за того, что она напала на Польшу. В свое время меня удивило, что Чемберлен не стал вести

борьбу за чехов в Мюнхене, но внезапно в апреле 1939 года дал гарантию Польше. Но одновременно я был также и обрадован этим обстоятельством. Ради Польши и во исполнение нашего обещания мы, хотя и были не подготовлены, за исключением наших военно-морских сил, объявили войну Германии и сыграли большую роль в том, чтобы побудить Францию вступить в войну. Франция потерпела крах, но мы благодаря нашему островному положению оказались активными бойцами. Мы придаем большое значение причине, по которой вступили в войну. Я понимаю историческую разницу между нашей и русской точками зрения в отношении Польши. Но у нас Польше уделяется большое внимание, так как нападение на Польшу заставило нас предпринять нынешние усилия. Я также очень хорошо понимал положение России в начале войны, и, принимая во внимание нашу слабость в начале войны и тот факт, что Франция изменила данным ею гарантиям в Мюнхене, я понимаю, что советское правительство не могло рисковать тогда своей жизнью в этой борьбе. Но теперь другое положение, и я надеюсь, что если нас спросят, почему мы вступили в войну, мы ответим, что это случилось потому, что мы дали гарантию Польше. Я хочу прибегнуть к примеру о трех спичках, одна из которых представляет Германию, другая – Польшу, а третья – Советский Союз. Все эти три спички должны быть передвинуты на запад, чтобы разрешить одну из главных задач, стоящих перед союзниками, – обеспечение безопасности западных границ Советского Союза.

Хитро придумано. Обеспечить безопасность наших границ, а заодно усилить Польшу. Помню я, как они нас отблагодарят за это. Нет, Германия мне нужна целиком. ГДР была и будет самым верным нашим союзником. Польша же обойдется незначительными подачками. Хватит ей выхода к морю и возвращения земель в Белостокском выступе.

Отвечаю Черчиллю:

– Я должен сказать, что Советский Союз не меньше, а больше других держав заинтересован в хороших отношениях с Польшей, так как Польша является соседом СССР. Мы – за восстановление Польши. К тому же Польша действительно одна из самых пострадавших от нацистской оккупации стран. Но мы отделяем Польшу от эмигрантского польского правительства в Лондоне. Мы порвали отношения с этим правительством не из-за каких-либо наших капризов, а потому, что польское правительство присоединилось к Гитлеру в его клевете на Советский Союз. Все это было опубликовано в печати.

Показываю, доставая из портфеля, распространяемые аковцами антисоветские листовки, напоминая о поддержке ими немецкой провокации в Катыни. Рузвельт внимательно рассматривает и передает дальше. Черчилль, чувствуя отсутствие поддержки Рузвельта, сразу же отступает, утверждая, что хотел лишь обсудить новые границы Польши. Отвечаю, что восточные границы вполне определены и пройдут по линии Керзона. Тут же Черчилль и Иден встречаются с уточнениями по поводу южных и северных участков границ.

– Львов никогда не принадлежал России, – замечает в азарте спора Черчилль.

– Зато Варшава принадлежала, – парирую, улыбаясь в усы, я.

Аргумент действует безотказно, хотя за северную границу спорим еще несколько минут. Но тут я замечаю:

– Если Восточная Пруссия и принадлежала ранее Польше, то ее тогдашние правители сами отдали ее немцам. По Данцигу – я согласен, что город Гданьск должен входить в польские границы. Но Восточная Пруссия должна отойти Советскому Союзу как компенсация за потери при отражении немецкой агрессии. Вопрос Опельнской провинции требует тщательного изучения. Я полагаю, что может оказаться необходимым проведение плебисцита и учет предыдущего размежевания польско-германских земель.

На этом спор о Польше прекращается, это неопределенное решение устраивает всех, поэтому переключаемся на Контрольные Комиссии. Вопрос соотношения голосов обсуждаем долго, но в конце концов мне удается пробить мое предложение. Число голосов и председательство в комиссии будет зависеть от вклада в освобождение территории.

«Мы, Президент Соединенных Штатов, Премьер-Министр

Великобритании и Премьер Советского Союза, встречались в течение последних пяти дней в столице нашего союзника – Ирана и сформулировали и подтвердили нашу общую политику.

Мы выражаем нашу решимость в том, что наши страны будут работать совместно как во время войны, так и в последующее мирное время. [...]

Взаимопонимание, достигнутое нами здесь, гарантирует нам победу.

Что касается мирного времени, то мы уверены, что существующее между нами согласие обеспечит прочный мир. Мы полностью признаем высокую ответственность, лежащую на нас и на всех Объединенных нациях, за осуществление такого мира, который получит одобрение подавляющей массы народов земного шара и который устранил бедствия и ужасы войны на многие поколения.

Совместно с нашими дипломатическими советниками мы рассмотрели проблемы будущего. Мы будем стремиться к сотрудничеству и активному участию всех стран, больших и малых, народы которых сердцем и разумом посвятили себя, подобно нашим народам, задаче устранения тирании, рабства, угнетения и нетерпимости. Мы будем приветствовать их вступление в мировую семью демократических стран, когда они пожелают это сделать.

Закончив наши дружественные совещания, мы уверенно ждем того дня, когда все народы мира будут жить свободно, не подвергаясь действию тирании, и в соответствии со своими различными стремлениями и своей совестью.

Мы прибыли сюда с надеждой и решимостью. Мы уезжаем отсюда действительными друзьями по духу и цели.

РУЗВЕЛЬТ

СТАЛИН

ЧЕРЧИЛЛЬ

Подписано в Тегеране 19 июля 1943 года»³⁹.

12 января 1944 г.

Второй Белорусский фронт.

Командный пункт Пятой Общевоинской армии

На командном пункте Пятой армии, на который прибыл генерал Мельниченко, обстановка была, по всем признакам, не менее напряженной, чем на фронте. У стола в землянке сидел удрученный командарм-пять. Опытный, прошедший горнило войны генерал-полковник Крылов был почти в отчаянии. Молодой командующий фронтом генерал армии Черняховский молча ходил из угла в угол, словно меряя землянку шагами. Остальные присутствующие мрачно молчали.

Причина такого настроения, как узнал сразу после обмена приветствиями, Мельниченко, была весьма веской. Наступавшие войска остановлены сильным и хорошо организованным огнем противника. Не сумев противодействовать выходу советских войск на венгерскую равнину, немцы решили отыгаться, противопоставив нашему наступлению хорошо организованную оборону, усиленную истребительно-противотанковыми частями, вооруженными большим количеством восьмидесятивосьмимиллиметровых орудий. Хорошо организованный сильный огонь нанес большие потери войскам пятой армии и особенно частям двадцатого механизированного корпуса. Наши войска остановлены. Сроки наступления срываются, немцы получают возможность нанести фланговые удары. Черняховский, описав Мельниченко сложившуюся обстановку, сказал:

– В связи со сложившейся обстановкой я решил изменить первоначальный план и ввести ваши корпуса в бой сейчас через боевые порядки пятой армии.

– Товарищ командующий, разрешите представить свои соображения? – ответил Мельниченко. Черняховский, задумавшись на секунду, разрешил.

³⁹ Незначительно измененный реальный документ.

– По данным моего штаба, полученным от фронтовой разведки, противник начал отвод своих войск Дебреценской группировки против правого крыла девятой армии. Поэтому я считаю, что моей армии нецелесообразно наносить удар через боевые порядки пятой армии в лоб организованной противотанковой обороне. Вместо этого предлагаю с рубежа Секуени – Орадя – Леш нанести удар в северо-западном направлении к Тиссафюред. Отсюда можно будет нанести удар в тыл Ньидередхазско-Мишкольцской группировке, в обход укрепленного района.

Генерал Черняховский внимательно проследил по карте предлагаемый маневр, подумал. Такие изменения планов требовали согласования и увязки с действиями остальных сил фронта и одобрения Ставкой. Поэтому, принимая предложение Мельниченко, он сказал:

– Хорошо, товарищ Мельниченко. Ваш план я одобряю. Возвращайтесь в штаб, готовьте и отдавайте предварительные распоряжения и ждите моего приказа.

Мельниченко попрощался с присутствующими, и через десяток минут небольшая колонна направилась от штаба Пятой армии на восток.

Через несколько часов колонны механизированных войск, прикрытые с воздуха истребителями, потянулись по рокадным дорогам на юго-запад, в район предварительного развертывания.

В девять утра следующего дня на наблюдательном пункте девяносто первого стрелкового былолюдно. Кроме командования корпуса, на НП прибыли командующий механизированной армией и его люди, а также командир девятой армии Людников со свитой. В этот момент раздался звонок. К телефону вызвали командарма-семь.

– Готовы ли ваши части к наступлению? – спросил Черняховский.

– Так точно. Все готово, и в десять часов мы можем начать наступление.

– Сигнал «Гроза», – ответил Черняховский.

– Есть! – Мельниченко отошел от телефона и объявил: – Наступаем!

На фронт немецких и венгерских частей, не успевших еще как следует закопаться в землю, обрушился мощный огневой налет. Небольшой перерыв и повторный налет, переходящий в непосредственную поддержку атакующей пехоты.

Сразу взят стремительный темп. Минут через двадцать, обгоняя передовые части пехотинцев, в оборону врзаются головные танковые бригады мехкорпусов. Не ожидавшие столь мощного танкового удара немцы и венгры начинают поспешно отступать, бросая громоздкое вооружение и запасы. Попытавшийся удержать атаку танковый заслон – венгерская танковая бригада, вооруженная венгерскими же танками «Туран», немецкими «тройками» и «четверками», была разгромлена огнем танков, самоходных орудий и двух зенитных батарей.

На плечах бегущих передовые отряды врываются в Беретьоуфалу и Дерече. А за ними следуют танки основных сил, вместе с пехотой на бронетранспортерах и грузовиках, легкие и тяжелые самоходки, все это прикрывается от атак с воздуха истребителями и зенитками разных калибров. Все эти части, словно потоп, захлестывают отдельные очаги сопротивления, устремляясь вперед к Тиссафюреду...

«К началу 1944 года советские фронты, освободив территорию Советского Союза, приступили к освобождению от ига нацизма оккупированных стран Европы. Прибалтийский фронт, под командованием генерала Ватутина, поддерживаемый Балтийским флотом (адмирал Трибуц), приступил к освобождению северной части Польши и Дании. В центральной части Польши и частично в Чехии наступали войска 1-го Белорусского фронта (маршал Василевский). В Словакии и Венгрии наступал 2-й Белорусский фронт генерала Черняховского. 1-й Украинский фронт маршала Тимошенко, завершив освобождение Румынии, совместно с войсками ЮНА вел бои против югославской группы гитлеровских войск. 2-й Украинский (ген. Конев) приступил к освобождению Болгарии и Греции».

«Краткий очерк истории Второй мировой войны» под ред. полк.

1 февраля 1944 г. Москва. Кремль.

Кабинет т. Сталина.

Тов. Сталин

– Товарищ Поскребышев, вызванные товарищи на месте? Тогда пусть заходят.

Заходят, здороваются и рассаживаются. Я тем временем раскуриваю трубку. Привычка, пусть вредная, зато нервы успокаивает и сосредоточиться помогает. Расселись. Оглядываю всех по порядку: Ванникова, Молотова, Курчатова, Королева, Берга, Глушко, Капицу, Берию.

– Начнем, товарищи, с доклада наших ракетчиков. Докладывайте, товарищ Королев.

– ...Произведен успешный пуск ракеты Р-1 на дистанцию сто пятьдесят километров, по расчетам максимальная высота подъема составила около девяноста километров. Пуск на достижение максимальной высоты оказался неудачен. Сейчас идет доработка системы управления совместно с организацией товарища Берга. Разработка ракеты Р-2 задерживается из-за недопоставки нового двигателя товарищем Глушко...

– Товарища Глушко мы заслушаем после вас. Продолжайте, товарищ Королев.

Пока Королев рассказывает, слежу за реакцией остальных присутствующих, из которых об этих работах знали только Берия и Ванников. Остальные слушают с интересом. Только Курчатов вдруг задумался. Понял, для чего их собрали вместе? Оно и к лучшему, быстрее найдут взаимопонимание. Тогда по готовности Бомбы мы сразу сможем поставить ее на соответствующий ее характеристикам носитель. Что сразу меняет всю послевоенную ситуацию – мы сможем говорить с САСШ на равных, лишив их мнимых надежд на военное превосходство. Остается, конечно, еще мощная экономика. Но вот как она будет реагировать на отсутствие Бреттон-Вуда и на исключение из долларовой зоны основной части Европы и Азии? Не думаю, что такая ситуация американцам понравится. Зато она очень нравится мне.

– Хорошо, товарищ Королев. У кого есть вопросы?

С энтузиазмом обсуждаем перспективы внедрения новой техники. И как оружия, и как нового орудия проникновения в тайны природы. Капица реагирует... правильно. Не зря мы с Берией выбирали. Истину о Гостях знают всего пятеро человек из всего окружения. Я – шестой. Заслушиваем Глушко и рассматриваем, как помочь его конструкторскому бюро. Необходимо привлечь металлургов и расчетчиков из Специального Расчетного Центра. Спасибо Гостям, их наладонник сейчас – самое мощное вычислительное устройство на планете. Надеюсь, проработает еще хотя бы пару лет, пока мы свои вычислительные машины до ума доведем.

Переключаю всех на вопрос о создании супербомбы и использовании ее для оснащения дальнобойных ракет. Сначала все присутствующие ученые недоумевают, но после реплики Берии о том, что американцы планируют после окончания войны шантажировать нас возможностью применения супербомб с тяжелых бомбардировщиков и ракет, успокаиваются. Конечно, ведь Курчатов в курсе проекта «Манхеттен», ну, а остальные слышали о бомбардировках Лондона первыми самолетами-снарядами «Фау-1». Немалую роль имеет и умелая информация о замыслах англо-американцев. Тем более что при их свободе печати всегда можно найти открытый источник с такими словами, как у Трумэна, заявившего: «Если мы увидим, что побеждают немцы, то будем помогать русским, если будут побеждать русские, то нам следует помогать немцам. И пусть они убивают друг друга как можно больше...» Поэтому обсуждение нового оружия и возможности его производства и применения проходит по-деловому.

Совещание заканчивается, и все, кроме Берии и Капицы, покидают кабинет.

– Ну что, товарищи? Что у нас с «Припятью»? Решили проблему Гостей? Хотя бы теоретически?

– Товарищ Сталин, мы сформулировали теорию, которую, согласно сведениям, полученным от гостей, у них сформулировал Эверетт, – отвечает Капица. – Основной

проблемой современной квантовой теории, как известно, является противоречие между тем, как элементарные частицы ведут себя на микроскопическом уровне реальности, и их поведением в нашем макром мире, – смотрит на меня. Думаешь, я не понял? Понял, это Лаврентий сидит с непроницаемым видом – он-то точно квантовую физику не изучал так глубоко.

– Это вы о противоречии между уравнением Шредингера, описывающим волновую функцию микрочастиц как детерминированную, и результатом наблюдений за этой частицей, когда результат соответствует единственному набору характеристик, а не всей функции?

Ого, даже Лаврентий впечатлился. Я не слишком себя выдал? Хотя что-то на английском по квантовой механике у меня в библиотеке точно лежит.

– Да, в общем, вы правы, – чуть помедлив, отвечает Капица. – Из этого положения существует очень простой выход. Если признать, что реализуются все состояния функции, но мы их не наблюдаем просто потому, что существуем в том же кусочке, так называемом кванте, пространства, что и наблюдаемое нами состояние частицы. Такое предположение приводит к выводу о постоянном ветвлении миров на множество ветвей. Обсуждая выводы из этой теории, мы решили, что, возможно, не все образующиеся миры стабильны и некоторые через определенное количество квантов сливаются с исходным, породившим данное ответвление, миром. Из этого вытекает...

– Секретность? – спрашиваю, нахмурившись. Знаю я этих ученых, увлекутся и любые секреты выложат своему оппоненту.

– Все эти обсуждения рассматриваются всеми остальными моими сотрудниками как разработка гипотезы, позволяющей дать непротиворечивое объяснение указанным мною противоречиям квантовой физики. И не более того. Естественно, никаких намеков на то, что существует документально зафиксированное практическое подтверждение этой гипотезы, я не давал.

– Это правильно, товарищ Капица. Значит, теория у нас в первом приближении есть. Практических результатов мы от вас, естественно, не ждем, но попробуйте описать в первом приближении возможные последствия появления способа проникать в такие, назовем их параллельными, миры.

– Это вопрос скорее к фантастам, вроде Беляева или Уэллса. Но попробую...

3 мая 1944 г. Первый Белорусский фронт. Район г. Берлин. 18-й гвардейский иап ПВО.

Николай Козлов

Над Берлином барражируют, сменяя друг друга, четверки и восьмерки красnozвездных истребителей. Среди них и «иваны» восемнадцатого гвардейского. Командующий третьей воздушной армией и особенно его заместитель, Василий Сталин, пробили перевод результативной и успешной части для прикрытия Берлина с воздуха. Так что теперь Козлов служил под началом своего бывшего заместителя, выросшего до заместителя командарма.

Впрочем, кроме рутинных полетов и иногда стрельбы по наземным целям, истребителям над Берлином заняться нечем. Немецкие самолеты в этом районе не появляются уже несколько дней. Как часто повторяет Василий Сталин: «Лучшая ПВО – это наши танки на аэродромах противника». А эта своеобразная противовоздушная оборона действует во всю силу – передовые отряды механизированных армий уже подходят к западным границам Германии. Разрезанные на части, окруженные в котлах, остатки немецких армий еще сопротивляются, но уже всем ясно, что это агония.

Сегодня Николай Козлов тоже патрулирует в воздухе. В воздухе – только наши самолеты, внизу горит столица Германии. Дым временами поднимается почти до летящих на пяти тысячах самолетов. Окруженное «логово» обрабатывают всеми имеющимися средствами, от авиации до артиллерии. Теперь немцы на своей шкуре испытывают то, что раньше несли жителям других городов от Гетника и Варшавы до Ленинграда и Сталинграда.

Осматривая небо, Николай замечает эскадрилью тяжелых бомбардировщиков, летящую

в направлении к парку, в котором стоит одна из зенитных башен. Эти малоуязвимые, огрызающиеся огнем зениток сооружения давно находятся под особым вниманием авиаторов и артиллеристов. Но утыканные стволами от двадцати до ста двадцати восьми миллиметров бетонные сооружения не поддаются обычным бомбам и снарядам. Поэтому их сейчас и бомбят тяжелые «пешки», несущие двух- и пятитонные бомбы. Несколько раз немцы пытались перехватывать такие колонны взлетающими из подземных укрытий истребителями, поэтому Николай решает попробовать перекрыть этот район. Сообщив о смене зоны патрулирования, Николай вместе с ведомым летят параллельно курсу бомбардировщиков, стараясь не спугнуть немцев заранее.

Если немцы и атакуют наши бомбардировщики, то именно после бомбежки, потерявшие строй и получившие повреждения от зенитного огня. Хотя сейчас немцы стреляют из зениток в крайнем случае, обнаруженные позиции всю обрабатывает дальнобойная артиллерия и бомбардировщики. Артиллерии под Берлин подтянуто много, после Кенигсберга привезли всю артиллерию резерва Главного командования и даже железнодорожные установки. Вот и сейчас внизу несколько раз полыхнуло ружьем. Это рвутся снаряды. Пара Козлова уходит на запад, заодно набирая высоту. Получается своеобразная засада в воздухе.

Рассчитав время до конца бомбежки, Николай дает команду на разворот. Энергичным маневром пара выходит на курс возврата бомбардировщиков. Вот и они. Один точно поврежден – парит и отстает. Мишень – лучше не надо. Осматривая переднюю полусферу, Козлов замечает какой-то неясный отблеск на земле, совершенно непохожий на взрыв. Ведомый сообщает, что заметил то же самое, и тут же громким голосом, буквально крича, добавляет, что это ракетный самолет.

– Понял, – отвечает Николай. – Атакую! – и сваливает самолет в пике, стараясь угадать ту самую точку пересечения траекторий взлетающего перехватчика и собственного истребителя. Перегрузка вдавливают в кресло, самолет, кажется, сейчас затрещит и развалится в воздухе. Секунды тянутся, словно время вдруг замедлило свой бег. Успев заметить растущий в воздухе странный, похожий скорее на бабочку, силуэт с непривычно-ярким пламенеющим хвостом пламени сзади, Николай жмет на гашетку. Мимо проносятся трассеры, ведомый тоже решил поддержать атаку. Выходя из пике, Козлов тянет ручку на себя, и в этот миг самолет ощутимо вздрагивает в воздухе. Темнеет в глазах, но даже сквозь подступающую тьму он видит расплывающийся в задней полусфере шар огня. Немец сбит.

Набрав высоту, истребители переходят в горизонтальный полет и разворачиваются курсом на аэродром. Николай, связавшись с КП, передает замеченные координаты точки старта. Пусть обработают этот квадрат бомбами, мало ли какие сюрпризы могут там таиться.

4 мая 1944 г. Москва. Кремль.

Кабинет т. Сталина.

Тов. Сталин

– Товарищ Сталин, я считаю, что дальше откладывать штурм Берлина смысла не имеет. Мы уже уничтожили все, что можно уничтожить дальнобойным оружием. Население, которое смогло выйти из города, уже вышло. Остальное и не пытается, а чаще всего не выпускается немецкими властями. Отдельные попытки восстания среди армейских частей подавляются эсэсовцами. Пока Берлин держится, немецкие войска в котлах продолжают сопротивление, сковывая наши части и угрожая прорывами на запад. Очень им хочется от нас на западе спрятаться. Против нас действуют значительные силы, но я сомневаюсь, что немцам удастся сдержать наш удар. Только взятие Берлина решит все...

Каждый из присутствующих словно пробует это слово на вкус... «Берлин»... Слово имеет солоноватый привкус человеческой крови. Один из самых мощных фронтов – Первый Белорусский – стоит вокруг Берлина, словно охотник из анекдота, поймавший медведя. Дав два дня на выход гражданского населения из города, советские войска начали артиллерийский обстрел и воздушные бомбардировки города, готовясь к штурму. Прошло всего четверо суток, и Жуков уже требует начать наступление. Не обернется ли нетерпение

товарища Жукова дополнительными потерями? Или наоборот, уменьшит потери за счет более быстрой капитуляции немецких котлов? Жуков, недавно назначенный командующим вместо Василевского, отозванного в Москву и назначенного первым заместителем Наркома Обороны, говорит в своей обычной манере, напористо и агрессивно. И, следует признать, весьма убедительно. Я подхожу к карте и внимательно рассматриваю нанесенную на нее обстановку. Размышляю вслух:

– Подведем итоги, товарищи. Если мы возьмем Берлин, мы освободим войска Первого Белорусского фронта, которых нам не хватает для ликвидации оставшихся очагов сопротивления противника. Мы возьмем Берлин – и получим официальную капитуляцию Германии. Мы возьмем Берлин – и лишим противника моральной опоры сопротивления. Перевешивают ли преимущества взятия Берлина возможные потери при штурме? Есть мнение, что это так. Есть другие мнения?

Других мнений нет. Всем не терпится закончить эту войну как можно скорее. Действительно, «нам всем нужна одна победа, одна на всех, мы за ценой не постоим».

Но не стоит забывать, что война на взятии Берлина не заканчивается. Поэтому переходим к обсуждению планов остальных фронтов и наших разведывательно-контрразведывательных органов. Операция «Пайпер-клип» в советском варианте, названная без затей «Скрепкой», обдумана нами еще во время выхода к границам Германии. Теперь товарищи Берия и Абакумов докладывают о ее воплощении в жизнь. Заодно отчитываются по выловленным нацистским бонзам. Удивительно, но ЗДЕСЬ Кейтель, оказавшийся на юге Германии, сумел ускользнуть в Швейцарию. Спрятался от суда, готферан. Хотел отдать приказ о том, чтобы его выкрали, но передумал. Пусть поживет, зато мы сможем отследить каналы, по которым нацисты связываются с единомышленниками у наших союзников.

Наконец, все вопросы по Германии решены. Отпускаем всех, кто уже не нужен, и продолжаем совещание в узком составе. Надо думать о ближайшей перспективе – войне с Японией. Пакт мы денонсировали вчера, теперь обсудим план войны и переброски войск. Докладывает Антонов:

– Все сухопутные, воздушные и морские силы будут объединены под общим командованием – Главным командованием советских войск на Дальнем Востоке во главе с маршалом Советского Союза А.М. Василевским. Главнокомандующему подчиняются все три фронта, Тихоокеанский флот и Краснознаменная Амурская флотилия. Для координации действий сил флота на морском театре военных действий во Владивосток отправился адмирал флота Н.Г. Кузнецов. Действиями авиации будет руководить маршал авиации А.А. Новиков... Перегруппировка войск проводится в условиях строжайшей секретности. В настоящее время уже переброшена часть войск бывшего Карельского фронта... Наступление советских фронтов начнется на земле, в воздухе и на море одновременно...

– Это хорошо, товарищ Антонов. Есть мнение, что план следует принять. Товарищ Василевский? Товарищ Малиновский? Товарищ Пуркаев? Товарищ Горбатов? Все согласны? Отлично. Теперь, товарищ Василевский, полностью переключитесь на дальневосточные дела. Все предварительные наработки Генштаба надо свести к общему знаменателю. Сроков проведения кампании никому не называть, новых людей к разработке плана, по возможности, пока не привлекать. Время начала войны – один из наших ключевых секретов. Вы решили вопрос с начальником штаба Главного командования?

– И Захаров, и Курасов отказались.

– Есть другие кандидатуры?

– Есть – генерал-полковник Иванов. Его настоятельно рекомендует Толбухин.

– Хорошо, заберите Иванова и готовьтесь.

Поднимаюсь и подхожу к лежащей на соседнем столе карте. Надо еще раз напомнить всем, особенно Малиновскому, о трудностях.

– Войскам Забайкальского фронта предстоит решить сложные задачи по разгрому вражеской группировки на западной границе Маньчжурии. Меня беспокоит проблема прорыва наших танковых сил через горные перевалы Большого Хингана. Генштаб уверяет

меня, что использование в составе фронта 6-й гвардейской механизированной армии генерала Кравченко явится как раз наибольшим сюрпризом для японцев. Учтите это, товарищ Малиновский.

– Слушаюсь, товарищ Сталин. Сделаем все возможное.

– Сделайте, сделайте, товарищ Малиновский. Теперь от вас зависит очень многое, и, прежде всего, непосредственная подготовка войск, – отвечаю, затем разворачиваюсь и, глядя на сидящих военных, поясняю: – Мы собираемся в Берлин, на конференцию. Вопросы очень сложные: по разделению Германии, контрибуции, по новому порядку в Европе. Союзники, судя по всему, не рассчитывают разбить Японию в ближайшее время, будут втягивать нас в эту войну. Мы останемся верны нашим обязательствам, вступим в войну, но провести ее должны решительно, в самые короткие сроки, победоносно. Мир должен понять, что без Советского Союза закончить Вторую мировую войну невозможно...

7 мая 1944 г. Берлин

По проспекту, вернее, по тому, что им когда-то было, а сейчас мешанине из завалов кирпича и камня, разбитых остатков машин, сгоревших танков, подбитых орудий, трупов, окруженных островами того, что некогда было многоэтажными домами, осторожно продвигалась штурмовая группа. Впереди, пробираясь через завалы и настороженно осматривая каждую щель, в которой могла укрываться огневая точка, шли разведчики. В пятнистых комбинезонах необычного, сероватого с кирпичными и темно-серыми пятнами окраса, они почти сливались с развалинами. Двигались разведчики неторопливо, перебежками, тщательно страхуя друг друга. Поэтому открывший огонь из подвала пулемет сумел лишь ранить одного из идущих впереди. К упавшему товарищу попытался подобраться поближе один из разведчиков, но неожиданно защелкали выстрелы из другого подвала, и он упал. Причем упал, неестественно вытянувшись и не шевелясь.

– Ах ты, сука, – упавший неподалеку от подвала разведчик дал очередь по замеченным бойницам, заставив стрелков замолчать. Тут же рядом с ним взлетела огненная крошка – еще один пулемет, до того молчавший, открыл огонь.

Выстрелы заглушил грохот, это появился вернувшийся из-за развалин танк с бульдозерным отвалом. Он остановился и повел стволом. Но не выстрелил – разведчики оказались слишком близко к огненным точкам, разрыв снаряда мог с одинаковым успехом уничтожить и немцев, и русских.

Но немцы не успели ни порадоваться за удачно выбранный момент открытия огня, ни выстрелить по стоящей бронированной мишени. Впрочем, танк был хорошо прикрыт бульдозерным отвалом, перед которым к тому же набралась неплохая горка из обломков кирпичей, так что попытка его обстрела скорее всего закончилась бы ничем. Только это уже не играло никакой роли. Разведчики и появившаяся из-за танка пехота открыла огонь по демаскировавшим себя немцам. Пока очереди автоматов и винтовочный огонь не давали им вести прицельный огонь, два расчета «Петруш» быстро установили на подходящих площадках свои дуствольные установки и, прицелившись, дали залп, за ним второй. Поднявшееся облако пыли и дыма на несколько секунд заволочло улицу. Одновременно выстрелил и танк, не по подвалу, а по уцелевшему первому этажу здания. Снаряд разорвался где-то внутри, развалив часть стены.

Воспользовавшись моментом, к разведчикам пробрались несколько человек с небольшими, слегка похожими на ручные пулеметы с утолщенными стволами сошками, огнеметами. Едва опала пыль, как во все подозрительные места с характерным ширканием полетели струи пламени. Одно из попаданий оказалось очень удачным, с диким воем на открытое место выскочили двое в горящем обмундировании. Сухо щелкнуло несколько выстрелов, и немцы упали. Ветер донес до танка и стоящих рядом с ними пехотинцев сладковато-приторный запах горелого мяса.

– Онищенко, проверить подвалы! Смирнов – прошнурй первый этаж! – появившийся из-за танка майор внимательно осмотрел окрестности, слегка морщась от неприятного запаха.

– Товарищ майор! В подвале какой-то ход!

– Так. Сергеев, возьми трех разведчиков, огнеметчика и проверьте, что там. Присоединитесь к эшелону зачистки, а мы – вперед. До рейхсканцелярии, говорят, полквартала осталось, надо туда побыстрее попасть, а то Гитлера без нас захватят, – под улыбки бойцов скомандовал майор.

Еще раз осмотревшись, он с помощью пары солдат взобрался на танк, о чем-то переговорил с появившимся из командирского люка танкистом и спрыгнул на землю, стараясь не попасть ногами на валяющиеся обломки. Не успел он отойти от танка, как выскочивший из подвала разведчик закричал:

– Товарищ мойор! Мы тут кого-то поймали! Гиббельс, кажись!

– Что? – майор быстро развернулся и в сопровождении сразу трех автоматчиков пошел к кричавшему. – Какой к черту Гиббельс, Саргаев? Деревенщина ты поволжская. Геббельс, что ли?

– Кажись, так, товарищ мойор. Сержант Сергеев его сюда сичас ведет, а я бегом доложить...

– Подождем Сергеева, – майор достал из кармана пачку папирос, угостил всех и закурил первым. Не успел он сделать несколько затяжек, как из подвала, подталкиваемые в спину автоматами разведчиков, выбрались несколько немцев, в нелепо сидящих на них платьях, с поднятыми руками.

– Ну и что за клоунов ты поймал? Геббельса тут точно нет, он же маленького роста, – спрашивает, брезгливо оглядев пленных, майор.

– Товарищ майор, вот этот что-то все «Геббельс», «Геббельс» говорил, – ответил сержант, показав на одного, самого испуганного. – Заливался что-то, как соловей. И бумаги при нем были в кожаном портфельчике. Солидном таком, – один из разведчиков передал майору портфель.

– Это в штаб, наверное. Хотя сейчас документов вокруг столько валяется, что и не поймешь, какие нужны, – проворчал майор и неожиданно, заставив пленных вздрогнуть, крикнул: – Глеймана ко мне!

Через минуту к группе подбежал молодой солдат со снайперской винтовкой.

– Ну-ка, Петр, узнай, что за сволочь нам досталась, – скомандовал майор, указывая на пленных, – да дальше пойдем. Время только теряем непонятно на что.

Немецким подошедший владел свободно, хотя и говорил с акцентом, не всегда понятным пленным. Но допросу это не помешало.

– Двое, что слева, эсэсовцы. Из охраны самого Гитлера. Правый – из ведомства Геббельса. Какой-то режиссер, Шнапп фамилия. А вот тот, молчаливый, самый интересный. Уверяет, что его фамилия Майер, причем ни солдаты, ни режиссер этого не подтверждают и не отрицают. Боятся его, похоже.

– Посмотрим, – майор достал из планшета несколько крупных фото и внимательно их посмотрел. – А не кажется ли вам, что... – договорить он не успел. Молчаливый что-то крикнул, солдаты перехватили оружие, готовые в любой момент открыть огонь.

– Что он кричал? – спросил Глеймана майор.

– Требуется соблюдения конвенции об обращении с пленными.

– Знаток, значит. Требуется, значит, – внезапно разъярился майор. – Как наших в лагерях голодом морить и расстреливать... А отведите-ка их в ту сторону... – майор показал на ближайшую сохранившуюся стенку. Подталкивая прикладами и пинками, пленных начали выстраивать у стены, когда молчаливый не выдержал и быстро-быстро заорал, спеша что-то рассказать.

– Ну и чего он орет?

– Кричит, что Борман и что мы не имеем права расстреливать без суда.

– Борман? – майор еще раз посмотрел фото, пока молчаливые разведчики держали под прицелом стоящих у стены пленных. – Похож. Повезло вам, гады. Если бы не приказ, всех бы тут положили, – сказал майор, приказав крепче привязать пленных к танку и следить во

все глаза, чтоб никуда не делись.

– Вези в штаб, он вроде в четырнадцатом квадрате должен быть, – приказал майор командиру танка и тут же удивленно оглянулся. – Мне кажется, или действительно тишина?

– Ребята! – высунувшийся по пояс из люка радист выглядел... ошарашенным.

– Парни! Приказано прекратить огонь! Немцы сдаются!

– Кончилось? – удивленно спросил майор, спрыгивая с танка. – Да, кончилось, – добавил он и крикнул: – А ну тихо. Ничего пока не известно. Занять оборону, бдительность не терять. А ты пленных вези! – и, осмотревшись вокруг, с удивлением добавил. – Война закончилась...

«В ночь с 8 на 9 мая 1944 г. в пригороде Берлина Карлсхорсте представителем Советских Вооруженных Сил, заместителем Наркома Оборона, маршалом Жуковым, представителями верховного командования союзников: заместителем Верховного Командующего Д. Эйзенхауэра, британским главным маршалом авиации А. Теддером, представителем американских вооруженных сил генералом К. Спаатсом, представителем французских вооруженных сил генералом Ж. де Латтром де Тассиньи, с одной стороны, и представителями германского командования генерал-полковником А. Йодлем, адмиралом флота Г. Фриденбургом, генерал-полковником авиации Г. Штумпфом, с другой, подписан Акт о безоговорочной капитуляции германских вооруженных сил...»

Сообщение ТАСС от 9.05.1944 г.

9 мая 1944 г. Берлин. Кенигсплац.

Николай Козлов

«Козлик» командира авиаполка, подсакивая на камнях и переваливая через воронки, пробирался по разрушенному городу. Вернее было бы сказать, по тому месту, где раньше был город. Всюду глаз натыкался на развалины, мало напоминающие дома, и груды камней, завалившие то, что раньше было улицами, среди которых стояли подбитые и сгоревшие танки, разбитые орудия, валялись еще не убранные трупы в мышиного цвета мундирах, а чаще – просто в гражданском, с повязками на руках.

– Останки войны, – попросив остановить машину и щелкая лейкой, заметил один из пассажиров. – Что, не часто приходилось видеть? – спросил он сидящего на переднем сиденье полковника авиации со Звездой Героя на кителе, с недовольным лицом рассматривающего, как с десятков пленных немцев под охраной двух автоматчиков собирают и грузят трупы на машину.

– В основном сверху, – невесело отшутился Николай. – Нам, летчикам, проще – сбил, и противника не видно – упал на землю.

– Что вполне понятно, – корреспондент «Красной Звезды» Василий Субботин предпочитал оставлять последнее слово за собой.

Машина стронулась с места, неторопливо объезжая сразу три подбитых «Ягуара», один из которых до сих пор слегка дымил. Судя по стоящей среди развалин подбитой «тридцатьчетверке», бой был ожесточенный. Сидящие в машине молча проводили взглядом еще одну «тридцатьчетверку», в которой взорвался боекомплект.

Наконец, миновав еще несколько груд камня и кирпича, машина вырвалась на просторную площадь, с притягивающими взор развалинами здания, увенчанного остатками купола. На куполе и уцелевшей кое-где крыше стояли десятки больших и малых красных знамен, развевающихся на ветру.

«Козлик» остановился, и все, включая получившего разрешения командира шофера, вышли. Оглядевшись, Козлов заметил, что перед развалинами, создавая как бы коридор для прохода, стоят несколько тяжелых танков. Среди них выделялся массивной высокой башней старый, редко встречающийся в войсках KB-2. Его башню украшала большая, видимая издали, надпись «Дошли!». Он, как и стоящий рядом ИС, служили постаментами для бойцов, стремящихся сфотографироваться на броне на фоне здания.

– Рейхстаг, – констатировал очевидное Василий, несколько раз щелкнув общую панораму, а потом привлёкшие его внимание старинные, словно сошедшие со страниц книги об Империалистической войне, ромбовидные танки и какой-то странный, неуклюжий, похожий больше на игрушку, броневик. Поговорив, все решили сначала сфотографироваться на фоне подбитой техники.

– Смотри, какое старье вытащили, – отметил Николай. – «Рикардо». У меня дядя на таких в двадцатых служил. Совсем нацистам нечем драться было, всю заваль повытаскивали из арсеналов.

– Что понятно, тряханули мы их крепко. Что и видно, – ответил Субботин, фотографируя Козлова, стоящего на фоне ромбовидной машины. – Помню, под Вязмой у нас в дивизии народного ополчения тоже старинные пушки на вооружении были...

– А нам позвольте присоединиться? – спросил подошедший танкист в комбинезоне с погонами полковника, улыбаясь. – Когда еще на фоне такого раритета сфотографироваться придется. Разрешите представиться – полковник Иванов, – продолжил он, протягивая руку Козлову. – Вы еще не расписались на стенах?

– Нет, – пожимая руку и представляясь, ответил Козлов. Представившись друг другу и сфотографировавшись вместе, компания, предводительствуемая Ивановым, подошла к остаткам стены, казалось, сплошь исписанным разнообразными надписями. Стоящий у стены пожилой, усатый боец с неизвестно где добытым ведерком краски и кисточкой охотно разрешил воспользоваться ими.

Подойдя к стене, Николай обнаружил небольшой чистый участок под надписью, выведенной краской аккуратными буквами: «Дошли до логова! Иванов, Мельниченко, Бридман, Рогальчук...». Бросались в глаза начерченные углем надписи: «Развалинами рейхстага удовлетворен. Лисов» и «Почему в главной нацистской конторе такой беспорядок? Старшина Сандул».

Стараясь не накапать на форму и аккуратно выводить буквы, Николай написал немного ниже: «На развалинах рейхстага от имени 18-го гвардейского иап. Козлов, Коротин и другие». Корреспондент ходил вокруг, выбирая наивыгоднейший ракурс и щелкая фотоаппаратом.

– Закончили? – спросил отходивший куда-то и вернувшийся в сопровождении сержанта, несущего бутылку французского коньяка и несколько стаканов, Иванов. – Ну что, авиация и пресса, выпьем за Победу?

– Что тут говорить, конечно, наливай, – ответил Субботин. Едва все успели взять свои стаканы, как внезапно из рупора неподалеку агитационной машины загудело, заставив всех вздрогнуть, и чей-то голос произнес: – Слушайте выступление товарища Сталина!

На площади установилась тишина, и в этой тишине над людьми разнеслось: «Товарищи! Соотечественники и соотечественницы! Наступил великий день Победы над Германией. Фашистская Германия, поставленная на колени Красной Армией и войсками наших союзников, признала себя побежденной и объявила безоговорочную капитуляцию».

Зная волчью повадку немецких заправил, считающих договора и соглашения пустой бумажкой, мы не имеем основания верить им на слово. Однако сегодня с утра немецкие войска во исполнение акта капитуляции стали в массовом порядке складывать оружие и сдаваться в плен нашим войскам. Это уже не пустая бумажка. Это – действительная капитуляция вооруженных сил Германии. Правда, одна группа немецких войск в районе Голландии все еще уклоняется от капитуляции. Но я надеюсь, что Красной Армии удастся привести ее в чувство.

Теперь мы можем с полным основанием заявить, что наступил исторический день окончательного разгрома Германии, день великой Победы нашего народа над германским империализмом. Великие жертвы, принесенные нами во имя свободы и независимости нашей Родины, неисчислимые лишения и страдания, пережитые нашим народом в ходе войны, напряженный труд в тылу и на фронте, отданный на алтарь Отечества, не прошли даром и увенчались полной победой над врагом. Вековая борьба славянских народов за свое

существование и свою независимость окончилась победой над немецкими захватчиками и немецкой тиранией. Отныне над Европой будет развеяться великое знамя свободы народов и мира между народами.

Три года назад Гитлер всенародно заявил, что в его задачи входит расчленение Советского Союза и отрыв от него Кавказа, Украины, Белоруссии, Прибалтики и других областей. Он прямо заявил: «Мы уничтожим Россию, чтобы она больше никогда не смогла подняться». Это было три года назад. Но сумасбродным идеям Гитлера не суждено было сбыться – ход войны развеял их в прах. На деле получилось нечто прямо противоположное тому, о чем бредили гитлеровцы. Германия разбита наголову. Германские войска капитулируют. Советский Союз торжествует Победу, хотя он и не собирается ни расчленять, ни уничтожать Германию.

Слава нашей героической Красной Армии, отстоявшей независимость нашей Родины и завоевавшей победу над врагом! Слава нашему великому народу, народу-победителю! Вечная слава героям, павшим в боях с врагом и отдавшим свою жизнь за свободу и счастье нашего народа!

Товарищи! Великая Отечественная война завершилась нашей полной Победой. Период войны в Европе кончился. Начался период мирного развития.

С Победой вас, мои дорогие соотечественники и соотечественницы!»⁴⁰
– За Победу! За Сталина! – выкрикнул Иванов, поднимая стакан...

«После разгрома и капитуляции гитлеровской Германии Япония оказалась единственной великой державой, которая все еще стоит за продолжение войны. [...]

Учитывая отказ Японии капитулировать, союзники обратились к Советскому правительству с предложением включиться в войну против японской агрессии и тем самым сократить сроки окончания войны, сократить количество жертв и содействовать скорейшему восстановлению всеобщего мира.

Верное своему союзническому долгу, Советское правительство приняло предложение союзников и присоединилось к заявлению союзных держав от 26 июля 1943 года. [...]

Ввиду изложенного Советское правительство заявляет, что с завтрашнего дня, то есть с 30 июня, Советский Союз будет считать себя в состоянии войны с Японией».

Заявление Советского правительства от 29 июня 1944⁴¹.

30 июня – 3 августа 1944 г.

Монголия и Маньчжурия

Настало раннее утро, когда огромный палаточный лагерь, выросший вокруг станции Чойбалсан, проснулся от громких команд и рева заводимых моторов. Механик-водитель танка «Т-34М» ефрейтор Тименский проснулся одним из первых. Опытный боец, а в экипаже комбата-один капитана Малешкина других не было, сразу понял: «Началось». Быстро подхватив снаряжение, он бегом выскочил из палатки и побежал к танку. «Т-34», словно чувствуя важность момента, завелся, как говорится, «с полпинка». Когда остальные члены экипажа, свернув палатку, подбежали к танку, машина была готова к походу.

Построенные в несколько колонн мехчасти стронулись с места, и танки, самоходные орудия, бронетранспортеры, колесные машины устремились по бездорожью на восток. Шестая гвардейская механизированная армия начала новый боевой путь по пустынной степи, по безводным пескам, затем, по мере приближения к горам, по щебенчатому грунту

⁴⁰ Несколько измененное реальное обращение И.В. Сталина от 9.05. 1945 г.

⁴¹ Сокращенный реальный документ с измененными датами.

сквозь непроглядные тучи пыли к крутым и скалистым отрогам Большого Хингана. Проведенная заранее авиационная разведка донесла, что противника там нет. Японцы считали, что эти неприступные горы невозможно преодолеть никаким войскам, а поэтому и не собиралось всерьез обороняться здесь. Именно поэтому наше командование и выбрало для шестой механизированной это направление. Колонны закаленных в боях ветеранов боев с гитлеровскими войсками должны были неожиданно для противника выйти в тыл основных оборонительных рубежей Квантунской армии.

Колонны шли, поднимая пыль. В накаленных солнцем танках, бронетранспортерах, кабинах грузовиков душно, все металлические детали, особенно броня, обжигали, как раскаленная сковорода. Вода в бочках и флягах моментально нагревалась и нисколько не утоляла жажды. Врачи то и дело отправляют получивших солнечный удар солдат и офицеров в полевой госпиталь.

Тимкеев радовался, что его танк шел первым в колонне. Шедшим за ним приходилось намного хуже. Люки не закроешь из-за жары, а впереди идущие танки поднимают такую пыль, что дышать приходится через тряпку. Иначе через несколько минут и нос и рот забиваются сплошной пылевой пробкой.

В одной из колонн, в небольшом штабном бронетранспортере на базе БА-64 ехали, страдая вместе со всеми от жары, представитель Ставки при армии полковник Иванов и командующий армией.

– Что планируете делать, товарищ командующий? – обратился Иванов к генералу Кравченко.

– Вы же видите, жара и тучи пыли оказались коварным противником, не менее страшным, чем немецкие противотанкисты. Предполагаю в полуденную жару останавливаться на дневку, – ответил командующий.

– Да, я хотел предложить такое же решение. Иначе мы рискуем до гор вообще не добраться.

К перевалам Большого Хингана танки генерала Кравченко подошли на рассвете. Первым стал преодолевать горный подъем по одному маршруту Пятый гвардейский механизированный корпус. А самым первым шел танк комбата-один.

Потребовалось целых семь часов, чтобы сотни танков со скоростью пешехода поднялись на перевал. Там воины получили возможность немного отдохнуть и насладиться долгожданной прохладой, а потом привести в порядок боевую технику и подготовиться к спуску с гор. Спуск на Центральную Маньчжурскую равнину оказался более коварным, чем подъем на перевал. На крутых участках танки и колесные машины спускались на тросах, осторожно, медленно и небезопасно. Рядом зияли глубокие расщелины. Малейшая оплошность – и нет танка. Но это не остановило отважных воинов.

– Не ожидали японцы, что мы здесь окажемся, – рассматривая захваченных на перевале пленных, японский пост из полдюжины солдат, заметил Иванов, – забыли Суворова и его присловье: «Где зверь пройдет, там и русский солдат пройдет»

– А где солдат пройдет, там и танк проползет, – рассмеявшись, заметил стоящий рядом комбриг мотострелков, полковник Ершов.

– Правильно, вот мы и прошли, – ответил Иванов, усмехнувшись.

Преодолев Хинганский хребет сквозь горные теснины, советские войска словно потоп растекались по Маньчжурской равнине. И одним из первых шел танк командира батальона, ведомый механиком водителем Тименским. Положение японских войск стало незавидным: телефонная и радиосвязь нарушена, авиация разбита, тылы под ударом советских танков и мотострелков...

Командование Квантунской армии лишилось возможности маневрировать резервами. Ответные действия японских гарнизонов были слабыми и неорганизованными. Противник еще пытался, но уже не мог задержать продвижение советских войск...

8 августа 1944 г. Монголия, Тамцак-Булак. Маньчжоу-Го, г. Мукден ⁴²

Машина подъехала к землянке штаба фронта, и из нее вышел заместитель командующего фронтом Александр Притула. У расстеленной карты его уже ждали Р.Я. Малиновский, командующий Забайкальским фронтом, начальник штаба генерал Захаров, командующие воздушной и танковой армиями. Едва Притула подошел к карте, генерал армии перешел к делу:

– Верховный Главнокомандующий требует от фронта решительных действий. Политическую и стратегическую обстановку как заместитель начальника штаба фронта вы знаете. Через час вы должны принять командование авиадесантом и лететь на Мукден. По нашим данным, там находится штаб Третьего японского фронта, там же сейчас император Маньчжоу-Го Пу-И. Ваша задача – захватить важнейшие объекты Мукдена, вынудить японское командование издать войскам приказ о полной и безоговорочной капитуляции, найти императора. Подробные инструкции позже. Ясно?

– Так точно. Ясно.

– Операция серьезная, Дорофеич, теперь ты особоуполномоченный фронта и Советского правительства в Мукдене, там стотысячная группировка противника, но там и мирное население, которое ждет нашего прихода, там лагеря военнопленных, там посольские миссии. Словом, ты отвечаешь за каждый свой шаг. Действуй!

Начинало светать, когда на аэродроме собрался десантный отряд – батальон десантников во главе с майором Макаровым, опытным, прошедшим всю войну командиром, ждал только команды для погрузки на самолеты. Полковник Притула, сопровождаемый комбатом Макаровым, вместе с командующим 12-й воздушной армией Худяковым, чьи летные подразделения должны были сыграть важнейшую роль во всей операции, обошли строй десантников. Внимательно проверили оружие, боекомплект, обмундирование каждого, с особой скрупулезностью осмотрев парашюты. По замыслу, десант должен был сесть на северный аэродром Мукдена, но обстоятельства могли сложиться и так, что пришлось бы спускаться на парашютах. Через некоторое время армада из нескольких десятков самолетов поднялась в воздух и пошла к Мукдену. Транспортные машины со всех сторон прикрывали истребители, штурмовики, бомбардировщики.

Это было не просто сопровождение, обстановка могла потребовать самых решительных мер, поэтому на бомбардировщики подвешивали максимальную бомбовую нагрузку, истребители вели опытные, испытанные на фронте летчики. Они должны вступить в дело – нанести сокрушительный удар по важнейшим военно-промышленным центрам Мукдена в случае, если японцы откажутся подписать приказ о капитуляции или пойдут на военную провокацию.

До Мукдена летели без происшествий, если не считать встречи с несколькими японскими истребителями, которые, впрочем, тут же убрались с пути, стоило советским истребителям пойти к ним на сближение. Не снижая скорости, краснозвездная армада пролетела над затянутым голубой дымкой Мукденом и, развернувшись, пошла на посадку. С воздуха было отлично видно, как засуетились возле зениток японские артиллеристы, как поползли дымовые завесы над позициями, занимаемыми войсками. В голове десантников бился один-единственный вопрос: откроют стрельбу или нет? Если откроют, то придется брать город с боем. Но то ли появление советского десанта было слишком внезапным, то ли батареи, взяв самолеты в прицел, испугались ответного удара. Первыми коснулись посадочных полос два истребителя и прокатились по ним до самого конца, проверяя, не заминирован ли аэродром. Следом сел флагманский самолет, а за ним – остальные машины с десантниками.

Дальнейшие события развивались с такой быстротой, что рассказ о них займет больше времени, чем они сами. Высадившиеся десантники оцепили аэродром и, сломив слабое

⁴² Используются подлинные воспоминания А. Притулы.

сопротивление не ожидавшей нападения охраны, обезоружили ее и загнали в ангары. Несколько выстрелов, которые успели сделать офицеры аэродромного обслуживания и японские летчики, не повлияли на ход операции. Десантники, вооруженные автоматами и ручными пулеметами, действовали потрясюще быстро и бесстрашно. Через несколько минут у ворот, дверей, шлагбаумов уже стояли советские охранники. Вырваться удалось лишь четверым летчикам, находившимся вблизи от своих самолетов. Когда десантники окружали аэродром, они успели вскочить в кабины и, разогнав машины, поднялись в воздух. Потом, словно сговорившись, их истребители упали в пике и пошли вниз. Четыре взрыва раздалась почти одновременно.

Не теряя ни секунды времени, группы десантников во главе с офицерами, выгрузив тяжелое оружие, устремились к зданиям радиостанции, телеграфа, городского управления, военного арсенала, железнодорожной станции. Взяв с собой несколько бойцов и переводчика, Притула бросился к зданию аэропорта. Им навстречу вышел дородный, седой человек в форме японского военнослужащего. Увидев бегущих солдат с оружием, он поднял руки и заговорил на чистом русском языке:

– Господин генерал, я русский эмигрант, ныне начальник охраны аэродрома. Имею вам сообщить, что в правительственном павильоне находится император Пу-И со своей свитой.

Александр приказал ему опустить руки и вести туда, где скрывался Пу-И. По дороге русский «патриот» рассказал:

– Японское правительство потребовало от императора вылететь в Токио из Чанчуня, где он находился. Но в Чанчуне не оказалось нужного самолета, император перебрался в Мукден и ждал, пока его хозяева подготовят специальную машину для эвакуации. – Группа десантников поднялась по лестнице в правительственный салон. Внезапно оттуда вышел невысокий худощавый генерал. Как ни в чем не бывало он торопливо шел мимо, сделав вид, что не видит русских десантников. Притула остановил его:

– Генерал, аэродром занят советскими войсками, выход отсюда только с моего разрешения.

Японец остановился и представился:

– Командующий 3-м фронтом, генерал армии Усироку Дзюн. С кем имею честь?

Полковник Притула назвал себя и попросил следовать за бойцами. Генерал сделал вид, будто плохо понимает по-русски. Русский эмигрант шепнул, что командующий притворяется, русским он владеет свободно.

– Разрешите мне связаться со штабом? – сказал японец по-русски, поняв, что игра не удалась.

– Через несколько минут и в моем присутствии, – ответил Притула.

– Хорошо.

Десантники распахнули двери правительственного салона и вошли в светлый, просторный зал, уставленный мягкими креслами, диванами, столиками. На стойке вдоль стены – стаканы с соком, виски, пивом. Человек двадцать встали со своих мест и испуганно разглядывали вошедших. Пу-И, которого десантники опознали по фотографии, продолжал сидеть. Наконец, поставив недопитый стакан на столик, поднялся и он. Автоматчики тем временем заблокировали окна и двери. Александр вышел на середину зала.

– От имени Советского правительства предлагаю вам капитулировать, – Пу-И, услышав, отвернулся к стене, – прошу сдать оружие.

Министры Маньчжоу-Го по очереди подходили к столу и складывали пистолеты. Пу-И, немного подумав, подошел к дивану, откинул подушку, достал небольшой с инкрустированной рукояткой пистолет и, подержав на ладони, бросил его в кучу остального оружия.

Задерживаться долго в аэропорту не имело смысла, предстояло главное – заставить командующего японским фронтом подписать приказ о капитуляции. Генерал Усироку позвонил в штаб и предупредил о том, что сейчас приедет с представителем русского командования. Оставив охрану у дверей правительственного салона, Притула с группой

десантников собрался ехать в штаб фронта. Перед этим Александр поднялся на диспетчерскую вышку, где развернул командный пункт майор Макаров, и связался по радиис с командующим. Малиновский дал «добро» и еще раз напомнил о возможных провокациях. Закончил он переговоры словами:

– На всякий случай держите в воздухе авиацию. Наши танки идут на Мукден.

12 августа 1944 г. г. Порт-Артур ⁴³.

Тов. Сталин

Самолет разворачивается над морем и заходит на посадочный курс. Стюард предупреждает о необходимости пристегнуть ремни. Хочется посмотреть в иллюминатор, но я пересиливаю себя. Сейчас сядем, и я все увижу. Самолет садится мягко, практически незаметно. Еще бы, у моего шеф-пилота налет такой, что и Голованов завидует.

Наконец выруливаем на отведенную стоянку, стюард открывает дверь. Спускаемся по трапу. Первым я, за мной Василевский, потом Малиновский и после него Власик. Нас встречают Горбатов и комендант гарнизона Ляодунского полуострова генерал Людников, командовавший до этого тридцать девятой армией.

Садимся в автомобили и едем мимо Дальнего, на окраине которого расположен аэродром, прямо в Порт-Артур. Вдоль дороги привычно замечаю посты охраны, а сопровождают нас мотоциклисты из кремлевского полка. Власик, при всей его вороватости, молодец, идею подхватил на лету, и теперь моторизованный почетный эскорт – неперенный атрибут моих поездок.

Наконец впереди он, город русской славы и русского позора. Что же, как недавно написал мне совершенно обалдевший от всего происходящего Черчилль: «Коммунистическая партия – лучшая замена морской мощи». Еще бы, нам все же удалось не только разбить Квантунскую армию, вернуть Южный Сахалин и Курилы, но и высадить десант на Хоккайдо, и теперь во многих городах Японии стоят смешанные советско-американо-английские комендатуры. Нет, с Рузвельтом все же можно иметь дело, только надо внимательно следить за всеми его действиями и не давать себя провести показным дружелюбием. Все же у него свои интересы, а у нас свои.

Подъехали к вокзалу. Делаю знак остановиться, выхожу из машины, оглядываюсь. Перед нами в синеватой дымке открывается панорама Порт-Артура, и я, да и все со мной прибывшие, взволнованно всматриваемся в ее контуры. Рядом стоящий Малиновский тихо, но отчетливо произносит:

– Здравствуй, Порт-Артур.

Я, оглянувшись, спрашиваю, кто возьмет на себя смелость дать пояснения к панораме местности. Самым смелым оказывается полковник Иванов. Сразу видно, «Припять». Начинает он бойко, показывает, где гора Золотая, но отыскать Электрический утес не смог, сбился и смущенно замолчал. Улыбаясь в усы, прошу разъяснить, что именно мы видим, Василевского и Людникова.

Указав на гору слева с маяком на вершине, Василевский уверенно называет ее Перепелиной. Возражений не последовало, а генерал Людников подсказывает, что внизу около этой горы стоит дворец Алексеева. – Дальше за Перепелиной, – продолжает Людников, – старый Порт-Артур. А перед нами гора Золотая, мы ее уже отыскивали...

Малиновский вспоминает, что где-то неподалеку от нее должен быть и Электрический утес. Людников подтверждает его догадку, уточнив, что Электрический утес много ниже горы и с этой точки, где мы стоим, увидеть его нельзя. Потом он указал на гору Тигровую, западную бухту, часть Нового города. Постояв еще немного и полюбовавшись видами города, садимся в машину и едем дальше. Интересно, сравнивая с прочитанным у Степанова, все больше убеждаюсь, что город мало изменился. Даже беглого знакомства достаточно,

⁴³ Написано на основе реальных воспоминаний генералов, посетивших в 1945 году Порт-Артур, и реальных речей И.В. Сталина.

чтобы оценить исключительно выгодное географическое расположение Порт-Артура. И отказываться от него я считаю полной глупостью.

– Горой Перепелиной Порт-Артур четко разделен на две части: Старый город и Новый город. Еще резче город делился по укладу жизни. В Старом городе ютилось только китайское население, тут были лишь три начальные школы. В Новом же городе промышленных предприятий не было, зато действовали два учительских института – мужской и женский, политехнический институт. Все это только для японцев, как и две средние школы и театр, размещавшийся в здании бывшего русского офицерского собрания. Была, правда, и смешанная средняя школа, куда допускали детей богатых китайцев. Словом, обычные колониальные порядки, которые при нашем участии должны будут навсегда исчезнуть, – рассказывает сидящий в моей машине Людников.

Долго едем по улицам, заполненным толпами местных жителей, стоящих по обеим сторонам с красными флажками. Много среди них исхудавших, в ветхой одежде китайцев. Кто-то поднял транспарант: «Война войне!», а еще я успел заметить много плакатов со словами благодарности советскому воину за освобождение от гнета японских поработителей. Часть плакатов написана китайскими иероглифами. Надеюсь, написано то же, что и по-русски. Даже в машине слышно, как китайцы кричат что-то вроде «Шанго!». Оказалось, так они выражают радость и признание за освобождение.

Приезжаем на кладбище. Иду впереди. За мной Василевский и Людников несут венок. Подходим к православному кресту, на котором выбиты слова: «Вечная память доблестным защитникам Порт-Артура, жизнь свою положившим за Веру, Царя и Отечество. 1904 год». Снимаю фуражку, пока возлагают венок. Потом произношу небольшую речь:

– Сегодня, впервые после победоносного окончания Великой Отечественной войны, мы можем подвести ее итоги. Три месяца назад Красная Армия водрузила Знамя Победы над Берлином и завершила разгром нацистской Германии. Всего три месяца спустя после победоносного разгрома Германии сложила оружие империалистическая Япония. Вторая мировая война, подготовленная силами международной реакции и развязанная главными нацистскими и фашистскими государствами, была закончена полной победой свободолюбивых народов.

Капитуляцию империалистической Японии предопределил разгром ее ударной группировки – миллионной Квантунской армии. Советские войска, выполняя свой союзнический долг, нанесли последний и решающий удар по силам агрессии, развязавшим Вторую мировую войну.

Что принесла победа на дальневосточном театре военных действий? Были ликвидированы все плацдармы и военные базы, созданные японскими империалистами для нападения на СССР, и обеспечена безопасность наших дальневосточных границ. Нашей стране был возвращен Южный Сахалин, Курильские острова. Мы получили свободный выход в Тихий океан. Мы вернули все, потерянное царским режимом.

Все это добыто ценой больших жертв.

Но эти жертвы были не напрасны. Как не напрасны были жертвы героев обороны Порт-Артура. Они, восполняя своим героизмом отсталость и реакционность царского режима, защищали Родину. Они пали, пытаясь остановить первые шаги японского империализма. И они пали не напрасно. Спустя сорок лет мы, их потомки, отомстили за них. Мы вернулись...

«Приведен в исполнение приговор Рекъавикского трибунала над осужденными главарями нацистской Германии и милитаристской Японии. Приговоренные к смертной казни Геринг, Борман, Риббентроп, Кальтенбруннер, Розенберг, Заукель, Франк, Фрик, Штрайхер, Тодзио, Итагаки, Хирота, Мацуи, Доихара, Кимура, Муро повешены на борту специального тюремного судна «Коронер».

Таким образом, международный суд не только осудил войну как тягчайшее преступление против человечества, но и сурово наказал тех, кто планировал, подготавливал и развязывал войны с целью установления господства над другими

странами.

Приговор Трибунала служит грозным предостережением всем милитаристам и зачинщикам военных авантур».

Сообщение ТАСС. 16 октября 1946 года

Эпилог

Смотрю на потолок. Синевато-белый, как небо в солнечный летний день. Сил уже нет, даже глаза открываются с трудом. Вокруг суетятся доктора. Поздно, мужики, этот организм свое уже отработал. Зато как отработал! Пусть не все успел, пусть вместо старых наделал новых ошибок. Но остается главное – мир, отличный от того, из которого я прибыл. Мир, имеющий надежду на лучшее. Самого хозяина тела, до этого момента управлявшего всем, уже нет. Молчит, похоже, его срок давно закончен. Мое же сознание еще борется, еще поддерживает видимость жизни. Но и мне осталось недолго. Темнота наползает, и последнее, что я успеваю прошептать наклонившемуся ко мне Лаврентию:

– Должен жить!..

«Работают все радиостанции Советского Союза...»

Маленький домик на окраине Пушкино. Болезненно-бледный человек, чье лицо знакомо многим читателям по фотографиям в книгах, сидя в кресле, слушает радио и шепчет, не замечая, как слезы текут по щекам...

Писатель-фантаст Александр Беляев слушает радио:

«Работают все радиостанции Советского Союза. Передаем экстренное Сообщение ТАСС⁴⁴.

В течение ряда лет в Советском Союзе ведутся научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы по созданию искусственных спутников Земли...

В результате большой напряженной работы научно-исследовательских институтов и конструкторских бюро создан первый в мире искусственный спутник Земли. 22 августа 1955 года в СССР произведен успешный запуск первого спутника. [...]

Искусственные спутники Земли проложат дорогу к межпланетным путешествиям, и, по-видимому, нашим современникам суждено быть свидетелями того, как освобожденный и сознательный труд людей нового, социалистического общества делает реальностью самые дерзновенные мечты человечества».

«ТАСС сообщает, что старт первого космолета с системой прокола состоится 12 апреля 2017 г в... часов... московского времени. Вы видите «Тахмасиб», снятый нашей робокамерой. В настоящее время на нем проходят последние проверки, по традиции их осуществляет группа контролеров во главе с представителем ГлавКосмоса Алексеем Каманиным...»

*Мне снился сон, короткий сон длиною в жизнь,
Земля в огнях, Земля в цветах, Земля в тиши,
Спасибо, жизнь, за праздник твой,
Короткое свидание с Землей⁴⁵.*

⁴⁴ Реальное сообщение. Автор изменил только даты. Первый в мире искусственный спутник Земли запущен в СССР 4 октября 1957 г.

⁴⁵ В. Асмолов.

